

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Бывший журнал
„Борьба классов“

7-й год издания
№ 2 февраль 1937 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

ПОДЛАЯ ТРОЦКИСТСКО-ФАШИСТСКАЯ БАНДА

1

Боевой работой Народного комиссариата внутренних дел во главе с тов. Н. И. Ежовым, работой советской прокуратуры и Верховного суда СССР разгромлена фашистская агентура внутри страны, ставившая своей задачей насильственное свержение советской власти, реставрацию капитализма в СССР и превращение нашей страны в колонию германского и японского империализма.

С 23 по 30 января 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР разбирала дело контрреволюционеров-троцкистов, предателей родины, убийц, вредителей, шпионов и диверсантов: Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и других бандитов.

Великим гневом были наполнены сердца трудящихся нашей великой родины и трудящихся всего мира по отношению к этой кровавой своре, преступления которой безмерны и превосходят все, что до сих пор знала история. Суд показал, что подлейшие из подлых убийцы С. М. Кирова, агенты фашизма, расстрелянные по приговору пролетарского суда в августе 1936 года — Зиновьев, Каменев, Смирнов, Мрачковский и др., — не сказали всей правды советскому суду. Они обманули суд, скрыв существование подвизавшегося рядом и в союзе с ними «параллельного центра» в составе Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, выполнявшего самые черные дела по заданиям союзника фашистов Троцкого. Каменев, Зиновьев, Мрачковский и другие бандиты утаили, что занимались шпионажем, диверсией, вредительством, изменяли родине вкупе с злодеями из «параллельного центра». Сокольников на процессе антисоветского троцкистского центра показал, что был предупрежден Каменевым о том, что к нему в Наркоминдел явится представитель одной из капиталистических держав для переговоров о шпионской и диверсионной работе против Советского союза. Уже кемеровский процесс в ноябре 1936 года выявил, что контрреволюционеры-троцкисты, по прямым указаниям цепного пса фашизма Троцкого, под руководством своего «параллельного центра» вместе с германскими диверсантами взрывали шахты, отравляли и убивали лучших рабочих-стахановцев.

Они хотели взорвать коксо-химический Кемеровский комбинат, убить возможно большее количество рабочих, нанести урон обороноспособности Советской страны. Каменев, Зиновьев и др. лживо заявляли на суде, что у них не было никакой программы, была только голая «жажда власти». Это была ложь, ибо у них была контрреволюционная программа—программа реставрации капитализма в нашей стране. И для выполнения этой программы они использовали все самые гнусные методы, включая террор против руководителей партии и правительства, убийства рабочих, красноармейцев и детей.

В своей борьбе против социализма, за восстановление власти капитала в СССР контрреволюционеры—троцкисты и зиновьевцы—заключили союз с фашизмом, объединились с фашистскими охранниками. Вместе с ними они готовили поражение нашей страны в борьбе с фашистскими агрессорами и усиленно работали на ускорение войны против народов СССР.

На судебном процессе 27 января 1937 года подсудимый Радек показал, что Троцкий заявил Пятакову, ссылаясь на разговор с заместителем Гитлера Гессом, что фашистская Германия к 1937 году закончит подготовку войны против СССР и троцкисты должны поэтому усилить террористическую, диверсионную и вредительскую работу, особенно на предприятиях оборонного значения. Троцкий и его банда всеми средствами старались ускорить столкновение фашистской Германии и Японии с СССР и подготовить поражение Советского союза в этой войне, с тем чтобы установить в нашей стране капиталистическое рабство и фашистский строй.

Сталинская Конституция — это величественный итог всемирноисторических завоеваний советского народа. В докладе о проекте новой Конституции товарищ Сталин сказал, что в результате всех наших завоеваний и всех «изменений в области народного хозяйства СССР мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни». Троцкистская банда фашистских лазутчиков, озверевшая от ненависти к советскому народу, захотела отнять эти наши завоевания. Она хотела отнять у советского народа все великие права, зафиксированные в сталинской Конституции: право на труд, на отдых, на образование. Троцкистские мерзавцы мечтали вернуть фабрики и заводы капиталистам, поставить хозяином в деревне кулака, отдать советский народ в кабалу мировому фашизму.

Наша социалистическая республика достигла величайших вершин социалистической демократии, выраженных в великой сталинской Конституции. Фашист Троцкий давал через Радека директиву «параллельному центру», что, когда при помощи германских и японских штыков троцкисты станут у власти и восстановят капиталистическое рабство в нашей стране, само собой разумеется, должна быть уничтожена социалистическая демократия. Это означало бы превращение страны в концентрационный лагерь и установление средневекового фашистского режима.

Троцкистские мерзавцы торговали советской территорией: они хотели отдать Украину Германии, Приморье и Приамурье — Японии. Эти гнуснейшие поджигатели мировой империалистической войны сговаривались с фашистскими хозяевами об ускорении военного нападения на СССР. Троцкисты обещали Германии содействие в захвате придунайских стран и балканских государств и помощь в закабалении чехословацкого народа. Такую же помощь в закабалении и растерзании китайского народа они обещали Японии; одновременно они предлагали Японии свою поддержку в ее будущей войне с Соединенными штатами.

Реставрация капитализма, уничтожение социализма в нашей стране, развязывание мировой войны — такова программа троцкистской шайки бан-

дитов. Во главе этой бандитской шайки — сподвижник Гитлера и Гесса, черный пес кровавого фашизма, лютый враг советского народа и трудящихся всего мира подлец Троцкий.

Товарищ Сталин в известном письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» уже в 1931 году говорил, что «троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР». Но троцкисты покатались еще дальше: они «не просто враги СССР и не просто авангард международной буржуазии в ее борьбе с социализмом. Растеряв остатки связей с массами, разоблаченные перед трудящимися, ренегаты революции — троцкисты стали пособниками буржуазии в самых грязных, в самых подлых делах контрреволюции»¹.

Процесс антисоветского троцкистского центра еще раз подтвердил гениальное указание Ленина на то, что пока не закончился переход от капитализма к коммунизму, «...у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, и эта надежда превращается в попытки реставрации», что «...свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая»...»².

Идет упорная борьба между победившим миром социализма и дряхлеющим, умирающим миром капитализма, который предпринимает отчаянные, но безрезультатные попытки задержать дальнейшее наступательное движение социализма.

Фашизм — эта самая зверская, самая остервенелая диктатура империалистической буржуазии — душит народное движение в странах, где он захватил власть; в своей борьбе против СССР, оплота трудящихся всего мира, он находит вернейших сподвижников в лице врагов рабочего класса — троцкистов, выполняющих все его задания.

Борющаяся во главе масс как авангард рабочего класса, как штаб революционного преобразования и социалистического строительства, испытанная в боях, большевистская партия, руководимая Сталиным, сосредоточила на себе всю ненависть мировой империалистической буржуазии. Попытки мировой буржуазии направлены в первую очередь на то, чтобы расстроить ряды большевиков, уничтожить диктатуру рабочего класса, социалистическое государство рабочих и крестьян.

Но Ленин научил нашу партию, как бороться и как расправляться с заклятыми врагами социализма. Ленин был беспощаден к врагам и этому учил партию.

15 мая 1922 года в записке наркомюсту Д. И. Курскому Ленин писал: «По моему, надо расширить применение расстрела... по всем видам деятельности меньшевиков, социалистов-революционеров и т. под.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (лодкулом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)...»³.

Ленин требовал применения смертной казни за антисоветскую деятельность партий, связанную с подготовкой международной буржуазией войны против советской республики и с другими формами борьбы международного капитала против Советской страны. Совершенно ясно, что это требование Ленина целиком распространяется на контрреволюционных троцкистов — предателей родины, союзников фашистских правительств, шпионов и диверсантов, которые в своей контрреволюционной деятельности перещеголяют самых отъявленных белогвардейцев.

¹ Передовая «Докатались». «Правда» от 8 октября 1936 года.

² Ленин «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Соч. Т. XXIII, стр. 355.

³ Журнал «Большевик» № 2 за 1937 год.

133-я статья сталинской Конституции гласит: «Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости законов, как самое тяжкое злодеяние».

В соответствии с этими указаниями Ленина и со статьями сталинской Конституции, выполняя волю многомиллионного народа нашей страны, Верховный суд СССР вынес свой приговор по делу об антисоветском троцкистском центре.

Военная коллегия Верховного суда Союза приговорила 13 бандитов из троцкистско-зиновьевского центра: Пятакова, Серебрякова, Лившица, Муралова, Дробниса, Богуславского, Норкина, Шестова, Ратайчака, Граше, Пушина, Князева, Турока — к расстрелу. Сокольников, Радек и Арнольд заключены в тюрьму на 10 лет, Стрелов — на 8 лет.

Меч пролетарского правосудия обрушился на подлую банду предателей родины и убийц.

Троцкистские выродки, агенты фашизма, диверсанты и вредители получили по заслугам.

2

Превращение троцкистско-зиновьевской антисоветской группы в фашистскую банду диверсантов и убийц, действующих по указаниям иностранных разведок, является завершением многолетней борьбы троцкизма против рабочего класса и ленинско-сталинской партии.

В мрачные годы самодержавия честные, самоотверженные, преданные делу рабочего класса пролетарские революционеры во главе с Лениным и Сталиным строили нашу славную большевистскую партию, боевую партию нового типа. Вокруг Ленина и Сталина собирались люди особого склада, способные смело и решительно пойти на штурм старого мира, целиком отдающие всю свою жизнь революционной борьбе с самодержавием, с капитализмом, за диктатуру пролетариата и социализм.

Наш великий вождь товарищ Сталин, давая клятву осуществить заветы Ленина, сказал: «Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию тов. Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является тов. Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий, — вот кто прежде всего должен быть членом такой партии».

Великая ленинско-сталинская партия закалялась в борьбе, разоблачая и изгоняя из своих рядов лазутчиков контрреволюционной буржуазии.

В течение многих лет до революции и после революции Троцкий, который был врагом диктатуры пролетариата и социализма, вел борьбу с Лениным. Иуда-Троцкий был бит Лениным каждый раз, когда он пытался навязать партии свои меньшевистско-предательские установки.

Вся биография кровавой собаки — Троцкого — полна фактов измен рабочему классу. Троцкий боролся против программного требования социал-демократии — диктатуры пролетариата, боролся против боевой централизованной партии; в революции 1905 года он был противником революционного свержения самодержавия; как и все меньшевики, он боролся против гегемонии пролетариата и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства; в годы реакции и под'ема он был союзником

контрреволюционной буржуазии и сколачивал троцкистско-ликвидаторский блок врагов партии для борьбы с Лениным и большевиками.

Он, Троцкий, в годы мировой империалистической войны, будучи центристом, боролся против большевистских лозунгов. Ленин в 1915 году сформулировал теорию возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Эта ленинская теория победы социализма дала идейное оружие рабочему классу в борьбе с капитализмом. Организатор побед социализма в нашей стране, товарищ Сталин сказал на Чрезвычайном VIII съезде советов: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм». Эти великие победы — результат последовательного осуществления в жизни ленинского учения о победе социализма в одной стране.

Троцкий повел борьбу против ленинской теории империализма, закона неравномерного и скачкообразного развития капитализма в эпоху империализма, против ленинской теории возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Таким образом, уже свыше 20 лет тому назад Троцкий полностью капитулировал перед капитализмом, выступал врагом социализма.

Социалистическая революция победила, отбрасывая со своего пути предателей, борясь против враждебной теории Троцкого, отрицавшего необходимость организации восстания. Троцкий считал, что Октябрьская революция не является социалистической, что она «незаконнорожденная» и что без предварительной победы и государственной помощи европейского пролетариата в нашей стране возможен только капитализм.

Вся послеоктябрьская борьба Троцкого против большевистской партии была по сути дела контрреволюционной борьбой против диктатуры пролетариата и строившегося им социализма, борьбой за восстановление капитализма. И на каждом этапе Троцкий был бит Лениным и Сталиным.

Троцкий боролся за капитализм, против социализма, когда в 1922 году предложил закладывать государственные предприятия частным капиталистам и закрыть крупнейшие гиганты промышленности — Путиловский и Брянский заводы — как «дефицитные»; он боролся за капитализм, против социализма, когда в 1925 году, выступая в Запорожье, предложил дать простор кулацкому «фермерскому» хозяйству в деревне.

Не удивительно, что Троцкий и его сподвижники: Каменев, Зиновьев, Пятаков, Радек и другие враги большевиков, враги социализма — в 1926 году предлагали изъять государственные средства из товарооборота с тем, чтобы туда хлынул частный капитал.

Уже тогда, в 1926 году, они боролись за контроль мирового капитализма над Советским союзом и очень скоро, выслуживаясь перед капитализмом, выдвинули программу реставрации капитализма в СССР.

Многokrатно битый, потерпевший полное поражение в своей длительной борьбе против партии и советской власти, использовавший все методы и приемы борьбы вплоть до подпольных собраний, блока с белогвардейцами и антисоветских выступлений, предатель Троцкий был изгнан из Советского союза. Вследствие победы социализма и ликвидации эксплуататорских классов в СССР лишенный всякой надежды хотя бы на малейшую поддержку масс в своей контрреволюционной работе, заклейменный и ненавидимый советским народом и трудящимися всего мира, Иуда-Троцкий во главе своей банды стал на путь неслыханных преступлений.

В 1931 году Троцкий перешел к подготовке террора. Вместе со своим сыном Седовым и другими бандитами-троцкистами он готовил нападение на торгпредство для добычи денег, для антисоветской работы.

Во имя насильственного свержения советского правительства и восстановления капитализма в СССР обербандит Троцкий вошел в соглашение

с палачами германского народа: Гитлером и Гессом, — с военно-фашистской Японией и вместе со своими сподвижниками из «параллельного центра» раздавал обещания территориальных уступок. Злейший враг рабочего класса фашист Троцкий пытался ускорить войну фашистских стран против Советского союза, усиленно подготавливая поражение нашей страны в этой войне. Во исполнение этой задачи троцкистский антисоветский центр, связавшись с разведками фашистских стран, выполнял диверсионно-вредительские и шпионские задания, особенно на предприятиях оборонного значения, железнодорожном транспорте, подготавливая их вывод из строя во время войны.

Предатель Троцкий стремился при помощи фашистских государств установить в нашей стране диктатуру буржуазии, мечтая играть в ней роль «Бонапарта».

Он привел «историческую аналогию», по которой эта диктатура будет вначале походить на наполеоновскую империю после великой французской буржуазной революции, после подавления власти якобинцев.

Этой «исторической аналогией» Троцкий сказал, что так же, как Наполеон, он будет расправляться с революционным народом. Не в первый раз Троцкий примеряет мундир Бонапарта. Но, кроме Наполеона I, был Наполеон III, о котором К. Маркс писал: «Старый продувной прожигатель жизни, он смотрит на историческую жизнь народов и на важнейшие исторические акты, как на комедию в самом пошлом смысле этого слова, как на маскарад, где все величие в костюмах, в позах и служит лишь маской для мелкой подлости». Таково лицо карикатурного «Бонапарта-Троцкого», в подлости, однако, перещеголявшего самых мерзких людей, каких знала история.

Фашистские порядки — таков идеал контрреволюционера, лютого врага народа — Троцкого.

Презренный враг народа, убийца, шпион и вредитель, Пятаков всю жизнь боролся с ленинско-сталинской партией. В годы войны Пятаков вместе с Радеком и Бухариным боролся против ленинских лозунгов «превращения империалистической войны в войну гражданскую» и «поражения своего правительства», против пункта программы по национальному вопросу — прав наций на самоопределение вплоть до отделения. Пятаков вместе с Радеком и Бухариным, как и Троцкий, боролся против ленинской теории победы социализма в одной стране. Находясь на троцкистских позициях, он выступал против ленинской теории социалистической революции. Ленин характеризовал позицию Пятакова как «империалистический экономизм», ибо она означала отказ от гегемонии пролетариата, отказ от руководства крестьянским и национально-революционным движением в колониях, полуколониях и зависимых странах, отказ от борьбы за требования политической демократии и изображала социальную революцию как «объединенное действие пролетариев всех (!) стран»¹.

На VII, апрельской конференции в 1917 году Пятаков выступал против ленинско-сталинской политики в национальном вопросе, против апрельских тезисов Ленина, против победы социалистической революции и социализма в нашей стране. Эта меньшевистская позиция Пятакова полностью совпала с позицией капитулянта Каменева.

В тяжелые весенние месяцы 1918 года, когда партия Ленина и Сталина боролась за мир, за передышку, Пятаков вместе с Троцким, Бухариным, Радеком и другими стоял на пораженческой позиции по отношению к Советской стране. Они считали, что советская власть стала формальной и можно пойти на ее утрату.

Не случайно при переговорах лидера этих капитулянтов Бухарина с левыми эсерами выработывался контрреволюционный план государственного переворота, свержения советского правительства, ареста Ленина и за-

¹ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 220.

мены его новым, буржуазным правительством, во главе с Пятаковым. Не случайно в течение всего времени существования советской власти Пятаков был ближайшим помощником Троцкого и целиком защищал его контрреволюционную платформу реставрации капитализма в нашей стране.

В 1923 году Пятаков вместе с другими троцкистами подписал клеветнический документ «сорока шести», направленный против Ленина и ленинской политики. Троцкисты пытались заменить ленинскую линию нашей партии капитулянтской, троцкистской. Пятаков вместе с Троцким, Каменевым, Зиновьевым, Радеком и другими контрреволюционерами и в последующие годы боролся против ленинско-сталинской политики, против победы социализма в нашей стране.

Пятаков, как и другие троцкисты, был изгнан из рядов партии на XV съезде ВКП(б).

В 1928 году иезуит Пятаков обманым путем вошел в партию; двурушник-контрреволюционер дал обязательство честно служить рабочему классу. Но, подло обманывая партию, он выполнял директивы Троцкого, создавал террористические группы, занимался диверсионно-вредительской работой.

Пятаков давал указания выводить из строя предприятия, не считаясь с человеческими жертвами, заявляя с цинизмом убийцы, что чем больше жертв, тем лучше, так как, мол, это вызовет недовольство рабочих советской властью. Выполняя указания врага народа Троцкого и его фашистских хозяев, Пятаков наносил «чувствительные удары в наиболее чувствительные места».

Не было таких мерзких преступлений перед советским народом, которые не попытались бы совершить троцкистские мерзавцы по заданиям фашистских агрессоров во имя реставрации капитализма в СССР.

В конце 1935 года Пятаков, используя служебную командировку за границу, при помощи германских фашистов пробрался в Норвегию, в Осло, для свидания с врагом народа Троцким и получения от него директив «параллельному центру» для более активной террористической и вредительско-диверсионной работы по заданию Германии и Японии. Социализм победил, поэтому Троцкий требует от своих подручных более активного проведения террора, больше диверсионных актов, больше шпионской работы — более активного выполнения заданий фашистских правительств. Переходя всякие границы подлости и цинизма, Пятаков в августе 1936 года, в дни процесса над контрреволюционной террористической бандой троцкистов-зиновьевцев, писал по ее адресу.

«Подлая контрреволюционная деятельность окутана невыносимыми, смрадными клубами лжи, двурушничества, обмана всех и каждого. Мало дойти до самых низин человеческого падения: надо пасть ниже Азефа и Малиновского, чтобы создать эту отвратительную систему непрерывной чудовищной лжи и провокации».

Так писал Пятаков в августе 1936 года, когда, по его указаниям, совершались взрывы, поджоги, убийства рабочих. Вот почему сподвижник Пятакова по вредительско-диверсионной деятельности на Кемеровском комбинате, убийца рабочих Норкин, заявил суду, что он, Норкин, будучи уже в это время арестованным, понял эту лицемерную статью Пятакова, помещенную в «Правде», как директиву не раскрывать весь клубок гнуснейших преступлений.

Подлейший интриган, бандит, ближайший соратник Троцкого, слуга фашистов, К. Радек также всю жизнь боролся с ленинско-сталинской партией. Хорошо известно, что много лет до революции Радек вместе с левыми в германской и польской социал-демократии вел борьбу против ленинской политики гегемонии рабочего класса по отношению к крестьянству и национально-революционному движению, против ленинской политики раскола с оппортунистами в международном рабочем движении.

В годы империалистической войны Радек вместе с Бухариным и Пятаковым выступал против ленинской теории империализма и победы социализма в одной стране, отрицал значение национально-революционного движения как резерва пролетариата в борьбе за мировую социалистическую революцию и шел на соглашение с Троцким.

В годы войны Радек (как и Бухарин) защищал полуанархистскую теорию «взрыва» государства, противопоставляя ее марксистско-ленинской теории «слома» старой буржуазной государственной машины и построения нового государства действительной демократии для трудящихся — диктатуры пролетариата.

Все годы после Октября Радек был троцкистом, боролся против победы социализма в СССР, за капитализм. В 1923 году он был оруженосцем Троцкого, клеветал на большевистскую партию, пытался подменить ленинизм троцкизмом. Этот комедиант, рассказчик антисоветских анекдотов, верно служил Троцкому и использовал печатное и устное слово для борьбы с большевиками. В 1926 году, на диспуте в Коммунистической академии троцкист Радек хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя ее щедринской идеей, строительством социализма в одном уезде или даже на одной улице.

В 1918 году, когда германский пролетариат сверг Вильгельма и в Берлине грянули бои рабочих, капитулянт-предатель Радек дал клич к отступлению. «По моему мнению, необходимо прекратить борьбу...» — писал он.

В 1923 году вновь поднялись рабочие в Германии для борьбы с властью буржуазии. Бились рабочие Тюрингии, Саксонии, Гамбурга. И на этот раз троцкист Радек был вместе с предателями Брандлером, Тальгеймером, предавшими германскую революцию.

На XV съезде Радек, враг революционного пролетариата, верный соратник Троцкого, был исключен из партии. Но, согласно выработанной троцкистами новой подлой тактике обмана партии, он вернулся двурушником в ее ряды и принялся за тайное восстановление своих троцкистских связей.

Еще в 1931 году Радек делал ставку на крах коллективизации, на срыв нашей политики ликвидации кулачества как класса. Весной 1932 года Радек установил связь с Троцким через своего «дипкурьера» — троцкиста-журналиста Ромма — и получил от Троцкого директиву насильственного «устранения руководства» партии. Во исполнение этой директивы Радек начал собирать террористические кадры и включился в «параллельный центр» троцкистов. В апреле 1933 года Радек подыскивал троцкиста, который мог бы совершить террористический акт над С. М. Кировым. И этот гнусный циник, вместе с зиновьевцами подготавливавший убийство С. М. Кирова, кощунствуя, писал лицемерные статьи, посвященные памяти Кирова, и «клеймил» убийц из троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Радек вел переговоры о террористических актах против руководителей партии с контрреволюционером из правых — Бухариным. На суде Радек рассказывал, что убийство С. М. Кирова не дало тех результатов, которых ожидали убийцы: «Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а, наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК». И вот Радек договаривается с Бухариным, что надо переходить от единичного террора к групповому террористическому акту.

В письмах Троцкого к Радеку в 1935 и начале 1936 года давалась директива — наряду с организацией группового террора против руководителей партии содействовать поражению СССР в войне с Германией и Японией. Радек встречался с дипломатическими и иными представителями иностранных государств, «визировал» мандат Троцкого на продажу советской территории. Троцкий писал Радеку и всему «параллельному центру», что вероятней всего троцкисты смогут придти к власти в результате поражения СССР

в войне с фашистскими государствами в 1937 году и поэтому надо будет согласиться на раздел и распродажу территории СССР фашистской Германии и Японии, отдать в концессии империалистам важнейшие отрасли народного хозяйства, восстановить частный капитал в промышленности, распустить все колхозы и совхозы, возродить класс кулаков и установить власть фашистов.

Капиталистическое рабство и фашистский гнет — такова программа Троцкого, полученная Радеком и положенная в основу антисоветской деятельности «параллельного центра» контрреволюционеров-троцкистов.

Гнуснейший лицемер Радек, который еще в начале 1936 года получал от Троцкого директивы для «параллельного центра», в августе, в дни процесса над главарями троцкистско-зиновьевского террористического центра, писал в статье «О троцкистско-зиновьевской банде и ее гетмане Троцком»:

«Один за другим встают герои фашистского подполья и, раздеваясь догола, прекословя друг другу, признаются, что сговорились с Троцким и между собой убить лучших людей советского и международного пролетариата. Они рассказывают о том, как получили директивы от Троцкого...»

Дальше двурушник Радек писал:

«Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, который они себе стократ заслужили. Люди, поднявшие оружие против жизни любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата!»

Так писал Радек о своих союзниках, сидевших на скамье подсудимых, с которыми он договорился до их ареста о совместной борьбе с партией, продолжая в то же время в подполье выполнять все поручения агента Гитлера и Гесса — Троцкого.

Предатель и враг рабочего класса, Сокольников в своем служебном кабинете «визировал» мандат Троцкого на «законность» переговоров о распродаже советской территории фашистским государствам.

Сокольников много лет вел борьбу против ленинско-сталинской партии. До революции, в тяжелые годы реакции, он вместе с Каменевым, Зиновьевым, Рыковым и Троцким вел борьбу против большевистского единства партии и требовал «единства» на ликвидаторской платформе, на почве отказа от революционной программы и тактики.

В 1917 году Сокольников вместе с Бухариным при выработке нового проекта программы выступал против ленинской оценки империализма. В 1918 году Сокольников, несогласный с линией Ленина, угрожал отставкой. В 1921 году он подписал антиленинскую, бухаринскую платформу, которую Ленин характеризовал как пособничество «худшей и вреднейшей фракционности»¹.

В 1923 году Сокольников поддерживает Троцкого, Зиновьева и др. и подписывает антипартийную «пещерную» платформу (была написана в пещере под Кисловодском). В 1925 году он вместе с Зиновьевым, Каменевым и другими выступает против командных социалистических высот пролетариата, называя наши государственные предприятия: фабрики, заводы, железные дороги, банки — предприятиями не последовательно-социалистического типа, а государственно-капиталистическими. Сокольников требовал помощи кулакам и стоял за закабаление кулаками бедноты в деревне.

В 1925 году Сокольников выступал против сталинского плана социалистической индустриализации и за аграризацию Советской страны, т. е. за ее хозяйственную отсталость.

¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 114.

Сокольников мечтал о товарной интервенции, кабальных займах, заключаемых с заграницей, он хотел «дауэсизации» страны, превращения Советского союза в аграрный придаток капиталистического мира.

После того как социализм в нашей стране восторжествовал, Сокольников вместе с антисоветским центром, как он цинично об этом говорил на суде, хотел уничтожения индустриализации, роспуска колхозов, восстановления разгромленного кулачества.

Враг большевизма, союзник Троцкого, Сокольников хотел с помощью германского и японского фашизма расчленив СССР, восстановить в стране капитализм и фашистские порядки.

Подлые троцкисты, Серебряков, Лившиц, Богуславский, Князев, Турок и др. занимались диверсиями и шпионажем в пользу фашистских государств. На железнодорожном транспорте они срывали государственный план погрузки угля, руды и хлеба, портили вагоны, паровозы, железнодорожные пути, устраивали крушения. Убийца Князев получал такого рода задания от агента японской разведки.

«...Особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны, с целью заражения остро-разными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск».

Бандит Лившиц организовал вредительства и шпионаж на транспорте. Будучи раньше начальником дороги, а затем заместителем народного комиссара путей сообщения, он в своем служебном кабинете выполнял все указания Троцкого и иностранных разведок, давал директивы Князеву и другим бандитам совершать диверсионные, вредительские акты, пускать под откос поезда, не считаясь с человеческими жертвами. Он выполнял также непосредственно шпионские задания, передавая японской разведке секретные данные об оборонных возможностях железнодорожного транспорта.

Агент японской разведки, Князев показал на суде, что в 1935—1936 году им было организовано 13—15 крупных крушений на этой дороге. При железнодорожных катастрофах было убито 63 человека и ранено 154. Троцкистские диверсанты, выполняя задания японской охранки, организовали на станции Шумиха 27 октября 1935 года крушение воинского поезда, во время которого было убито 29 красноармейцев и 29 ранено. Устраивались крушения и товарных поездов. На организацию диверсионных актов троцкист Турок с ведома своего начальника Лившица получил от японской разведки 35 тысяч рублей. За кровь убитых красноармейцев троцкисты получали деньги от японской разведки.

Троцкисты стремились вносить дезорганизацию в работу железных дорог, этот основной нерв страны, производить закупорку транспорта, но мощная армия железнодорожников, сплоченная сталинским наркомом Л. М. Кагановичем, из году в год подымала социалистический транспорт.

В химической промышленности, по заданию Пятакова, работали немецкие разведчики Ратайчак и Пушкин, которые задерживали строительство новых заводов и предприятий и организовывали диверсионные акты. В 1934—1935 году было произведено три диверсионных акта на Горловском азотно-туковом комбинате, повлекших за собой гибель рабочих и большие материальные убытки; по указанию Ратайчака, были организованы диверсионные акты на Воскресенском химическом комбинате и на Невском заводе.

Диверсант, шпион, убийца, отъявленный негодяй, Шестов подробно показал на суде, как он через сына Троцкого — Седова — налаживал связь с германскими разведчиками и вместе с ними организовывал вредительскую, шпионскую работу. В Прокопьевском руднике, где «работал» Шестов, к концу 1935 года было произведено 60 подземных пожаров. Эти отъявленные мерзавцы организовали потайной склад динамита; случайно натолкнувшись на него игравшие неподалеку дети шахтеров были разорваны на куски. По

заданию Шестова, троцкисты убили честного специалиста Бояршинова за то, что он сигнализировал о вредительской деятельности. Эти грабители, уголовные преступники совершили налет на Анжерский банк и украли 164 тысячи рублей.

Троцкистские бандиты хотели вывести из строя также и угольную промышленность. Они пытались сорвать и дискредитировать стахановское движение, создавая невероятно трудные условия работы в шахтах, снизить производительность труда, но это им не удалось. Величайший трудовой энтузиазм рабочих, преодолевая все трудности, дает высокие производственные показатели. Несмотря на все вредительства, диверсионные акты угольная промышленность неуклонно растет. В Кузбассе вместо 799 тонн угля, полученных в 1913 году, мы добились 17 259 тонн в 1936 году.

Эти фашистские наемники убили пламенного большевика, трибуна революции С. М. Кирова, они покушались в Кузбассе на тт. Молотова и Орджоникидзе. Троцкистские бандиты организовали террористические группы в ряде городов: Москве, Ленинграде, Новосибирске,—на Украине и в Закавказье. Кровавый пес Троцкий неустанно требовал от своих сообщников покушения на товарища Сталина, потому что с именем товарища Сталина связаны величайшие завоевания социализма. Сталин — боевое знамя советского народа и трудящихся всего мира, ведущих борьбу против фашизма и войны, за счастливую, радостную жизнь.

3

Троцкистско-зиновьевская банда поборников реставрации капитализма раздавлена. Эта же участь постигнет всех их пособников и союзников.

Как выясилось на суде из показаний Радека и Сокольников, и правые контрреволюционеры имели свой террористический центр. Вместе с троцкистами они изменили партии и готовили адский план государственного переворота, борясь за восстановление капиталистических отношений в нашей стране.

Сокольников на суде показывал:

«Что касается программных установок, то еще в 1932 г. и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году.

Руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму...»

В борьбе против социализма на платформе реставрации капитализма объединялись троцкисты и правые, сомкнувшиеся с фашистскими государствами.

Ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране определило генеральную линию партии, всю линию развития страны пролетарской диктатуры. Троцкисты-зиновьевцы, выступив против учения о возможности построения социализма в нашей стране, боролись против партии по коренному, программному вопросу, перейдя на сторону врагов большевизма, на позиции защитников капитализма.

Рабочим и колхозникам нашей многонациональной страны безмерно дорога их родина, ценою крови и страданий приобрели они право на счастливую жизнь в своем социалистическом отечестве. Они любят свою роди-

ну, потому что она принесла им радостную жизнь, и они не позволят никому торговать ею.

Изменники нашей партии, торговцы родиной, будут и впредь караться беспощадно.

Коммунистическая партия строит коммунистическое общество на счастье всему человечеству, она воспитывает в духе коммунизма миллионные массы трудящихся — патриотов своей родины.

«Мы оборонцы социалистического отечества с октября 1917 года», — писал Ленин.

Трудящиеся Советского союза хорошо знают и помнят эти слова Ленина.

* * *

Троцкисты, участники антисоветского троцкистского центра, уничтожены. Советский суд перед лицом всего мира пригвоздил к позорному столбу Иуду-Троцкого, сеющего убийства и всеми силами старающегося развязать войну по указке фашистских штабов Германии и Японии. Не уйдет мерзавец Троцкий от гнева и суда мирового рабочего класса! Проклятые расстрелянные негодяи из «параллельного центра» не сказали всей правды. Нет и не может быть полной уверенности, что их охвостье не копошится еще в подполье. Беспощадная борьба в нашей стране против остатков разгромленных классов продолжается. Иуда-Троцкий, олицетворяющий всю кровавадность, всю подлость врагов нашей советской родины, всю ненависть их к социализму, этот презренный враг народа и всего трудящегося человечества, пригретый фашистскими правительствами, все еще плетет сети кровавых заговоров, измен, шпионажа и провокаций. Он еще будет пытаться вести исключительную по своей гнусности и подлости борьбу против советского народа. Поэтому еще больше чем когда-либо трудящиеся нашей родины должны усилить свою революционную классовую бдительность, научиться распознавать любые приемы и методы вражеской деятельности.

Надо помнить, что и на историческом фронте подвизались такие бандиты, как Радек, Фридлянд, Пригожин, Дубыня и др., которые, фальсифицируя историю, подло маскируясь, пытались использовать исторический фронт для своих контрреволюционных целей. Никогда не следует забывать слов товарища Сталина:

«...Либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протаскивать контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор»¹.

Троцкисты-злюндовцы, кровавые отщепенцы, вернейшие прислужники фашизма, этого злейшего врага всего передового и прогрессивного человечества, должны быть уничтожены дотла. И они будут уничтожены. Нет такой силы, которая могла бы вернуть в капиталистическое рабство великий советский народ.

Трудящиеся Советской страны всеми силами защищают и будут защищать свою великую родину от посягательства на нее врагов.

Трудящиеся нашей советской родины, подымая бдительность, окружая железным кольцом преданности своих вождей, разгромят и развеют в прах всех врагов народа, врагов социализма.

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 476.

Б. Волин

ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

В ФЕВРАЛЕ—МАРТЕ 1917 ГОДА

1

В своей прокламации, выпущенной в июле 1914 года по поводу объявления войны, Петроградский комитет РСДРП (большевиков) писал, обращаясь к народу:

«Солдаты и рабочие! Вас призывают умирать во славу казацкой нагайки, во славу отечества, расстреливающего голодных крестьян, душащего по тюрьмам лучших своих сынов. Нет, мы не хотим войны, должны заявить вы,— мы хотим свободы России! ...Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует революция!»

Этот призыв к революции, многократно вслед за этим повторявшийся большевистской партией, этот лозунг о необходимости превращения империалистической войны в войну гражданскую, сформулированный Владимиром Ильичем Лениным в «Манифесте ЦК РСДРП» (опубликованном 1 ноября

1914 года в № 33 «Социал-демократа»), к концу 1916 года готов был превратиться в реальность. В России к этому времени все больше и больше накапливалось элементов революционной ситуации.

В чем это выражалось?

Общая разруха, которую переживала царская Россия в годы войны, достигла крайних пределов к концу 1916 года. В царскую армию было мобилизовано 19 миллионов человек, что составляло свыше половины всего взрослого мужского населения царской России. Это не могло не отразиться крайне резко на состоянии производительных сил страны. Сельское хозяйство, и до того находившееся в исключительно тяжелом положении, пришло в полнейший упадок. Обнищание крестьянства, в особенности в связи с тем, что работники были взяты в царскую армию, достигло крайних пределов. Помещичьи хозяйства тоже претерпевали большие

Очередь за продуктами.

Петроград. Начало 1917 года.

трудности, так как и из помещичьих имений были мобилизованы батраки и рабочие, нужные для этих хозяйств. Промышленность, кроме той, которая работала на армию, «на оборону», как выражались тогда, удовлетворялась необходимым сырьем не больше чем на 50%. Транспорт пришел в полную негодность. В связи с этим снабжение городов и особенно Петрограда, Москвы и других промышленных центров было чрезвычайно напряженным.

Голод в городах и в особенности в таком городе, как Петроград, столице царской России, все больше и больше усиливался. Началась исключительная, небывалая вакханалия спекуляции всеми видами товаров. Петрограду доставлялась $\frac{1}{3}$ необходимого хлеба. Очереди в Петрограде, в Москве и в других городах все больше и больше увеличивались. Рабочие, работницы и их дети вынуждены были простаивать по целым ночам и дням, для того чтобы получить крайне недостаточную порцию хлеба, да и то не все могли ее достать. Начались волнения в очередях, на улицах. Об этом очень красочно говорят донесения жандармерии.

Так например начальник Пермского жандармского управления от 18 октября 1916 года доносил:

«Умы встревожены; не достает лишь толчка, дабы возмущенное до-

роговижной население перешло к открытому возмущению»¹.

Начальник московской охраны 20 октября 1916 года также доносил:

«В дни кризиса напряжение масс доходит в Москве до той степени, что приходится ожидать, что это напряжение может вылиться в ряд тяжелых эксцессов»².

По этим и другим многочисленным донесениям для царского правительства было ясно, что назревают очень серьезные и опасные для самодержавия, для романовской династии события.

Среди угнетенных царизмом народов разрасталось национально-освободительное движение. Империалистическая война становилась особым ускорителем революции.

Особенно тревожно для царского правительства было положение в армии: грабительский характер войны, ее цели, чуждые и враждебные народу, становились все яснее для миллионов мобилизованных рабочих и крестьян.

Царское правительство и его клика — дворянско-крепостнические круги, — видя, что назревает революция, делали всяческие попытки выйти из войны, которая все больше и больше

¹ Цит. по «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 51.

² Там же, стр. 52.

ше приводила страну к разрухе и к разложению армии. Через разных высокопоставленных лиц царским правительством делались попытки заключить сепаратный мир с Германией и с Австрией. Распутин, игравший такую значительную роль при дворе и орудовавший совместно со всей придворной шайкой, добивался от царя сепаратного мира с немцами. Каммерфрейлина царицы Васильчикова, находившаяся за границей, делала ряд попыток к переговорам между кайзеровским правительством и царем. План состоял в том, чтобы быстрее заключить сепаратный мир с Германией и с Австрией, а затем вместе с немцами выступить против назревшей русской революции. При этом предусматривался даже разгон Государственной думы, которая в глазах царской клики была революционной.

Растерянность и неустойчивость царского правительства были крайне велики. Это, между прочим, сказывалось в министерской чехарде, происходившей в тот период времени. Совет министров иначе не называли, как «кувырк-коллегией», потому что не успевали назначить одного министра, как уже назначали другого взамен его. За два года сменилось четыре председателя совета министров: Горемыкин, Штюрмер, Трепов и Голицын. Сменилось шесть министров внутренних дел, три военных министра — это в период войны! Сменилось три министра иностранных дел. Подбор министров производили, исходя из задач спасения династии и разгрома надвигавшейся революции.

Это был заговор царского правительства против революции.

Рядом с этим заговором составлялся заговор дворянско-буржуазных верхов. Крупная промышленная и финансовая буржуазия также видела нарастание революционных событий, и ее обуял исключительный страх перед революцией. Буржуазия была заинтересована в войне, в аннексиях, в захватах чужих территорий, которые должны были последовать за победоносной войной. Один из идеологов и руководителей буржуазии — профессор истории Милюков, будущий министр иностранных дел Временного

правительства и один из тогдашних лидеров кадетской партии — всячески развивал идею необходимости захвата Константинополя и Дарданельского пролива в интересах русского капитала. Русская буржуазия была против сепаратного мира.

Чтобы осуществить путем продолжения войны свои империалистические замыслы, буржуазия ставила себе задачу — убить или другими путями устранить Николая II и царицу, сделать наследником малолетнего его сына Алексея, а регентом — правителем — великого князя Михаила, брата царя. Буржуазия хотела путем дворцового переворота добиться конституционной монархии. Профессор Милюков в октябре 1916 года на конференции кадетской партии говорит: «Нашей задачей будет не добивать правительство, что значило бы поддерживать анархию (в устах Милюкова анархия означала революцию. — Б. В.), а влить в него совершенно новое содержание, т. е. прочно обосновать правовой конституционный строй. Вот почему в борьбе с правитель-

Разгром продовольственных лавок.
Начало 1917 года.
Рис. Владимирова.

ством несмотря на все необходимо чувство меры»¹.

Лидер буржуазии Милюков еще задолго до революционных событий предупредил свою партию и широкие буржуазные круги, что должен быть организован известный блок между буржуазией и романовской династией и помещиками, на которые эта династия опиралась, с тем чтобы совместными усилиями выступить против революции, «против анархии», как выражался Милюков.

Петроградская стачка 25—26 октября 1916 года, ее размах усилили фронт заговора буржуазии. Депутаты Думы: «прогрессист» Шидловский, черносотенец Шульгин и кадет Мануйлов — 3 ноября требовали уже не министерства доверия, а «ответственного министерства», т. е. ответственного перед Думой.

В заговоре о дворцовом перевороте буржуазию поддерживал англо-французский капитал. Английский посол, аккредитованный при царском дворе, Джордж Бьюкенен и французский посол Морис Палеолог были в курсе заговора, предупреждающего революцию, и являлись активными его участниками. Джордж Бьюкенен в своих воспоминаниях говорит:

«Дворцовый переворот обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты император и императрица или только последняя»².

Владимир Ильич Ленин, получив известие о февральской революции и делая оценку событиям, предшествовавшим февральским, в своих «Письмах из далека» обращает на этот момент очень большое внимание. Он говорит:

«...Если поражения в войне сыграли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то связь англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом

России явилась фактором, ускорившим этот кризис... Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (но будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно стремились к смещению Николая Романова»³.

И в другом месте, немного дальше, Владимир Ильич, останавливаясь на этом же моменте, говорит:

«...Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму»⁴.

Таким образом, роль французского и английского посольств в борьбе с нарастающей революцией и в ускорении событий была очень значительна.

Буржуазия питала надежду, что дворцовый переворот внесет некоторое успокоение в массы, что новое, более авторитетное и активное монархическое правительство сумеет предупредить нарастающую революцию и сделать Россию способной для продолжения войны «до победного конца».

Кое-кто из дворцовой клики делал по-своему усилия, чтобы как-нибудь спасти династию. Небольшая группа лиц в составе известного реакционного депутата крайнего монархиста Пуришкевича, великого князя Дмитрия Павловича Романова и Юсупова решила убить Распутина. Они его заманили во дворец Юсупова и убили, а потом спустили под лед.

Лично царь и его приближенные не хотели идти ни на какие компромиссы даже с буржуазией и готовили серьезную борьбу против надвигающихся событий. Были заготовлены указы о роспуске Государственной ду-

¹ Цит. по «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 52.

² Там же, стр. 57.

³ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 17.

Французский министр-социалист Альбер Тома произносит речь перед русскими солдатами.
1917 год.

мы, подтягивались войска, проверялись воинские части в столице, с тем чтобы в нужный момент разгромить революцию.

Но англо-французский капитал напрягал все усилия, чтобы не допустить до революционных событий. В частности, французским правительством была послана в Россию группа крупнейших деятелей Франции, чтобы агитировать за продолжение войны и заручиться обещанием и согласием царя о переброске нескольких сот тысяч рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, на Западный фронт. Во главе этой делегации был крупнейший представитель II интернационала — Альбер Тома и Вивиани, оба — «социалисты». Альбер Тома — министр снабжения во французском правительстве — был один из виднейших социалистов II интернационала. Вивиани был одним из видных «независимых социалистов», который потом стал даже главой французского правительства. Задача их заключалась в том, чтобы закабалить русских рабочих, чтобы милитаризировать заводы, чтобы царское правительство продолжало

войну до конца и чтобы оно осталось верным заключенным договорам с союзниками. После вплоть до выступления в связи с судом над троцкистско-зиновьевской шайкой шпионов, диверсантов и убийц, каждый раз лидеры II интернационала выступали против борющегося пролетариата, против революционной России, против социализма. Эти «социалисты» — Альбер Тома и Вивиани — вместе с царем Николаем II обсуждали и решали вопрос о продолжении войны, о создании таких условий в стране, которые спасли бы верность России союзникам и привели бы к разгрому революции.

Но все эти господа строили свои планы без настоящего хозяина. Настоящим хозяином положения был, должен был стать и оказался рабочий класс, руководимый партией большевиков.

2

Царское правительство со всей жестокостью расправлялось с большевиками: оно громило их организации, оно ссыло в Сибирь, на

В. И. Ленин. 1917 год.

каторгу. Владимир Ильич Ленин находился в далеком эмигрантском изгнании за границей, в маленькой Швейцарии. Товарищ Сталин находился в далекой гиблой туруханской ссылке. Также находился в ссылке один из крупнейших руководителей и организаторов нашей партии тов. Свердлов. Были сосланы в Сибирь тов. Орджоникидзе и многие другие. Аресты жандармами активных работников большевистской партии происходили беспрерывно. Аресты, мобилизации на войну распыляли силы партийных организаций. Но все же, ни на минуту не прекращая революционной борьбы за свержение царизма, партия жила чрезвычайно интенсивной жизнью. Существовали кружки, объединенные в районы. Велась пропаганда среди рабочих на заводах, на фабриках и в армии. Распространялись в значительном количестве листовки, прокламации, воззвания и обращения партийных организаций. Одна из прокламаций, изданных в тот период Петербургским комитетом большевиков под названием «К пролетариату Петербурга», гласила:

«С каждым днем жизнь становится труднее... Война кроме миллионов

убитых... несет в себе и другие беды: продовольственный кризис и связанную с ним дороговизну... Довольно терпеть и молчать! Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества»¹.

Прокламация призывала к борьбе с царским правительством. Рабочие массы чутко прислушивались к призывам большевиков. Некоторые цифры говорят о том, как в тот период нарастания революционной ситуации росло влияние большевистской агитации и пропаганды, росло количество забастовок, что являлось чрезвычайно важным показателем поднимавшейся энергии и растущей активности рабочих масс.

В 1914 году бастовало 35 тысяч рабочих, в 1915 году — 540 тысяч рабочих, в 1916 году — 952 тысячи рабочих.

Только в одном Петрограде в октябре 1916 года бастовало около 200 тысяч рабочих, причем эти забастовки и в Петрограде и в ряде других городов носили политический характер.

Партия большевиков готовила рабочие массы, готовила страну к вооруженному восстанию против царизма.

9(22) января 1917 года — день годовщины январского «кровавого воскресенья» в 1905 году, когда забастовало до 300 тысяч рабочих в одном только Петрограде, — можно по праву признать началом быстрого нарастания революционной борьбы, завершившейся к концу февраля свержением самодержавия. Забастовки в этот день определили дальнейший рост революционных событий и показали, какое огромное влияние имеет несмотря на значительную организационную ее слабость большевистская партия на рабочих.

В Петрограде находилось Бюро ЦК партии, руководившееся славным соратником товарища Сталина — В. М. Молотовым. Это Бюро ЦК партии дало решающую директиву — идти в наступление, готовить всеобщую стачку, готовить вооруженное восстание. Все партийные организации

¹ Цит. по «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 52.

поддержали эту директиву Бюро ЦК партии и сосредоточили свои силы на подготовке революции.

Дальнейшие события показали, в какой степени большевистская партия пользовалась влиянием среди рабочих. 14 февраля должна была открыться Государственная дума. Большевики призывали к поддержке Государственной думы. Кадеты в Государственной думе очень боялись вывода рабочих даже на защиту Государственной думы: до того был велик страх у буржуазии перед движением рабочих масс! Мелкобуржуазные партии помогали буржуазии. Большевики настаивали на выводе рабочих на улицу под флагом и под лозунгами защиты Государственной думы. Большевики прежде всего признали необходимым обратиться к петроградскому пролетариату с призывом демонстрировать не 14 февраля, в день открытия Государственной думы, а 10 февраля, в день годовщины суда над пятеркой депутатов большевистской фракции Государственной думы, арестованной в начале войны и сосланной в Сибирь. 10 февраля по призыву большевиков рабочие бросили работу.

была проведена забастовка, были распространены большевистские листки, произошли столкновения с полицией.

Но большевики использовали и 14 февраля, призвав петроградский пролетариат на демонстрацию в знак протеста против реакционной Думы. В этот день забастовало в Петрограде до шестидесяти предприятий. Были демонстрации с лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой войну!»

Забастовки и демонстрации, происшедшие 14 февраля, продовольственные волнения, происходившие в этот день, выход рабочих и работниц на улицы под большевистскими лозунгами — все это показывало, как значительно влияние большевистской партии.

Партия большевиков продолжала интенсивную работу вглубь, вширь, или, как Ленин выражался в одном из своих первых «Писем из далека», по «уширению работы». Вот это «уширение работы» по организации масс проводилось партийными организациями очень интенсивно, широко.

В международный женский день 8 марта большевики призывали рабочих к новой демонстрации и забастов-

Товарищи И. В. Сталин (второй сверху, слева) и Я. М. Свердлов (первый справа, сверху) в группе ссыльных в Туруханском крае. 1915—1916 годы.

ке. В этот день — это было 23 февраля по старому стилю — забастовало около 90 тысяч человек. Демонстрации с транспарантами с призывами к свержению самодержавия сопровождались значительными стачками и столкновения с казаками и полицией.

События стали разворачиваться чрезвычайно быстро. На следующий день, 24 февраля, происходили новые демонстрации и столкновения. Рабочие выступили под красными знаменами с надписями и возгласами: «Долой царя!», «Хлеба!», «Долой войну!»

Но стачки и демонстрации не решали судьбу самодержавия. Ленин в сентябре 1906 года в своей статье «Уроки московского восстания» писал, что «всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя», что «движение с стихийной, неуправляемой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание».

Так писал Ленин, подводя итоги московскому вооруженному восстанию в 1905 году. Развивая эти свои мысли о восстании, Ленин указывал, что в процессе восстания необходимо вести систематическую и героическую борьбу за войско. Он говорил, что «работа в войске необходима», что «если революция не захватит самого войска, не может быть и речи о серьезной борьбе».

Именно по этому пути направляли свою революционную работу петроградская организация большевиков и Бюро ЦК партии, призвавшее партийные организации вовлечь в революционную борьбу солдат.

Большевики направляли в бурное революционное русло два потока. Первый поток — это поток рабочих масс. Второй поток — это поток солдатский. Оба потока слились в единый бурный революционный поток, который и смел самодержавие.

Эта работа большевистской партии среди солдат петроградского гарнизона не могла не увенчаться успехом. Соприкосновения солдат, которых заставляли усмирять рабочих и рабочих, с демонстрирующими массами не могли не революционизировать солдат, и работа большевиков в этом отношении ускорила процесс революци-

онизирования петроградского гарнизона. Каждый день можно было наблюдать как нарастали революционные настроения солдат, как увеличивались их колебания. Становились все более часты случаи отказа солдат проливать кровь рабочих. Даже казаки, наиболее дисциплинированные воинские части царской армии, в некоторых случаях активно выступали против полицейских, избивавших рабочие массы. И хотя Николай II отправил очень грозную телеграмму начальнику петроградского гарнизона Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелые дни войны с Германией и Австрией», — все же генералу Хабалову не удалось выполнить приказ своего царя.

Несмотря на военные меры царского правительства всеобщая стачка, начавшаяся под руководством большевиков, переходила в вооруженное восстание. Настало время, о котором великий Ленин за 10 лет до этих событий, еще в 1906 году, пророчески писал, заключая свою статью «Уроки московского восстания»:

«Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе»¹.

Царское правительство пыталось обезглавить руководство партийной организации большевиков в Петрограде. Среди многочисленных арестов, которые царская охранка произвела в ночь на 26 февраля, был также арест пяти членов Петроградского комитета партии. Но партийная работа не пре-

¹ Ленин. Соч. Т. X, стр. 53.

кращалась. Фактическое руководство борьбой перешло к Выборгскому районному партийному комитету.

Еще до своего ареста Петроградский комитет партии издал прокламацию, в которой со следующими словами обратился к рабочим, крестьянам и солдатам.

«Всех зовите к борьбе,— говорило воззвание Петербургского комитета большевиков.— Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы.. Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика!.. Вся помещичья земля народу!.. Долой войну!.. Да здравствует социалистический Интернационал!»¹.

3

26 февраля (11 марта) Бюро Центрального комитета партии от имени партии обратилось с манифестом ко всем гражданам России. Этот документ имеет исключительную важность, поскольку это был открытый призыв нашей партии к массам. Так он и назывался в отпечатанном виде: «Манифест Российской Социал-демократической Рабочей Партии Большевиков ко всем гражданам России».

В этом манифесте говорилось:

«Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, которые приготовило царское правительство.

Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство.

Задача рабочего класса и революционной армии — создать Временное Революционное Правительство, которое должно стать во главе нового нарождающегося республиканского строя.

Временное революционное прави-

¹ Цит. по «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 69.

И. В. Сталин. 1917 год.

тельство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу; введение 8-ми часового дня и созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов.

Временное революционное правительство должно взять на себя задачу немедленного обеспечения продовольствием населения и армии, а для этого должны быть конфискованы все полные запасы, заготовленные прежним правительством и городским самоуправлением.

Гидра реакции может еще поднять свою голову. Задача народа и его революционного правительства — подавить всякие противонародные контрреволюционные замыслы.

Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства — войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и работодателей, против царских прави-

В. М. Молотов. 1917 год.

тельств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработенным народам.

Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во временное революционное правительство, которое должно быть созвано под охраной восставшего революционного народа и армии.

Граждане, солдаты, жены и матери! Все на борьбу! На открытую борьбу с царской властью и ее приспешниками.

По всей России поднимается красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России по городам и селам создавайте правительство революционного народа.

Граждане! Братскими, дружными усилиями восставших мы закрепили нарождающийся новый строй свободы на развалинах самодержавия!

Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!

Под красное знамя революции!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует революционный рабочий класс!

Да здравствует революционный народ и восставшая армия!

Центральный комитет Российской Социалистической Рабочей партии»¹.

Такой призыв Бюро ЦК партии и организационная работа большевиков падали на горячую почву революции.

Солдаты и матросы вслед за восставшим 27 февраля Волынским полком, выведенным рабочими из казармы, уже как товарищи по борьбе стали появляться в рабочих районах, разоружая и истребляя жандармов, полицейских и офицеров. Начался разгром тюрем и освобождение узников царизма.

Создавшееся положение учитывала руководящая группа в Государственной думе. Председатель Думы, крупнейший помещик Родзянко, пытался в последний раз спасти романовскую династию. Он телеграфировал царю:

«Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца»².

А на следующий день, при виде развернувшегося победоносного восстания, он снова телеграфировал царю:

«Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии»³.

Последний час самодержавия России действительно настал. Судьба монархической России была решена. Настал конец романовской кровавой династии. Посылка солдат с фронта для усмирения Петрограда не привела ни к чему, так как солдаты по дороге братались с рабочими и переходили на сторону революции. Царь, отправившийся из ставки вместе с войсками, не мог доехать до Петрограда, застрял на станции Дно и должен был повернуть назад, а через несколько дней (8 марта) был арестован.

В то время когда рабочие и солдаты на улицах Петрограда самоотверженно сражались против вооруженных сил царизма, его полиции и жандармерии, буржуазия, стремившаяся стать

¹ Цит. по «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 74.

² Там же, стр. 65.

³ Там же, стр. 70.

у власти в целях доведения войны до победного конца, образовала 27 февраля старого стиля (12 марта по новому стилю) Временный комитет Государственной думы. В этот Временный комитет Государственной думы вошли: Родзянко, князь Львов, Шульгин, Коновалов и другие, а также «социалисты» Чхеидзе и Керенский.

Очень характерны те настроения, с которыми в этот Временный комитет Государственной думы входили лидеры Государственной думы. Шульгин в своих записках так передает свои чувства и чувства других членов Государственной думы в момент образования комитета, когда слышались возгласы и крики революционных рабочих, стук прикладов восставших солдат о мраморные лестницы Таврического дворца:

«Пулеметов — вот чего мне хотелось, ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы — этот зверь был... его величество русский народ!.. То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась»¹.

Рядом с властью буржуазии народилась новая революционная власть, родилось новое правительство.

Вечером того же дня, 27 февраля (12 марта), образовался Петроградский совет рабочих депутатов.

Первая революция в условиях империалистической войны началась, и события, которые разворачивались, показывали, в какой степени правильно было учение Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

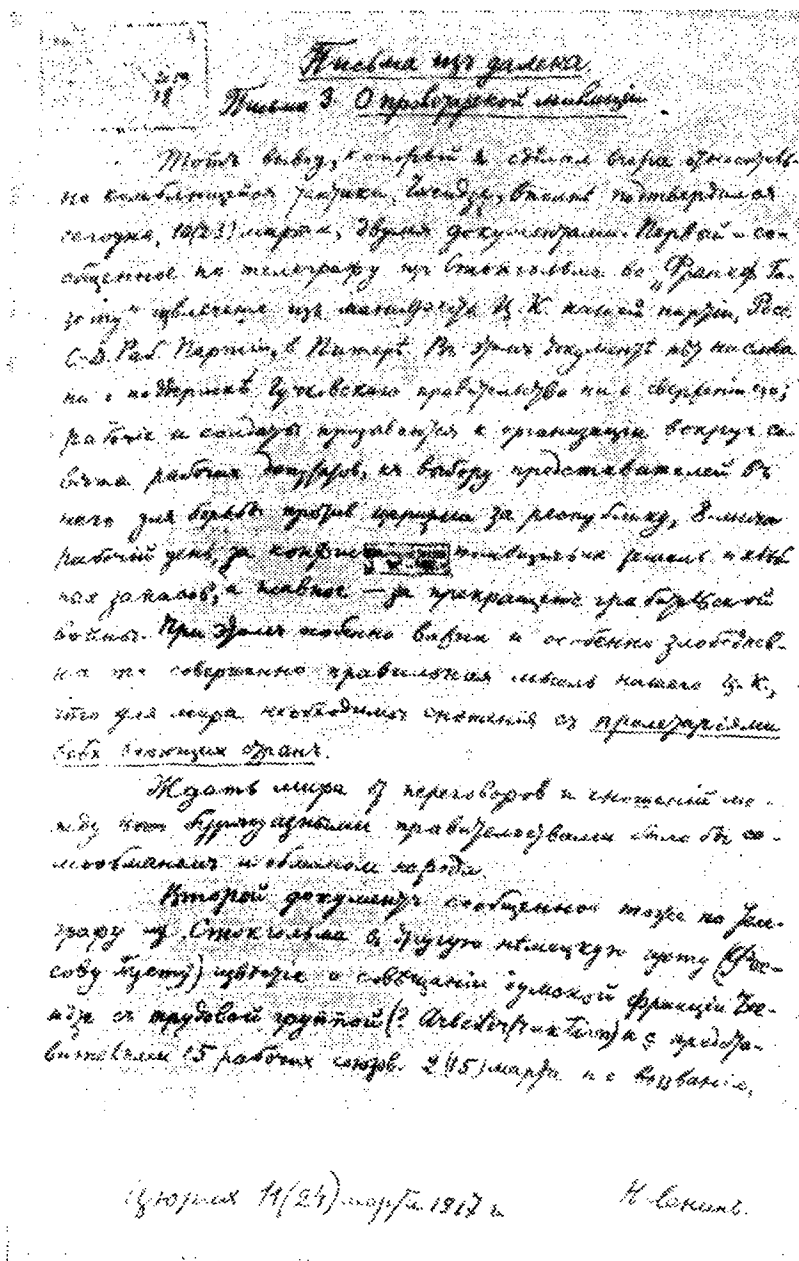
Еще в сентябре 1914 года, через месяц после объявления войны, в своих тезисах «За-

дачи революционной социал-демократии в европейской войне» Владимир Ильич дал следующий лозунг:

«всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран»².

Этот лозунг — превращение войны империалистической в войну гражданскую — Ленин повторил 28 сентября 1914 года в Швейцарии, выступая в прениях на реферате, прочтенном Плехановым, где, согласно газетному отчету, опубликованному в меньшевистской газете «Голос» (газета, изда-

² Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 46.

¹ Цит. по «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 70—72.

трудности, вызванные разгромом их организаций, арестами их руководителей и условиями войны, систематически, настойчиво и неуклонно всей своей работой подвели трудящиеся массы царской России к вооруженному восстанию против царского правительства. Эти ленинские директивы стали претворяться в жизнь в феврале—марте 1917 года.

4

Свержение самодержавия явилось завершением первого стратегического этапа революции.

План революции, разработанный Лениным еще в 1905 году, в первой его части был завершен развернувшейся революцией, в которой движущими силами был рабочий класс и крестьянство, в которой гегемоном был пролетариат, руководимый партией большевиков.

Этот ленинский план революции надо изучать во всех подробностях, для того чтобы представить себе ясно, как действительно гениально Ленин предсказал ход событий, как он учил нашу партию руководить массами, учитывать создающуюся политическую обстановку и как этот план был полностью оправдан жизнью. Исключительно важны указания по этому поводу, сделанные товарищем Сталиным в его

работе «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». Товарищ Сталин учит:

«Стратегия партии не представляет чего-либо постоянного, раз навсегда данного. Она меняется в зависимости от исторических поворотов, исторических сдвигов»¹.

Говоря о первом историческом повороте и курсе на буржуазно-демократическую революцию в России, товарищ Сталин с величайшей, гениальной четкостью, ему свойственной, формулирует основные мысли стратегического плана, который был построен Лениным:

«Поворот этот начался в начале девятисотых годов, в период русско-японской войны, когда поражение царских армий и грандиозные политические забастовки русских рабочих всколыхнули все классы населения и вытолкали их на арену политической борьбы. Кончился он, этот поворот, в дни Февральской революции в 1917 году»².

В чем же заключался большевистский план на первом этапе революции?

¹ Сталин «Об Октябрьской революции». Сборник статей 1932 года, стр 44—45.

² Там же, стр 45.

Волынцы и восставшие солдаты других полков на Литейном.

Петроград. 1917 год.

Уличный бой 27 февраля 1917 года в Петрограде.

Рис. Владимирова.

«Большевистская стратегия, — пишет товарищ Сталин, — планировала основной удар революции по царизму по линии коалиции пролетариата с крестьянством, при нейтрализации либеральной буржуазии.

Последующее развитие революции вплоть до февраля 1917 г. целиком подтвердило правильность этого стратегического плана»¹.

Уже из этой характеристики, данной товарищем Сталиным стратегическому плану, разработанному Владимиром Ильичем Лениным, видно, как правильно намечал Владимир Ильич ход событий, как он ставил вопрос о буржуазно-демократической революции и дальнейшем ее перерастании в революцию социалистическую.

Февральская революция 1917 года была по своему характеру революцией буржуазно-демократической.

В своем первом письме «О тактике» Ленин, говоря о первом этапе революции, писал:

«В чем же состоит первый этап?

В переходе государственной власти к буржуазии.

До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-

дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках другого, нового, класса, именно: буржуазии.

Переход государственной власти, — указывает Владимир Ильич, — из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

«Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена»².

Буржуазия не была и не могла быть движущей силой революции: она революции боялась, она пыталась спасти монархию, идя с ней на компромисс, на сделку. Таким образом, буржуазия сразу выступила как контрреволюционная сила.

Владимир Ильич подчеркивает, что именно «Питерские рабочие и солдаты, как и рабочие и солдаты всей России, самоотверженно бились против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за мир против империалистской бойни»³.

«Русским рабочим, — указывал, далее, Ленин, — выпала на долю честь и счастье первым начать революцию, т. е. великую, единственно закон-

¹ Сталин «Об Октябрьской революции». Сборник статей 1932 года, стр. 45.

² Ленин. Соч. Т. XX, стр. 100.

³ Там же, стр. 17.

ную и справедливую, войну угнетенных против угнетателей»¹.

Таким образом, подлинным вождем, гегемоном революции был пролетариат, а непосредственным руководителем и организатором, политическим вдохновителем пролетариата и его союзника — солдат (крестьянства) — была партия большевиков.

Это она, партия большевиков, благодаря своей самоотверженной работе среди рабочих и в армии во все предшествующие годы и особенно в труднейшие годы империалистической войны подвела пролетариат к восстанию, к превращению войны империалистической в войну гражданскую.

Даже враги революции за границей должны были отметить исключительную и решающую роль, которую играла партия большевиков в те дни. В английской консервативнейшей и буржуазнейшей газете «Таймс» от 8 марта по старому стилю, или 21 марта по новому стилю, петербургский корреспондент сообщал:

«Вчера социал-демократическая партия выпустила воззвание самого мятежного содержания, и воззвание это было распространено по всему городу.

Они (имелась в виду партия боль-

шевиков. — Б. В.) чистые доктринеры, но их власть на совершение зла громадна во время, подобное настоящему. Г. Керенский и г. Чхеидзе, которые понимают, что без поддержки офицеров и более умеренных элементов народа они не могут надеяться на избежание анархии, принуждены считаться со своими менее разумными товарищами и незаметно их толкают к занятию позиции, которая усложняет задачу Временного Комитета...»².

По этому поводу Ленин пишет:

«Факты — упрямые вещи», говорит английская пословица. Позвольте вам напомнить ее, почтеннейший английский гучковец! Факт руководства или по крайней мере беззаветной помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии должен был признать «сам» английский гучковец»³.

Роль нашей партии Ленин здесь оценивает как решающую в борьбе за демократическую республику, за социализм.

Как Владимир Ильич откликнулся, получив в Швейцарии скудные сведения о совершившихся событиях? В этом отношении очень интересны два письма, опубликованные в самом начале XX тома собрания сочинений

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 25.

Одно из первых заседаний Совета рабочих и солдатских депутатов в Государственной думе. Петроград, 1917 год.

Весть о революции на фронте.

1917 год.

Ленина. В одном из писем к Колонтай он прежде всего упоминает об образовании Временного комитета:

«В последнем № «Социал-Демократа» мы говорили прямо о возможности правительства «Милюкова с Гучковым, если не Милюкова с Керенским»¹.

Действительно, в № 58 «Социал-демократа», вышедшем 31 января 1917 года, за два месяца до февральской буржуазной революции, в статье «Поворот мировой политики», Владимир Ильич писал пророчески следующее:

«Царь мог сказать Вильгельму: «если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского»².

Владимир Ильич за два месяца до событий предсказывал, кто персонально может стать во главе буржуазного правительства, когда буржуазия захватит власть.

В письме к Колонтай Ленин указы-

вает: «Оказалось и—и: все трое вместе», т. е. и Милюков, и Гучков, и Керенский.

В этих двух письмах к Колонтай особенно останавливает внимание первая забота Владимира Ильича Ленина о партии. Он прямо пишет:

«Главное теперь — печать, организация рабочих в революционную с.-д. партию».

«...мы создадим попрежнему свою особую партию и обязательно соединим легальную работу с нелегальной».

«Ни за что снова по типу Второго Интернационала! Ни за что с Каутским! Непременно более революционная программа... и непременно соединение легальной работы с нелегальной»³.

В другом письме он опять-таки пишет:

«По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися вроде Организационного Комите-

¹ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 5.

² Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 380—381.

³ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 5—6.

га, Троцкого и К²) и продолжать работу своей партии в последовательно-интернациональном духе»¹.

Вот каковы первые отклики Ленина! Первые его слова и мысли были о революционной партии, об отдельной, своей, большевистской партии, о борьбе против всяких «объединительных» тенденций с кем бы то ни было, в особенности с центристами, с Иудушкой-Троцким.

«...по прежнему, — пишет Ленин, — революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной пролетарской революции и завоевания власти «советами рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)»².

Завоевание власти Советами рабочих депутатов, борьба против объединительных тенденций, «добивать реакцию», «ни тени доверия и поддержки новому правительству»³, вооруженная подготовка в дальнейшей борьбе, организация масс, систематическая работа над партией нового типа — вот задачи, со всей четко-

стью поставленные Лениным при первых известиях о совершившейся в России февральской буржуазно-демократической революции.

* * *

Наша партия, партия большевиков, всегда, в каждый решающий момент в истории нашей страны играла руководящую роль. Играла руководящую роль она потому, что ее организовал, ее выпестовал Владимир Ильич Ленин, ее организовывал, ее выпестовывал вместе с Лениным его величайший соратник, наш великий вождь и мудрый учитель товарищ Сталин.

Славное двадцатилетие, истекшее с февральских дней 1917 года, дало народам бывшей царской монархии, руководимым партией большевиков, великую хартию социализма — сталинскую Конституцию. Россия — тюрьма народов — превращена в великую державу социалистической демократии, в социалистическое государство рабочих и крестьян⁴.

⁴ По переработанной стенограмме лекции, читанной в Высшей школе пропагандистов имени Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б).

¹ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 7.

² Там же, стр. 6.

³ Там же, стр. 8.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

1

Угнетение и подавление национальных меньшинств было одним из основных устоев российского военно-феодалного империализма; мощь царской России в значительной степени обеспечивалась безграничным удобством грабить «иностранцев». Зловещий двуглавый орел в течение многих лет реял над бесправными, забытыми узниками, заключенными в эту страшную «тюрьму народов». Когда в феврале 1917 года было свергнуто самодержавие, колониальные народы царской России думали, что вместе с долгожданным освобождением от царизма они получат свободу и независимость.

Поэтому вместе с другими угнетенными народами трудящиеся Узбекистана с радостью приветствовали первые вести о февральских событиях в Петрограде. Царские сатрапы во главе с генерал-губернатором Куропаткиным пытались скрыть от населения телеграммы, извещавшие о происшедшей революции (первые телеграммы были получены в Ташкенте 1 марта 1917 года по старому стилю), но по городу упорно циркулировали слухи о свержении Николая. 2 марта к генералу Куропаткину отправилась делегация рабочих-железнодорожников, потребовавшая опубликования телеграммы Комитета Государственной думы о революционных событиях в Петрограде.

Но Куропаткин снова заявил: «Революции никакой нет. Все слухи—это

провокация. Я запросил его императорское величество, и, пока он высочайше не ответит мне лично, я никому не поверю».

И только 3 марта, к вечеру, туркестанские газеты поместили телеграммы о революции в России и свержении царя.

Очень скоро трудящиеся Узбекистана убедились в необоснованности своих надежд на изменение существующего положения. Временное правительство стремилось сохранить один из основных принципов самодержавия — принцип «единой, неделимой России». Буржуазное Временное правительство отнюдь не было склонно пересматривать доставшуюся ему от царского самодержавия систему национального угнетения. Для него было совершенно бесспорно, что Туркестан должен и впредь оставаться колонией России. Однако открыто заявить о сохранении национального гнета со стороны российской буржуазии Временное правительство боялось. Призрак национально-освободительного восстания 1916 года стоял перед ним во весь свой могучий рост. И Временное правительство прибегло к своему излюбленному методу — обману, формально провозгласив равенство наций, на деле являвшееся пустым звуком.

«Исходя из неизбежного убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом,—писал «Вестник Временного правительства», — и что совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, Временное правительство постановило: «Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются»¹.

Фиктивность этого постановления очень быстро вскрылась всей дальнейшей национальной политикой Временного правительства.

В течение целого месяца фактическим представителем новой, «революционной» власти — Временного прави-

¹ «Вестник Временного правительства» № 15 от 20 марта 1917 года.

тельства — в Туркестане оставался все тот же матерой царский колонизатор — генерал-губернатор Куропаткин. Попрежнему гражданское управление не было отделено от военного. Генерал Куропаткин приказал всем войскам Туркестанского военного округа принять присягу в верности буржуазному Временному правительству. Он продолжал вести национальную политику помещиков и буржуазии, призывая народ к «национальному единству», заключаемому, по его мнению, в единстве интересов империалистической метрополии и колонии. Куропаткин продолжал натравливать один народ на другой. Еще 2 марта он пытался спровоцировать русских трудящихся на выступление против местного населения, распространяя слухи о том, что «туземцы режут всех русских и хотят их уничтожить всех до одного вместе с детьми». Однако эта генеральская провокация сорвалась.

Генерал Куропаткин продолжал политику истребления бунтующих «туземцев». Он настаивал на проведении своего плана сгона киргизов Семиречья с их земель и переселения их в Нарын. Он требовал также сохранения в силе его распоряжения о захвате узбекских земель в Джизаке и выселении из Старого города всего населения в наказание за убийство представителей русских властей в июле 1916 года.

Комиссар Временного правительства в Семиречье — алаш-ордынец Тынышпаев — встал на сторону Куропаткина. Особые вооруженные заслоны и отряды на границах беспощадно расстреливали беженцев-киргизов, возвращавшихся на родные земли. Комиссары Временного правительства: эсер Шкапский, меньшевик Шендриков и др. — под предлогом розыска «русских», которых якобы держали в плену повстанцы 1916 года, создали особые карательные отряды из кулачья, которые безнаказанно грабили трудящиеся массы Семиречья.

Шовинистическую политику Временного правительства поддерживали также и предатели революции — меньшевики и эсеры. Так например на грандиозном рабочем митинге, состоявшемся 5 марта около дома Куро-

паткина в Ташкенте, представители меньшевиков призывали демонстрантов к поддержке Временного правительства, к доведению войны до победного конца и к нераздельному союзу с «великой Россией». Эти социал-соглашатели без оговорок принимали Куропаткина как «достойного» представителя «революционной» власти.

Блестящим образцом национальной политики Временного правительства может служить также мартовское постановление об освобождении палачей-карателей, участвовавших в разгроме киргизского восстания 1916 года, которых вынуждено было арестовать даже царское правительство. Эта амнистия вызвала сильнейший гнев не только местного населения, но и русских трудящихся.

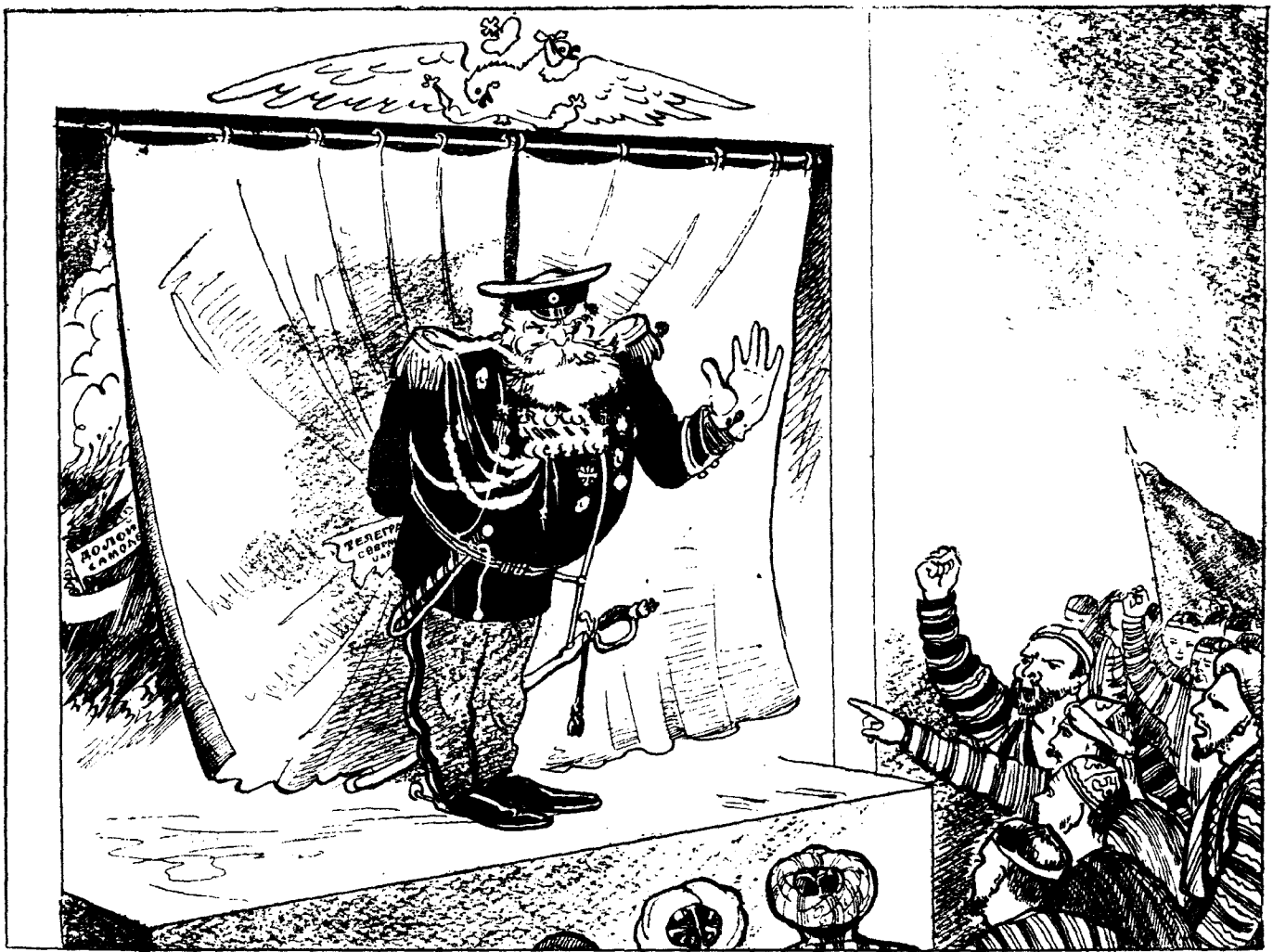

2

16 марта представители советов рабочих и солдатских депутатов и советов трудящихся-мусульман постановили немедленно ликвидировать царский аппарат власти в Ферганской области. Это требование было встречено колонизаторами как «возмутительное своеволие туземцев». Тем не менее Куропаткин вынужден был уволить военного губернатора Ферганы — полковника Иванова, расстрелявшего десятки тысяч стариков, женщин и детей во время узбекского восстания 1916 года, и его помощника Папенгута, также одного из активных участников разгрома восстания. Таким образом, только под сильным нажимом масс представители «революционного» правительства в Туркестане, наконец, устранили от управления некоторых из самых ярых черносотенцев и контрреволюционеров.

Попыткой натравить русских рабочих на местное население провокационная деятельность Куропаткина не ограничилась. В середине марта он начал раздавать из ташкентского арсенала оружие самым косным и реакционным представителям русского населения, главным образом деклассированным элементам, одновременно с этим распуская в старой, национальной части Ташкента слухи о том, что русские вооружаются и бу-

КУРОПАТКИН: «Расходитесь, господа! Все слухи о революции — провокация!»
 Карикатура Ю. Цитевского.

дут убивать всех узбеков. Но и эта попытка спровоцировать местных жителей на выступление против русского населения также провалилась.

Возмущенные массы узбекских и русских трудящихся потребовали немедленного снятия Куропаткина.

31 марта объединенное заседание Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, исполнительного комитета и представителей совета мусульманских депутатов постановило отстранить Куропаткина от должности.

После Куропаткина председателем Туркестанского комитета Временного правительства был назначен кадет Щепкин. Естественно, что такая персональная замена одного колонизатора другим ни в коей мере не изменила основного направления национальной политики.

Щепкин декларировал отмену ограничений вероисповедания, но на деле политика притеснения и издевательств над местным населением продолжалась.

Даже самые минимальные требова-

ния населения (как преподавание в школах на родном языке) не были удовлетворены: государственным языком продолжал оставаться русский язык; школ попрежнему почти не было.

Временное правительство позаботилось о сохранении национальной раздробленности узбеков, киргизов и таджиков в искусственно созданных царизмом областных и уездных границах.

Малейшие попытки национального самоопределения вызывали резкое противодействие со стороны представителей Временного правительства.

Стремясь сохранить свой приоритет, представители Временного правительства обвиняли национальные трудящиеся массы в косности, невежестве, политической незрелости, доказывали им, что они еще не доросли до какой-либо самостоятельности, и т. д. Так например 8 мая I краевой туркестанский съезд эсеров принимает следующее решение: «Признать автономную самостоятельность

Туркестана под контролем до выращивания туземной интеллигенции»¹.

Таким образом, Временное правительство вело такую же политику по отношению к народам Туркестана, что и царская Россия, с той лишь разницей, что оно прикрывало ее демагогическими фразами о демократии, революции, сотрудничестве народов и пр. Эту политику разжигания национальной розни использовали реакционные феодально-буржуазные слои местного населения. В марте узбекская буржуазно-националистическая партия джадидов («сторонников нового») создала краевой совет мусульман — «Шура Исламия». Джадиды были типичными культурниками-реформистами, борьба которых с царизмом сводилась к требованию незначительных уступок мирным путем. При этом, чтобы добиться этих уступок, джадиды часто предавали насущные интересы народных низов.

Создали свою организацию — «Улема» — также и мусульманское духовенство и полуфеодалы-помещики. Эта организация была в тесном сотрудничестве с русскими черносотенцами. Как «Улема», так и «Шура Исламия» стояли на страже своих эксплуататорских интересов, но, стремясь привлечь на свою сторону симпатии трудовых слоев местного населения, они, как и Временное правительство, прибегали к демагогическим приемам. Надо отметить, что на первых порах им удалось подчинить своему влиянию значительные слои трудящихся из коренного населения. I туркестанский мусульманский съезд, происходивший 14—20 апреля 1917 года, принял резолюцию о всемерной поддержке Временного правительства. Председателем этого съезда был лидер джадидов Мунавар-Кары.

Но несмотря на все это среди местного населения постепенно начинают приобретать все больший и больший авторитет советы рабочих и солдатских депутатов и советы трудящихся мусульман. Значительно возрастает и авторитет большевиков, хотя число их было еще очень незначительно.

Самостоятельной большевистской

¹ «Наша газета» № 215 от 12 мая 1917 года.

организации в тот период в Туркестане еще не было, но отдельные большевики вели упорную борьбу с представителями Временного правительства и, в частности, с заседавшими в совете меньшевиками и эсерами.

Щенкин яростно ненавидел большевиков. Продолжая политику своего предшественника, он вместе с эсерами и меньшевиками, опираясь на местную национальную буржуазию, душил большевистские организации и всячески противодействовал сплочению трудящихся масс коренного населения вокруг партии большевиков. Однако популярность большевиков все росла. Особенно большое влияние они имели среди рабочих-железнодорожников и солдат. 30 апреля общее собрание рабочих среднеазиатской железной дороги под влиянием большевиков вынесло резолюцию полного недоверия Туркестанскому комитету Временного правительства и потребовало очистить ряды милиции от жандармов и полицейских.

12 мая во время заседания Ташкентского совета, несмотря на все происки и агитацию меньшевиков, делегатом на I всероссийский съезд советов был избран большевик Першин. На II туркестанском краевом съезде РСДРП среди 29 делегатов с решающим голосом было 7 большевиков и 4 сочувствующих большевикам. Эта большевистская группа выступила с резолюциями о недоверии Временному правительству и о прекращении империалистической войны.

Во время корниловского мятежа большевики от имени краевого бюро РСДРП обратились к трудовому народу Туркестана с призывом вести упорную борьбу с контрреволюцией и требовать передачи власти советам. 28 августа в Ташкенте была организована большевиками грандиозная демонстрация рабочих, солдат и трудящихся масс русского и местного населения. В руках демонстрантов пылали алые полотнища с лозунгом «Вся власть советам!»

3

Представители контрреволюционного Временного правительства тщетно пытались противодействовать росту влияния большевиков на народные

Временное правительство освобождает арестованных палачей киргизского восстания 1916 года.
Карикатура Кукрыниксы.

массы. Возможность пролетарской революции становилась реальной угрозой для буржуазного правительства.

Представители местных господствующих классов заволновались. II краевой мусульманский съезд «Шура Исламия» решительно принял резолюцию против передачи власти в руки советов.

Классовое самосознание масс все более и более прояснялось. Еще в апреле наиболее передовые части узбекского населения начали выступать самостоятельно. В Ташкенте, Самарканде, Андижане и других городах уже были созданы организации местных рабочих — строителей, кожевников, союзы работниц-узбечек, стали организовываться советы трудящихся. Особенно активную роль в деле пробуждения революционного сознания масс сыграли рабочие, мобилизованные на тыловые работы в Россию по набору 1916 года и вернувшиеся оттуда на свою родину.

10—11 мая в Ташкенте был созван съезд народных мусульманских депутатов Ташкентского уезда. На этом съезде, кроме рабочих-делегатов, присутствовали дехкане — представители 26 волостей Ташкентского уезда. Главным вопросом этого съезда был вопрос об отношении к «Шура Исламия». И съезд почти единогласно вынес свое недоверие к этой

буржуазно-националистической организации¹.

В кишлаках узбекское национальное движение в значительной степени стало превращаться в движение дехкан за землю. В июне чиновники Временного правительства отмечают участвовавшие случаи отказа от уплаты оброка, стремление захватить казенно-оброчные земли. Туркестанский комитет Временного правительства всполошился. В Фергану и Сыр-Дарьинскую область были разосланы комиссары Комитета, убеждавшие дехкан ждать Учредительного собрания, которое и разрешит земельный вопрос. Если же уговоры не действовали, то присылались вооруженные отряды для охраны казенно-оброчных земель и защиты крупных землевладельцев-баев.

Наращение революционных настроений среди узбеков и других национальностей вызвало консолидацию сил контрреволюции. В Петрограде всполошились. Когда 24 августа к министру-председателю Керенскому приехала узбекская делегация, то он встретил ее следующими словами: «Я хорошо знаю Туркестан и его население и верю в Вашу преданность нашей родине и не верю слухам, что в Туркестане готовятся волнения против России, но предупреждаю, что если бы таковые где-нибудь произо-

¹ «Наша газета» № 16 от 26 (13) мая 1917 года.

шли, то будут приняты самые крутые меры». В этом заявлении нашла свое отражение вся национальная политика Временного правительства: «Единая и неделимая Россия должна остаться непоколебимой».

Русская буржуазия боялась потерять одну из своих богатейших колоний. Местные же господствующие классы боялись потерять свою власть над узбекским народом. Их «теоретики» из кожи вон лезли, чтобы доказать органическое единство мусульман. Даже бывшие царские генералы-руссификаторы выступили в роли защитников идеи единства мусульманства. Так, бывший военный губернатор Самаркандской области Лыкошин в своей статье «О чем грезят туземцы» писал буквально следующее: «Мусульмане прежде всего остаются мусульманами и видят свое счастье в сохранении вековых устоев, обычного уклада жизни, скрепленного писанным, религиозно-юридическим кодексом, известным под названием шариата... В мусульманском мире народность, как таковая, вовсе не имеет того значения, которое придают этому понятию христианские народы... Мусульмане всего мира составляют одну большую религиозную общину и... национальность членов не имеет особого значения. Связь дает общее вероисповедание... по моему мнению, все туземцы—прирожденные и убежденные буржуа, и социалистические теории вовсе их не коснулись»¹.

Напуганный стремлением колониальных народов к самоопределению, Лыкошин выдвигает мусульманство как обруч, противодействующий распадению мусульманских народов на самостоятельные государственные национальные единицы. Он приводит чрезвычайно «убедительный» аргумент, что все мусульмане Средней Азии—«прирожденные буржуа», иными словами, что между ними никакой классовой борьбы быть не может, так как все они природные собственники. Так Лыкошин пытался доказать «несостоятельность» идеи самоопределения народов и отсутствие в стране классовой борьбы.

С такими же, только еще более

откровенными проповедями выступали и представители узбекского буржуазного национализма. Один из них писал: «Мусульмане могут и смеют противопоставить лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... мощный лозунг «Мусульмане всех стран, соединяйтесь!»

Таким образом, все сторонники контрреволюции старались во что бы то ни стало раз'единить русских и местных трудящихся, усилить национальную рознь и вражду между ними, с тем чтобы уменьшить силы революции и укрепить власть капитала.

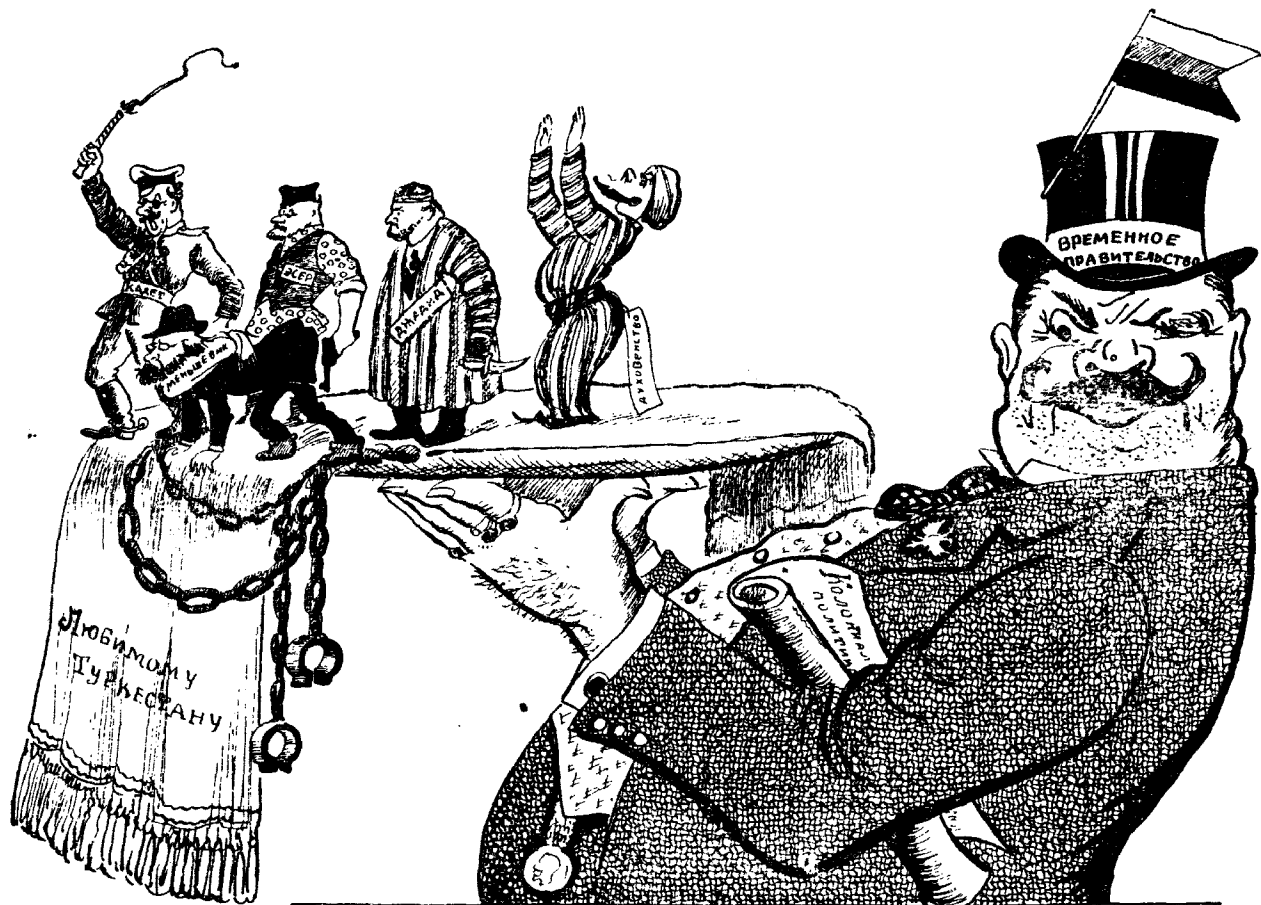
Национальная политика Временного правительства оказалась типично империалистической. Эта политика полностью отражала буржуазный характер власти в стране и стремилась лишь к тому, чтобы сохранить *status quo*, а отнюдь не к тому, чтобы обеспечить узбекскому народу освобождение, фактическое равноправие, развитие языка, науки и культуры.

Буржуазное Временное правительство, так же как и царизм, продолжало бороться не только за укрепление своей власти над поработченными уже народами, но и за приобретение еще новых и новых колоний.

В заключение следует лишь добавить, что Временное правительство не отказывалось также и от своих сюзеренных прерогатив по отношению к «самостоятельным» Бухарскому и Хивинскому ханствам. В пункте 3-м постановления Временного правительства об управлении Туркестанским краем было сказано: «Туркестанский Комитет уполномочивается действовать от имени Временного Правительства в пределах трех коренных областей Туркестанского края (Самаркандской, Сыр-Дарьинской, Ферганской), областей Закаспийской и Семиреченской, а также в пределах Хивы и Бухары». Уже 4 марта министр иностранных дел Временного правительства Милюков послал эмиру Бухарскому ноту о дружбе, на что эмир—этот верный пес русской буржуазии—немедленно ответил от лица «всего народа»: «Считаем свое нахождение под покровительством могущественной России для себя благом»².

¹ Газета «Туркестанское слово» от 25 августа 1917 года.

² ЦАУ, д. № 1559, л. 1—2.

Ставленники колониаторской политики Временного правительства.

Карикатура Ю. Цшевского.

Таким образом, гармония между угнетателями и эксплуататорами бухарского народа была полной.

Но уже накануне Великой пролетарской революции угнетенным массам узбекского народа все более и более «становилось очевидным, что освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немыслимы без разрыва с империализмом, низвержения «своей» национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами»¹.

Наступившая Великая пролетарская революция нашла в узбекских трудящихся своих верных союзников и помощников. При мудрой помощи ленинско-сталинской национальной политики трудовой народ Узбекистана сбросил с себя цепи национального рабства, освободился от колониального гнета и спасся от вымирания и гибели.

Социализм, пришедший на смену капитализму, уничтожил национальное неравенство и национальную

вражду. На территории «тюрьмы народов» — царской России — возникли самостоятельные национальные республики и национальные автономные области, создание которых еще более укрепило дружбу народов и тем самым мощь нашего советского государства.

Продолжая неуклонно осуществлять основной принцип ленинско-сталинской национальной политики — принцип полного национального самоопределения, партия и советское правительство провели в жизнь в 1924 году такое грандиозное мероприятие, как национальное размежевание республик и областей Средней Азии.

В результате этого размежевания в числе других союзных республик образовалась Узбекская советская социалистическая республика, вошедшая в 1925 году в СССР. Национальное размежевание вместе с другими мероприятиями партии и правительства, направленными на подтягивание отсталых национальных республик до уровня передовых республик Советского союза, создало огромный стимул для экономического и культурно-

¹ Сталин. Сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 52. 1934.

го роста Узбекистана, для превращения его в образцовую социалистическую республику у ворот колониального Востока. С тех пор Узбекистан добился огромных успехов на хозяйственном и культурном фронте. Эти успехи заслуженно получили высокую оценку от главы советского правительства В. М. Молотова, который на приеме узбекской делегации в Кремле заявил, что Узбекистан является ведущей республикой в области такой важнейшей сельскохозяйственной культуры, как хлопок. Если раньше грамотные в Узбекистане насчитывались буквально единицами и то главным образом из числа духовенства и байства, то сейчас страна покрыта густой сетью школ, клубов, театров и красных чайхан. Вместо первобытного омача на полях Узбекистана сейчас работают мощные тракторы. Строятся и построены многочисленные текстильные и шелкомотальные фабрики, шоссейные и железные дороги.

Вопреки уверениям российских ко-

лонизаторов, из среды узбекского народа быстро вырастают энтузиасты труда—стахановцы, талантливые трактористы, хлопкоробы, инженеры, артисты, писатели, композиторы.

Новая сталинская Конституция является еще одним шагом по пути дальнейшего укрепления нерушимой дружбы народов СССР. «...дружба между народами СССР,—говорит товарищ Сталин,—большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует»¹.

Новая Конституция есть дальнейшее укрепление пролетарского интернационализма.

---

¹ Соповещения передовых колхозников и колхозниц с руководителями партии и правительства 4 и 19 декабря 1935 года, стр. 60. Опиз. Сельхозгиз. 1936.

П. Софинов

А. С. Пушкин. Портрет работы Тропинина.

А. С. Пушкин, которого глубоко интересовали вопросы истории его родины, в основном сосредоточил свое внимание на следующих трех периодах: смутном времени, эпохе Петра I и восстании Пугачева. То, что Пушкин остановился именно на этих периодах, объясняется тем, что они характеризовались рядом драматических эпизодов и являлись наиболее бурными в истории страны. Они несли изменения во взаимоотношениях сословий, порождали новые порядки, выдвигали сильных волей людей. Изучая эти этапы в истории России, Пушкин пытался найти ответы на мучившие его вопросы современности. Кроме того сложный переплет взаимоотношений в прошедших эпохах давал Пушкину возможность при помощи аналогий завуалированно выражать свое мнение о существующих порядках.

По своим политическим убеждениям Пушкин вместе с декабристами, взгляды которых он разделял, являлся непримиримым врагом самодержавно-

А. С. ПУШКИН— ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПУГАЧЕВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

крепостнического строя. Если в лице Петра I наряду с порицанием жестокости «нетерпеливого, самовластного помещика»¹ он еще отдавал должное великому преобразователю, приблизившему Россию к Европе, то последующих царей он попросту называл «ничтожными наследниками»². Безграмотная Екатерина I, сладострастная Елизавета, жестокая и развратная Екатерина II, которую «даже голос обольщенного Вольтера не спасет от проклятия России», «плешивый щеголь» Александр, холодный и пустой Николай вызывали горячую и искреннюю ненависть поэта.

Пушкин вместе с декабристами был сторонником конституции, которая обеспечивала бы политическую свободу, в том числе свободу и крестьян. В 1821 году в одной из своих черновых записей Пушкин писал: «Консти-

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 600. Изд. «Просвещение». 1909.

² Там же, стр. 20.

туции... представляют шаг вперед в развитии человеческой мысли и этот шаг не будет единственным...»¹.

Не одобряя в целом взглядов Радищева, Пушкин находил у него все же много созвучных мыслей. Радищев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» рассказывает об одном помещике, который нечеловеческой эксплуатацией крепостных крестьян все больше и больше расширял свои владения. Пушкин вспоминает, что и ему был знаком подобный помещик. Этот помещик свою жестокую практику объяснял филантропическими целями. Он хотел «приучить» крестьян к труду, а потом «даровать им права», «судьба не позволила ему исполнить его предначертания,— иронически замечает поэт,— он был убит своими крестьянами во время пожара»².

В другом месте Радищев говорит о позорной торговле людьми («продаваться будет... дом... и при нем 6 душ мужского и женского полу»). А. С. Пушкин замечает: «Картина ужасная тем, что она правдоподобна». Пушкин, так же как и Радищев, ненавидит крепостничество. В этой связи становится понятным живой интерес Пушкина к таким крестьянским движениям, как движения Разина и Пугачева.

1

Интерес к вопросам крестьянского движения XVIII века появляется у Пушкина еще в середине 20-х годов³.

Еще в 1824 году поэт писал брату о Разине как о «единственно поэтическом лице русской истории». В другом письме он просит брата прислать ему «Жизнь Емельки Пугачева»⁴.

В своих воспоминаниях о 1826 году княгиня Волконская писала: «Пушкин

¹ А. С. Пушкин. Сочинения. Кн. 11-я, стр. 411. «Красная нива». 1930.

² Там же, стр. 372.

³ Неправ поэтому проф. Томашевский, который утверждает в написанной им биографии Пушкина, будто бы интерес к крестьянскому «бунту» возник у Пушкина лишь в 1830 году, в связи с так называемыми холерными волнениями. См. «Сочинения А. С. Пушкина» (однотомник). 1936.

⁴ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 75, 77. 1909.

мне говорил: я намерен написать книгу о Пугачеве. Я поеду на место, перееду через Урал, поеду дальше и явлюсь к Вам в нерчинских рудниках»⁵.

Пушкин тщательно записывал народные сказания и песни о Разине и Пугачеве. В 1827 году он сделал попытку напечатать три песни о Степане Разине, но царь запретил их печатать. Бенкендорф сообщил поэту заключение Николая по этому поводу: «Песни о Стеньке Разине, при всем своем поэтическом достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева»⁶.

Несмотря на такой ответ, уже в 1831 году Пушкин вновь включает в план издания «Исторических песен» песни о Разине.

Крестьянские волнения 30-х годов дали Пушкину дальнейший толчок к началу исторических изысканий по вопросу о восстании Пугачева.

В 1831 году вспыхивали волнения в Судогодском, Ковровском и Муромском уездах, Владимирской губернии, в Чистопольском уезде, Казанской губернии, в Псковском уезде, в Тамбовской, Петербургской и Новгородской губерниях. В самом Новгороде в этом же году произошло восстание военных поселян, вызванное созданием карантинных и рядом других мероприятий администрации по борьбе с чумой, ухудшавших и без того тяжелое положение населения.

В «Кратком обзоре общественного мнения», составленном III отделением, за этот период отмечалось: «Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний. Они ждут своего освободителя... и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: Пугачев попугал господ, а Метелкин — пометет их»⁷.

Пушкин не мог не замечать этих событий. Он чувствовал напряженное положение в стране. В записках за 1831 год он отмечает: «В прошлом

⁵ «Записки княгини М. Н. Волконской», стр. 216. 1904.

⁶ «Дела III отделения Е. И. В. канцелярии об А. С. Пушкине», стр. 55. СПб. 1906.

⁷ Центральная архив «Крестьянское движение 1827 — 69 годов», в. I, стр. 9. 1931 г.

В черновом наброске предисловия к «Истории Пугачева», опубликованном в «Правде» от 6 февраля 1937 года, Пушкин также подчеркивает неудовлетворительность и пристрастность литературы об этом восстании.

К перечисленным выше работам надо добавить еще несколько, тоже хорошо известных Пушкину:

1) «Известия о злодейском нашествии на город Казань бунтовщика Емельки Пугачева», напечатанные в 1830 году в «Прибавлениях к «Казанскому вестнику» и представляющие собой выдержку из упоминавшегося письма Платона Любарского; 2) «Оборона Яика от партии мятежников» — статья в XIX томе «Отечественных записок» за 1824 год; 3) Броневский «История Донского войска»; 4) Танненберг «Жизнь Екатерины II» и 5) «Указы Екатерины и сената».

Однако и эти работы ничего существенного не вносят в историческую науку и ограничиваются только упоминанием о Пугачеве, причем даже в этих коротких упоминаниях допускаются грубейшие извращения истории восстания. Естественно, Пушкин не мог ограничиться имеющимися работами и должен был искать других источников. Он нашел их в архивах и в народе.

О своих приемах исследования Пушкин рассказывает: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов *in folio* разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикою»¹.

Архивы, конечно, являлись основным источником для составления «Истории Пугачева». Пушкин придавал им огромное значение. В одном из писем к М. Погодину о богатствах архивов он восторженно восклицает: «Сколько отдельных книг можно составить тут, сколько творческих мыслей тут могут развиться!»².

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 557. 1909.

² «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 289. 1909.

Необходимо отметить, что доступ к этим материалам был чрезвычайно затруднен. Достаточно сказать, что без разрешения царя в такой архив, как Государственный или Сенатский, никто не допускался.

Пушкин сделал было однажды попытку получить секретные материалы о Екатерине II. Он «попросил разрешения через одного из министров. Николай сразу ответил решительным отказом: «На что ему эти бумаги? Они лежат в архиве нетронутыми с того времени, когда моя бабка приказала положить их туда, собственноручно их запечатав. Даже я их не читал. Пушкин может обойтись без них. Не желает ли он извлечь оттуда скандальный материал в параллель песне Дон-Жуана, в которой Байрон обесчестил память моей бабки? Ну нет!»

Выслушав такой ответ, переданный ему министром, Пушкин сказал:

«Я не думал, что он прочел «Дон-Жуана» Байрона»³.

Пушкин ясно себе представлял, что, оставаясь в таком положении, в каком он был до 1831 года, то есть не состоя на службе, он не сможет получить не только материалы о Пугачеве, но и вообще никакие материалы. Таким образом, желание получить доступ в архивы было одной из причин поступления А. С. Пушкина на службу.

В июле 1831 года он пишет письмо о своем решении Бенкендорфу, в котором говорит: «...Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших Государственных Архивах и Библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина, но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать историю Петра Великого и его наследников до Государя Петра III»⁴.

Предложение Пушкина соответствовало интересам Николая: царь лелеял тщеславную мечту сделать великого поэта России придворным поэтом. Бенкендорф еще в 1827 году с циническим откровением писал царю о Пуш-

³ Цит. по статье Щеголева «Пушкин и Тардиф». Журнал «Звезда» № 7 за 1930 год.

⁴ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 255. 1909.

Д Ъ Л О

*о допущении к занятиям в архивы
Александра Пушкина для сведения
материалов на историю Петра Вели-
кого и в частности дела о пугачевском
бунте, также о приятии того дела
из бывшего государственного архива
старинных дел.*

СПБ
Государственный Архив
М И Д

Дело о допущении Пушкина к занятиям
в Государственном архиве.

кине: «...Он все-таки порядочный шелоупай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно»¹. К тому же опасно было оставлять Пушкина независимым. «Лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе», — советовал Бенкендорф Николаю.

Николай согласился на зачисление Пушкина в коллегию иностранных дел «с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого».

Пушкин был зачислен на службу 14 ноября 1831 года. Вопрос же о допуске его в архивы разрешился только в январе следующего года. 12 января министр иностранных дел Нессельроде в своем докладе царю спрашивал: «Благоугодно ли будет Вашему Императорскому величеству, чтобы титулярному советнику Пушкину открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I, в здешнем архиве хранящиеся, как то о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче, а также дела бывшей тайной канцеля-

¹ Цит. по работе Вересаева «Пушкин в жизни». Вып. 2-й, стр. 91.

рии». Николай ответил, что секретные бумаги времен Петра I могут быть открыты А. С. Пушкину только по назначению министра внутренних дел Блудова, причем «чтобы он прочтением оных и составлением из них выписок занимался в коллегии иностранных дел и ни под каким видом не брал бы вообще всех вверяемых ему бумаг к себе на дом»².

Таким образом, Блудов являлся как бы предварительным цензором материалов, выдаваемых Пушкину.

2

Воспользовавшись позволением «рыться в архивах», Пушкин тайно ото всех отложил на время в сторону задание написать историю Петра I и занялся сбором материалов о волновавшем его восстании крестьян под руководством Пугачева. Этим и объясняется тот факт, что среди материалов истории Петра нет почти выписок из архивных документов.

Пушкин, как мы уже сказали выше, тщательно скрывал от царя и его министров свою работу над историей Пугачева. И Николай I действительно ничего о ней не слышал. Впоследствии на одном из балов он сказал Пушкину: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь, я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости...»³.

² «Пушкин. Документы Государственного и СПб Главного архивов министерства иностранных дел 1831—34 гг.», стр. 17—18. СПб. 1900.

³ По решению сената, семья Пугачева: первая жена Софья, сын Трофим, дочери Аграфена и Христина и вторая жена Устинья — в 1775 году были заключены в Кексгольмскую крепость (Финляндия). Коллежский советник Макаров, обследовавший крепость в декабре 1796 года, сообщил Павлу I о заключенных, что они «с 1775 года содержатся в замке, в особливом покое, а парень на гауптвахте, в особливой комнате. Содержание имеют от казны 15 коп. в день, живут порядочно. Жена Софья 55 лет, Устинья около 36, девка одна 24-х, другая 22-х, малый же лет от 28 до 30...»

Семья Пугачева подвергалась всяческим издевательствам. В 1796 году комендант крепости изнасиловал старшую дочь Аграфену. Родившегося ребенка Гофман решил уничтожить. Когда убийство не удалось, Гофман заставил девушку показать на унтерофицера Григория Шупинского и сообщил об этом че-

Материалы для «Истории Пугачева» А. С. Пушкин получал под видом работы над историей Суворова.

Повидимому, в начале февраля 1833 года Пушкин просил у военного министра графа А. И. Чернышева позволения пользоваться документами о Суворове и получил положительный ответ. Об этом свидетельствует письмо Пушкина Чернышеву от 9 февраля 1833 года: «Приношу вашему сиятельству искреннейшую благодарность за внимание, оказанное к моей просьбе. Следующие документы, касающиеся истории графа Суворова, должны находиться в архивах Главного Штаба: 1) Следственное дело о Пугачеве, 2) Донесения гр. Суворова во время кампании 1794 г., 3) Донесения его 1799 г., 4) Приказы его по войскам. Буду ожидать от вашего сиятельства дозволения пользоваться сими драгоценными материалами»¹.

Запрошенные документы хранились в Петербургском архиве инспекторского департамента и в московском его отделении.

25 февраля из Петербургского инспекторского архива были присланы Пушкину три дела, два из них представляли собой переписку Военной коллегии с местной администрацией о восстании Пугачева, численности его войск, манифесты и т. п., третье же содержало донесения Суворова за 1789, 1790 и 1791 годы.

Был сделан запрос в Москву, и оттуда вскоре прислали донесения Суворова за 1794, 1799 и 1800 годы. Пушкин, повидимому, ими особенно

рез генерал-прокурора Куракина Павлу. Позднее, когда роль Гофмана выяснилась, царь оставил дело без последствия (сведения извлечены из дел № 526 и № 515, VI ф. Государственного архива).

В 1826 году были еще живы обе дочери Пугачева. Заключение в Кексгольмскую крепость декабрист Горбачевский писал, что сосланные декабристы «застали в башне двух дочерей знаменитого Пугачева, казненного в Москве в 1775 году. С тех пор содержались там эти две жертвы» (см. «Записки декабриста Горбачевского», стр. 295. М. 1916). О сестре Пугачева упоминаний в документах нет. По всей вероятности, в 1833 году умерла последняя из дочерей Пугачева.

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 287. 1909.

не интересовался, так как, бегло отблагодарив за их присылку, вновь просил материалы, касающиеся Пугачева. Он пишет Чернышеву в письме от 8 марта 1833 года: «В бумагах касательно Пугачева, полученных мною пред сим, известия о нем доведены токмо до назначения генерал-аншефа Бибикова, но донесений сего генерала в Военную коллегию, также как и рапортов кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тут не находится. Если угодно будет вашему сиятельству оные донесения и рапорты (с января 1776 г.² по конец того же года) приказать мне доставить, то почту сие за истинное мне благодеяние»³.

В Москву был сделан второй запрос, и 29 марта Пушкин получил новые материалы.

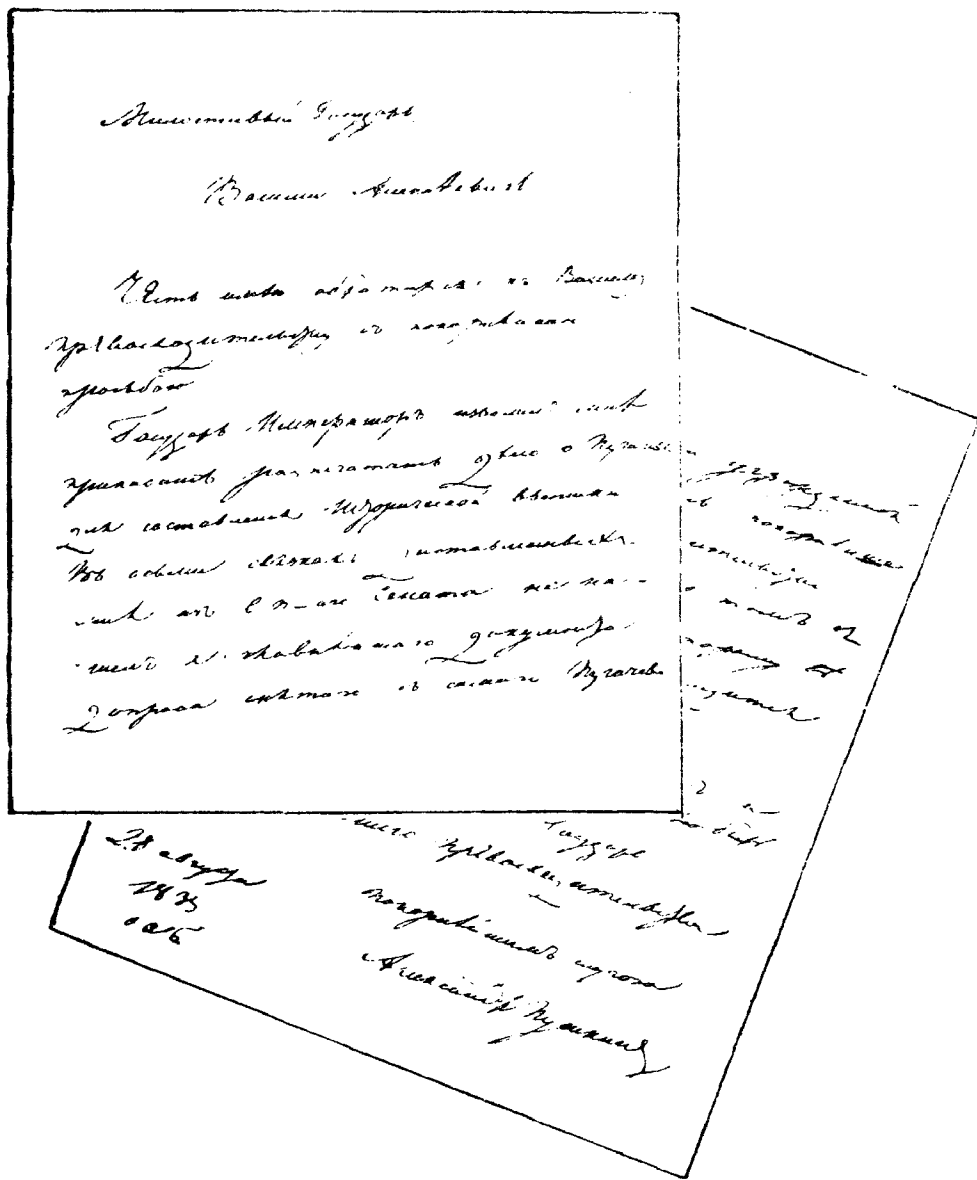
Всего из Инспекторского архива и Московского его отделения Пушкин получил двенадцать дел, которые тщательно изучил. Но материала явно не хватало. Изученные документы отражали главным образом военную сторону первого периода восстания. Не были использованы главные материалы, материалы следствия и суда над Пугачевым. Пушкин знал, где они хранились, и впоследствии часть их прочитал, но во время работы над книгой он не решался его потребовать, чтобы раньше времени не раскрыть свои карты.

Стремясь получить как можно больше сведений о восстании Пугачева, Пушкин обращался за помощью к своим знакомым. Последние прислали ему документы из своих коллекций. Так например Спасский, Лажечников и Языков прислали ему три списка рукописи академика Рычкова, Вяземский — неизвестное письмо Бибикова к Фонвизину, Бантыш-Каменский — биографию Пугачева и целый ряд других материалов. В августе 1833 года Пушкин предпринял

---

² Здесь у Пушкина явная описка. Следует читать: «с января 1774 г.». Бибиков прибыл в Казань в конце 1773 года, и с января следующего года донесения его должны были поступать в Военную коллегию. В апреле 1774 года Бибиков уже умер, да и сам Пугачев, как известно, казнен 10 января 1775 года.

³ «Сочинения и письма Пушкина» Т. VIII, стр. 289. 1909.

Письмо Пушкина к директору Государственного архива В. А. Поленову. 1833 год.

специальную поездку на место пугачевского восстания¹. Здесь он вместе с Далем объездил всю линию оренбургских крепостей, беседовал со стариком Дмитрием Пьяновым, сыном участника восстания Дениса Пьянова. В г. Берды он беседовал с казачкой, помнившей Пугачева, и записы-

¹ За Пушкиным даже во время его поездки в Оренбург хотели установить негласный надзор. Пушкин уже выехал из Оренбурга, когда там получили распоряжение о наблюдении за ним. На этом отношении оренбургский генерал-губернатор Перовский написал: «Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытию г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий» («Русская старина» за 1883 год. Кн. 1-я, стр. 78).

вал сложенные о нем в народе песни. Из Оренбургского архива Пушкин извлек несколько чрезвычайно ценных документов, в частности показания о Пугачеве крестьянина Алексея Кириллова от 6 октября 1773 года. По дороге из Нижегородского архива Пушкин получил «Рапорт инвалидных офицеров секунд-майора Алтуфьева и капитана Беляева и 20 офицеров».

Таким образом, занявшись исследованием истории Пугачева, Пушкин кропотливо собирал материал и тщательно его обрабатывал. Впоследствии он сам говорил, что на составление 168 страничек он потратил два года.

В конце 1833 года Пушкин окончил «Историю Пугачева» и 6 декабря передал ее на рассмотрение Николаю. Он писал по этому поводу Бенкендорфу: «Я думал некогда написать исторический роман, относящийся к временам Пугачева; но, нашед множество материалов, я оставил вымы-

сел и написал Историю пугачевщины.

Осмеливаюсь просить через Ваше Сиятельство дозволение представить оную на Высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать; но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для Его Величества, особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных»¹.

Николай прочел рукопись чрезвычайно внимательно, сделал ряд замечаний и тщательно вычеркнул такие эпитеты, применяемые Пушкиным к Пугачеву, как «славный» или «бедный», предложив заменить их более «подходящими». Самое название рукописи «История Пугачева» Николай переименовал в «Историю пугачевского бунта», так как считал, что такой человек, как Пугачев, не может иметь истории.

С целым рядом изменений и вычерков рукопись была разрешена к печати.

3

В период, когда Пушкин работал над Пугачевым, положение его как общественное, так и бытовое все больше и больше осложнялось. Долги, зависимость от правительства, прощски жандармов, доходившие до того, что читались личные письма Пушкина, угнетали поэта и отравляли ему жизнь. У него зарождается мысль об отставке. 15 мая 1834 года он пишет жене: «Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! Да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринном! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независимым». 8 июня он вновь пишет жене: «... я не должен был вступать в службу, и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами... Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым им можно поступать, как им угодно. Опала легче презрения»².

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 310. 1909.

² Там же, стр. 331.

К концу июня решение об отставке вполне созрело, и Пушкин написал просьбу об этом Бенкендорфу. Удерживать поэта силой не было никакого расчета. Решили пригрозить немилостью и запрещением заниматься в архивах. 30 июня Бенкендорф сообщал Пушкину: «... На просьбу Вашу о предоставлении Вам в отставке права посещать Государственные архивы для извлечения справок Государь Император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностью начальства»³.

Угроза неприятно подействовала на поэта. Он писал 4 июля Жуковскому по поводу письма Бенкендорфа: «... Получил официальное извещение о том, что отставку я получу, но что вход в архивы мне будет запрещен. Это огорчило меня во всех отношениях»⁴.

По совету Жуковского, Пушкин взял отставку назад.

В декабре 1834 года пушкинская «История Пугачева» вышла в свет. Встречена она была довольно холодно. В своем дневнике Пушкин записал: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении...»⁵.

Уваров чутьем помещика-крепостника почувствовал опасность в книге Пушкина.

Характерной чертой всех указанных нами выше работ о Пугачеве был идеалистический подход к оценке личности Пугачева и самого восстания 1773 — 1774 года.

В литературе господствовало выгодное для дворянства представление о Пугачеве, как о каком-то нравственном и физическом уроде, человеке с кровожадным инстинктом, поднявшем ради своих честолюбивых замыслов восстание казаков и крестьян.

³ «Дела III отделения Е. И. В. канцелярии об А. С. Пушкине», стр. 139. СПб. 1906.

⁴ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 338. 1909.

⁵ «Дневник А. С. Пушкина», стр. 69. М. и П. 1923.

Броневский в «Истории Донского войска» характеризует Пугачева следующим образом: «Нравственный мир, так же как и физический, имеет свои феномены, способные устрашить всякого любопытного, дерзающего рассматривать оные. Если верить философам, что человек состоит из двух стихий, добра и зла, то Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах, но вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какую адскую злобой может быть преисполнено его сердце»¹.

Пушкин, рассматривающий пугачевское восстание с других позиций, по-иному осветил и причины восстания и личность его руководителя.

По поводу процитированного выше определения Броневским личности Пугачева Пушкин писал: «Политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы, и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий»².

Этот общий отзыв принимает более конкретные формы, когда Пушкин критикует «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова».

На странице 245 «Записок» мы читаем: «Сын его Емельян, родившийся в 1729 году, одарен был от природы необычайною силою телесною, мужеством и чрезмерным честолюбием!» Пушкин подчеркивает слова «чрезмерным честолюбием» и ставит на полях две черточки.

Почему Пушкин отмечает именно эти слова? Ответ мы находим на следующей странице. Здесь «Записки» гласят: «После взятия сего города (дело идет о взятии Бендер в походе 1769 года, в котором участвовал и

Пугачев. — П. С.), находя по высокомерию своему, что заслуги его не были довольно награждены, просил увольнения». Пушкин отмечает слова «по высокомерию своему» и пишет на полях: «Вздор, вздор».

Таким образом, становится понятным и первое замечание. Пушкин оставляет за Пугачевым и физическую силу и мужество, но решительно протестует против его якобы честолюбия.

Развивая свое положение, Бибиков пишет: «Дарования при надлежащем воспитании могли бы обратиться к его счастью и сделать его полезным и отличным слугою отечеству; но по распутству матери и беспечности опекуна и дяди способности обратились на вечную пагубу сего несчастного и на всеобщее бедствие»³. Отметив это место, Пушкин резюмирует: «Вздор». Этим самым рушится почва, на которой Броневский строил свое заключение о Пугачеве как о «феномене зла».

Поскольку разговоры о Пугачеве как о чрезвычайном честолюбце являются вздором, постольку таким же вздором является и указание на причины восстания как результат честолюбия Пугачева.

В чем же тогда заключаются причины пугачевского движения? Пушкин отвечает на этот вопрос довольно ясно: «С самого 1762 года... яички казаки начали жаловаться на различные притеснения, ими претерпеваемые от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством: на удержание определенного жалования, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли. Чиновники, посылаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генерал-майоры Потапов и Черепов (первый в 1766 году, а второй в 1767) принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней»⁴.

³ «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова», стр. 246. СПб. Морская типография. 1817.

⁴ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 85. 1909.

¹ Цит. по «Сочинениям и письмам А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 561. 1909.

² Там же.

Другой, не менее важной причиной восстания являлось варварское отношение к «инородцам». О казнях 1740 года в Башкирии Пушкин писал: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. Иных, пишет Рычков,—растыкали по кольям, других повесили ребром за крюки, некоторых четвертовали. Остальных, человек до тысячи, простили, отрезав им носы и уши. Многие из сих прощенных должны были быть живы во время Пугачевского бунта»¹.

Это последнее замечание имеет особо важное значение. Оно как бы говорит о том, что «прощенные» не могли остаться в стороне от движения, тем более что отношение к угнетаемым народам не изменилось. Так, Пушкин приводит эпизод, когда кочевые калмыки были вынуждены спасаться бегством в Китай, а казаки, посланные их преследовать, отказались исполнять приказания. Таким образом, Пушкин проводит параллель между положением казаков, угнетенных народов, а впоследствии, как мы увидим, и крестьян. Он упорно подчеркивает, что восстание 1773—1774 года не случайно, что ему предшествовали другие волнения, жестоко, однако, подавляемые.

Больше того: Пушкин понимает, что движение Пугачева имеет определенную закономерную связь с движением Разина.

В записках, относящихся к 1831—1836 годам, он отмечает: «Когда Пугачев сидел на меновом дворе, праздные москвичи между обедом и вечером заезжали на него поглядеть... Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружили его, ожидая, чтобы он заговорил. Пугачев сказал: «Известно по преданиям, что Петр I, во время персидского похода, услыша, что могила Стеньки Разина находится недалеко, нарочно к ней приехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть кости славного бунтовщика. Вот какова наша слава». Это сказка. Разин никогда не был погребен в краях, где он свиреп-

ствовал. Он был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева»².

В самую «Историю Пугачева» Пушкин ввел рассказ о матери Степана Разина: «В Озерной старая казачка * каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» И, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп»³.

Само собой понятно, что эпизод этот вымышлен. Мать Разина не могла, конечно, быть свидетельницей восстания Пугачева. Пушкин в данном случае сознательно допускает историческую неточность для того, чтобы провести сквозь цензуру свое мнение.

При чтении рукописи Николай написал, отметив это место: «Лучше выпустить, ибо связи не имеет с делом».

Николай не заметил связи, а связь эта была. Не даром Пушкин не захотел выбросить этот отрывок, а, воспользовавшись тем, что предложение царя не было категорическим, перенес его в примечание.

Пушкин видел непосредственную связь между Разиным и Пугачевым. Поэтому-то он вкладывает в уста Пугачева воспоминание о своем боевом предшественнике и заставляет старуху искать труп Степана Разина среди трупов казненных пугачевцев.

Проанализировав обстановку, предшествующую восстанию Пугачева, Пушкин делает вывод: «Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался»⁴.

В отличие от существовавших идеалистических представлений о роли личности в истории Пушкин приближался к правильному, материалистическому пониманию этого вопроса.

Для него вождь, руководящая личность, появляется как результат требования тех или иных общественных групп и отношений. Эту идею Пуш-

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 235. 1909.

² «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Кн. 11-я, стр. 430. 1930.

* Мать Ст. Разина.

³ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 239. 1909.

⁴ Там же, стр. 88.

в виду, когда в заметках для Николая пишет: «Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели»¹. И это замечание, конечно, правильно вскрывало корни симпатии широких трудящихся масс к движению Пугачева.

Пушкин понимал, что сила Пугачева не в нем самом и даже не в его войске, а в огромном сочувствии крестьянских масс. «Не Пугачев важен, важно общее негодование», — цитирует он меткое выражение из письма Бибикова к Фонвизину.

«Весь черный народ был за Пугачева», — пишет он в заметках для царя. Этим и объясняется тот факт, что даже бегство Пугачева «...казалось нам шествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такой силой. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции»².

Рассказывая о мероприятиях, проводимых Пугачевым, Пушкин хотел не только правильно отразить исторические события, но и показать правительству и дворянству, что только подобными действиями можно привлечь крестьян на свою сторону. Об этом свидетельствует и черновик письма Пушкина к Бенкендорфу относительно рукописи о Пугачеве:

«Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, по крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни господствующему образу мыслей, и смею надеяться, что сей исторический очерк может показать любви его величества особые пути...»³. Здесь рукопись обрывается. Но есть все основания думать, что «особые пути» — освобождение крестьян, которое только одно может избавить страну от «русского бунта, бессмысленного и беспощадного».

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Кн. 11-я, стр. 426. 1930.

² «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VII, стр. 174. 1909.

³ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 310 и примечания на стр. 517.

Пушкинская «История Пугачева» была, по существу, оппозиционной по отношению к крепостничеству и самодержавию. Позднее цензура это заметила и запретила «Историю Пугачева» к печати. В 1888 году цензор Ведров сообщал министру просвещения: «Комитет пришел к мысли о необходимости отнять у народа возможность читать в рассказах нашего народного поэта-историка те возмутительные сцены, которые представлены в картинах. Комитет при этом руководствовался мыслью: во-первых, что похождения казака-преступника, хотя изложены с исторической точностью, не могут не подействовать на воображение простого человека, у которого создались разные идеальные образы против правительства; во-вторых, осторожность при издании книг для народа требует от цензуры не позволять ей дать в руки простолюдинам и самое издание Пушкина о казаке-возмутителе. В-третьих, оно может быть читано в кабаках и на всех публичных местах и послужить предлогом для разнообразных толков и суждений»⁴.

Пушкинской «Истории Пугачева» боялись, и поэтому ее отняли у народа.

После выхода книги в свет Пушкин не оставил работу над ней. Он собирался исправить ее недостатки, пополнить текст новыми данными и выпустить второе издание. Сахаров за три дня до дуэли был на квартире у Пушкина и записал об этом посещении в дневнике:

«...Пушкин показал мне и дополнения к Пугачеву, собранные им после издания. Пушкин думал переделать и вновь издать своего Пугачева»⁵.

26 января 1835 года вместе с замечаниями к своей книге, на которые я уже не раз ссылался, Пушкин просил «...о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в Архиве. В свободное время я мог бы из него составить краткую выписку, если не для печати, то, по крайней

⁴ «Правда» от 9 июня 1936 года.

⁵ Вересаев «Пушкин в жизни». Вып. 4-й, стр. 99.

Дом № 12 по Мойке (Ленинград), в котором жил последние годы Пушкин.

мере, для успокоения исторической моей совести»¹.

Конечно, было бы наивно думать, что Пушкин хотел ограничиться «составлением выписки». Совершенствовать труд, который не увидит свет, вряд ли выгодно. Но обстоятельства были таковы, что прямо нельзя было выражать свои мысли.

После доклада царю Бенкендорф написал на письме: «Государь принял и велел благодарить; позволяет Пушкину читать все дело и просит сделать выписку для государя, дать знать, где следует, должно быть, М. Юстиции»².

Дело о суде над Пугачевым хранилось в секретном отделе Сенатского архива. Для разбора последнего и для выделения из него материалов во вновь организуемый Государственный архив еще в 1830 году была создана комиссия в составе министра иностранных дел Нессельроде и министра юстиции Дашкова. 8 запечатанных

пакетов с материалами о Пугачеве были переданы в Государственный архив, а оттуда—Пушкину. Пушкин работал над ними в специально отведенной для этого комнате при коллегии иностранных дел. Распечатав и внимательно прочитав документы, он не нашел среди них наиболее интересного и важного — допроса, снятого с Пугачева в Москве. В письме к директору Государственного архива Поленову он писал:

«...государь император изволит мне приказать распечатать дело о Пугачеве для составления исторической выписки. В восьми связках, доставленных мне из С.-Петербургского Сената, не нашел я главнейшего документа: допроса, снятого с самого Пугачева в следственной комиссии, учрежденной в Москве...»³.

По просьбе Пушкина был запрошен Московский главный архив министерства иностранных дел. Директор архива Малиновский 30 сентября 1835 года ответил, что официально в архив пугачевских материалов не поступало, но предшествующие ему директора архивов Миллер и Бантыш-Каменский собрали много материалов о Пугачеве. 6 тетрадей Миллера и 1 дело со многими бумагами о Пугачеве, оставленными Бантыш-Каменским, Малиновский переслал в Государственный архив, а оттуда они были переданы Пушкину для ознакомления.

В ноябре того же года Пушкин сделал еще одну попытку получить неизвестные ему материалы о Пугачеве. Отсылая в военное министерство использованные материалы Петербургского инспекторского архива и его московского отделения, он просил выслать ему дело с письмами генерал-аншефа Бибикова за 1774 год.

Эти письма Пушкин хотел прочесть еще в 1833 году. Ему тогда их не прислали. Не прислали и на его второй запрос, ссылаясь на их отсутствие. Так Пушкину и не пришлось ознакомиться с этими документами.

В мае 1836 года Пушкин предпринимает поездку в Москву для работы в архиве. 6 мая он пишет жене: «Вот

¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 354. 1909.

² «Дела III отделения Е. И. В. канцелярии», стр. 147—148. СПб. 1906.

³ «Дело о допущении А. С. Пушкина в архивы» № 27, лист 7, VI разряд Государственного архива ГАРКЭ.

уж три дня, как я в Москве, и все еще ничего не сделал. Архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не отдал...» Прошло пять дней, и Пушкин вновь пишет жене: «жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу—в архиве не роюсь». И, наконец, в письме от 14—16 мая он сообщает: «В архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть...»¹. Повидимому, здесь он нашел обильные материалы для своих исследований по истории Пугачева и Петра I.

К сожалению, мы не обладаем данными, характеризующими этот период работы Пушкина в архиве. Поиски их чрезвычайно затруднены тем, что фонд делопроизводства Московского главного архива министерства иностранных дел до сих пор не разобран.

* * *

Для создания «Истории Пугачева» Пушкин работал над материалами Петербургского архива инспекторского департамента, московского его отделения, материалами Московского главного архива министерства иностранных дел, Государственного архива, а также над материалами Нижегородского и Оренбургского архивов. Но количество дел, выданных Пушкину, было чрезвычайно незначительно. Правительство сделало все для того, чтобы, допустив Пушкина в архивы, фактически лишить его возможности их использовать. Пушкин из секретных архивов не получал ни одного документа без проверки Блудова, который пропускал к нему только второстепенные документы. Пушкину не показы-

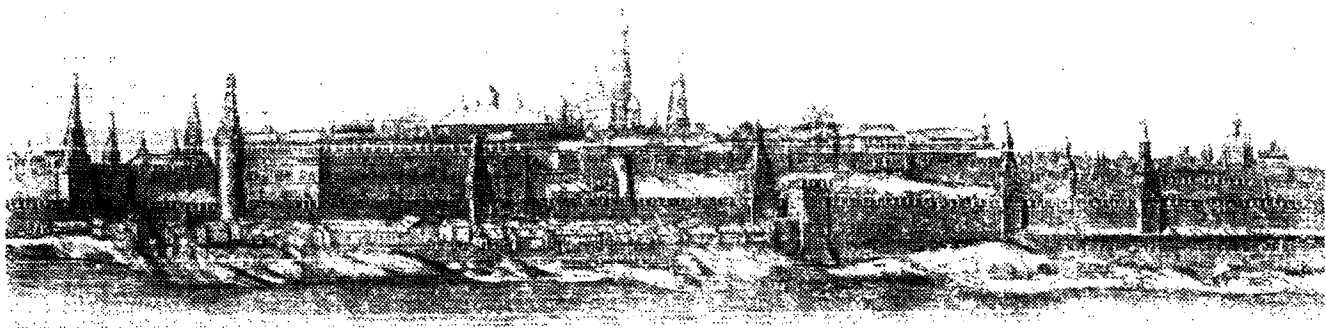
¹ «Сочинения и письма А. С. Пушкина». Т. VIII, стр. 387, 389 и 390. 1909.

вали опись материалов, и он не знал, какой материал имеется и где он хранится. По советам друзей, по своим догадкам Пушкин определял, где должны были храниться эти документы, и, если он угадывал, — ему выдавали второстепенные материалы, в противном же случае отвечали чиновничьей отпиской: «Здесь такого материала нет», — не указывая при этом, где он хранится. Так например письма Бибикова за 1774 год хранились в архиве Главного штаба, и в военном министерстве должны были это знать, но Пушкину ответили, что такого материала в архиве нет. На самом деле это была предосторожность. Неофициальные письма Бибикова за самый напряженный период борьбы с Пугачевым могли содержать сообщения, которые нельзя было «доверять» Пушкину.

В Государственном архиве к 1833 году было сосредоточено 114 обширных дел о Пугачеве: из тайной экспедиции, из сената, из следственных комиссий, функционировавших на местах, — а Пушкину выдали только 8! Уже одни эти цифры красноречиво говорят о препонах, которые ставились Пушкину в его работе в архивах. Его постоянно проверяли и ограничивали, опасаясь, что поэт извлечет оттуда компрометирующие самодержавие материалы, которых, кстати, там было достаточно.

Несмотря на это «История Пугачева» Пушкина — чрезвычайно оригинальное исследование, по-новому осветившее многие стороны пугачевского движения. Оно до сих пор не утратило своего историографического значения и представляет один из крупнейших источников изучения общего мировоззрения великого русского поэта.

Е. Звягинцев

ЧУМА В МОСКВЕ В XVII И XVIII ВВ.

В старой Москве грандиозные пожары, эпидемии чумы, холеры и оспы были довольно частым явлением. Город, тесно застроенный деревянными хоромами, лачугами и мелкими лавчонками, буквально тонул в грязи, в особенности во время осенней и весенней распутиц. Не лучше обстояло дело и летом, когда в жару над мясными и рыбными рядами поднимался густой смрад. Ужасающая грязь и антисанитария усугублялись еще тем, что все нечистоты и мусор, как правило, выбрасывались на двор, либо прямо на улицу. Несмотря на большую скученность, в Москве не существовало загородных кладбищ. Мертвецов хоронили внутри самого города. При каждой приходской церкви, в ближайшем соседстве с дворами духовенства и обывателей, существовали многочисленные погосты. Еще в XVII веке таких кладбищ в черте города было свыше 200; могильные кресты можно было видеть чуть не на любой московской улице.

Частые неурожаи, голодовки, крайняя нищета и культурная отсталость московского населения создавали благоприятную почву для всевозможных эпидемий. Следует также иметь в виду, что в то время в Москве не было больниц и врачей и лучшими средст-

вами от «морových поветрий» считались молебны, чудотворные иконы и заговоры знахарей. Не удивительно, что при таких условиях «черная смерть», или чума, была нередкой гостьей в Москве. Особенно памятны две чумы в Москве: в XVII и XVIII веках.

1

В 1654 году в Москве в течение 5—6 месяцев свирепствовало страшное «моровое поветрие» — чума. Люди умирали ежедневно сотнями, а в разгар эпидемии — и тысячами. В эти жуткие месяцы далеко не всех умерших зарывали в землю по установленному обычаю при церквях, и все-таки на церковных кладбищах не хватало места:

«Поминутно места нало,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой»¹.

По улицам бродили стаи собак, питавшихся трупами. «Мертвые тела

¹ А. С. Пушкин «Пир во время чумы».

во граде и за градом лежат псы влачимы»¹.

Центральные власти, отлично понимая опасность непосредственного соседства «зачумленных» могил к человеческому жилью, тем не менее не предпринимали никаких мер для перенесения кладбищ за город и пресечения заразы. И только те кладбища, которые находились в самом Кремле, поблизости к царскому дворцу и боярским хоромам, были после чумы обнесены высокой оградой, наглухо забиты, и погребать на них мертвецов было запрещено, дабы снова «морозное поветрие на люди не учинилось»². Так, позаботившись о себе, царские правители предоставили растерявшимся, измученным москвичей, которых нещадно косила чудовищно быстро распространявшаяся зараза, самим себе.

Болезнь поражала человека внезапно. Она начиналась обыкновенно головной болью и большим жаром, сопровождавшимся бредом. Заболевший быстро слабел, его мучило кровохарканье; нередко на теле появлялись опухоли, гнойные нарывы — чирьи, образовывались язвы. Через несколько дней больной умирал.

Как лечить чуму, никто не знал. Верные способы ее излечения и в наше время не установлены, а в XVII веке их и подавно не было. Заболевших в большинстве случаев оставляли без помощи и ухода. Из страха заразиться здоровые избегали всякого общения с больными. А те, кто имел возможность укрыться куда-нибудь, спешили покинуть город и уехать в незараженные места. Разумеется, такой возможностью располагали чаще люди состоятельные. В первую очередь из Москвы убежала царская семья. Уже в конце июля царица Марья Ильинишна с сыном (самого царя Алексея Михайловича в Москве не было: он находился в походе под Смоленском, так как тогда велась война с Польшей) выехала в Троице-

Сергиев монастырь, затем в Калязинский монастырь, а оттуда она собиралась уехать еще дальше на север, в Новгород или на Белоозеро. Вслед за царицей выехал из Москвы и патриарх Никон, глава православного духовенства, имевший тогда огромный авторитет и значительное влияние в делах управления.

По примеру высших представителей власти, торопились покинуть Москву и прочие сановники. Они бежали в соседние города, в свои деревни, а то и просто отсиживались на своих загородных дворах. Вскоре стали разбегаться и стрельцы, составлявшие гарнизон города.

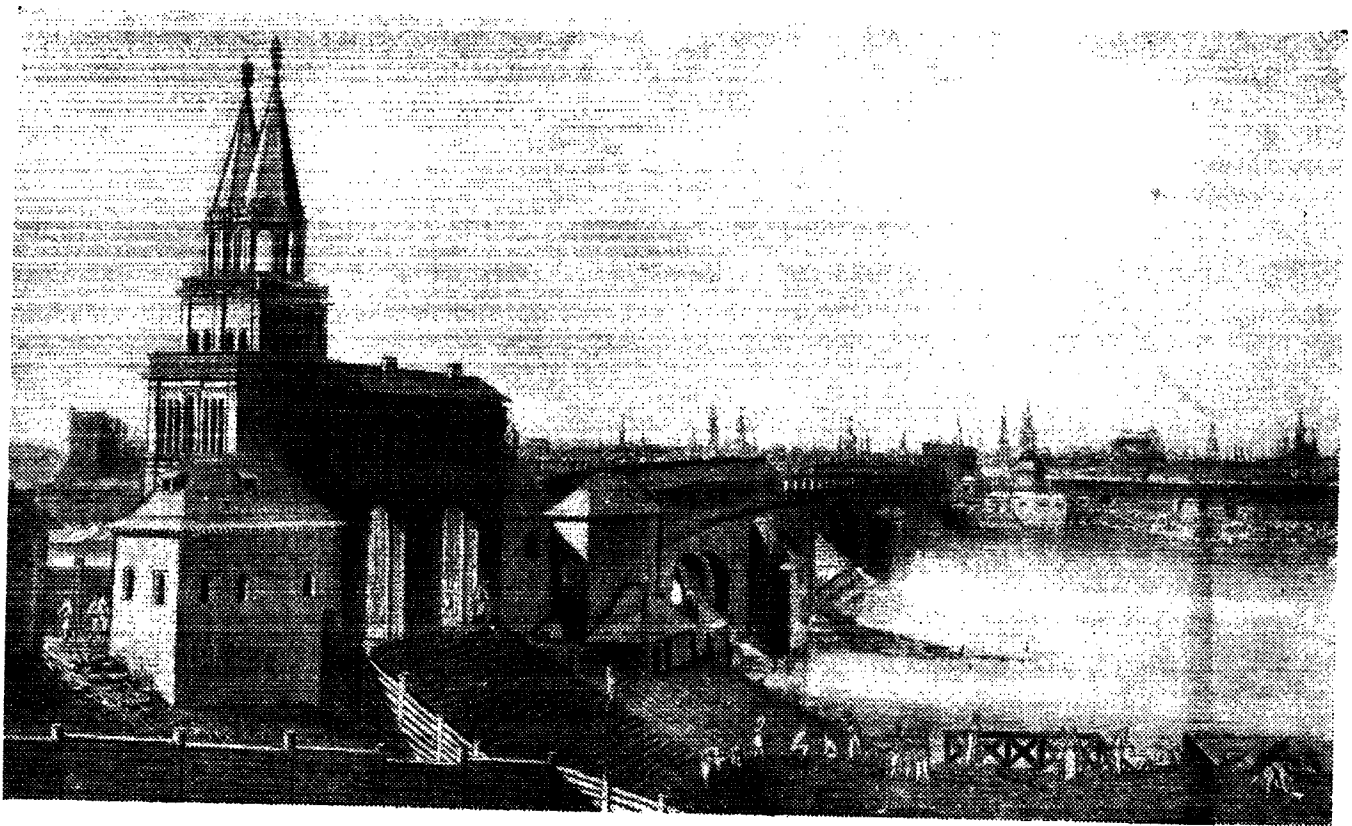
Каких-либо городских учреждений, занимавшихся нуждами собственно московского населения, в то время не существовало. Поэтому отъезд царской семьи, патриарха и других представителей власти означал полную дезорганизацию. Само население города, ничем не объединяемое, было совершенно беспомощно перед грозным «мором» и ничего не могло ему противопоставить.

Вымирали целыми семьями, дворами и улицами. Хозяйственная жизнь столицы приостановилась. Торговля и промышленность замерли. Большинство городских ворот было заперто. Кремль с его правительственными учреждениями—приказами—стал недоступен. Беспорядок в городе все увеличивался. Из плохо охраняемых тюрем на свободу вырвались многие «колодники», грабившие жителей. К тому же отсутствие заработков толкало даже честных людей к воровству в «выморочных» дворах (т. е. в таких, обитатели которых вымерли). В лишенном всякого управления городе никто не боролся с воровством и даже с открытым грабежом.

Дошедший до нас ряд распоряжений и запросов царицы, посланных ею из Калязина в Москву, свидетельствует лишь о страхе царицы перед проникновением болезни в Калязин, где она укрывалась, или под Смоленск, где стоял царь с войском. Стремясь во что бы то ни стало оберечь себя от заразы, царица распорядилась нарядить по всем дорогам крепкие караулы из местных обывателей, устроить заставы и тщательно проверять,

¹ Все цитируемые в статье документы о чуме 1654 года даны по «Дополнениям к актам историческим». Т. III, стр. 442—521. СПб. 1848.

² И. Е. Забелин «Материал для истории, археологии и статистики». Ч. II, стр. 2. М. 1891.

Москва в начале XVIII века.

По рисунку Пикара.

нет ли где поблизости от дорог очагов чумы. Переписка между Москвой и Калязиным проходила непременно через огонь, т. е. письма из Москвы на заставе переписывались, подлинники сжигались, и царице доставлялись копии. На дороге, по которой, вопреки запрещению, провезли труп чумного, разжигались огромные костры для предупреждения. Проверялась всякая покупка, чтобы установить, не была ли она в руках больного. В самой Москве окна и двери пустых царичьих комнат и ее кладовых были заложены кирпичом и замазаны глиной, чтобы болезнь никак не могла проникнуть в царские покои, и т. д. и т. д.

Но нет ни одного документа, свидетельствующего о том, что была проявлена хоть какая-нибудь забота о массе вымирающих москвичей, ни одного распоряжения, направленного к улучшению положения населения. Наоборот, в одном документе царица советовала князю Пронскому (представителю власти, оставленному в Кремле для управления столицей) не заниматься никакими делами во избежание соприкосновения с жителями.

В августе и сентябре количество жертв чумы достигло апогея. В октябре «морозное поветрие учало тишать и больные люди от язв учали обмо-

гаться». В конце декабря эпидемия прекратилась.

Правильного учета заболевших и умерших в то время не велось, и мы теперь не можем точно определить, сколько человек погибло, но все же имеются некоторые цифры, которые характеризуют ту силу, с какой чума опустошала Москву.

В декабре окольный приказ, заведывавший Земским приказом, т. е. главным полицейским учреждением, предписал дьяку Мошнину собрать сведения о жертвах эпидемии чумы. Мошнин представил цифровые данные об убыли в людях по различным категориям населения: среди духовенства, среди дворовых людей в домах знатных лиц, среди тяглого населения черных слобод и др. Оказалось, что в 15 обследованных московских тяглых слободах (всех слобод, кроме стрелецких, было свыше полусотни) Мошнин установил, что число умерших составляет 3296 человек, а оставшихся в живых — 681 (подсчет велся, по всей вероятности, только взрослому мужскому населению). Соотношение этих цифр показывает, что во время эпидемии погибло свыше 80% слобожан, т. е. большинство податного населения. Допустимо, что некоторая часть слободского населения с развитием эпидемии бежала из Мо-

сквы и, следовательно, число живых следует повысить сравнительно с данными Мошнина. Допустимо, далее, что обследованные слободы были почему-либо более пострадавшими чем соседние. Несмотря, однако, на такие оговорки следует признать несомненной смерть огромного числа жителей черных слобод.

Среди дворовых людей смертность была также колоссальная. Приведем цифры, относящиеся к 10 боярским дворам в Кремле и Китай-городе:

	Умерло	Осталось в живых
У Б. И. Морозова	343	19
» князя А. Н. Трубецкого	270	8
» князя Я. К. Черкасского	423	110
» И. В. Морозова	60	15
» князя Н. И. Одоевского	295	15
» И. Д. Милославского	100	16
» Н. И. Романова	352	134
» В. В. Бутурлина	68	8

У князя Ю. А. Долгорукова	28	13
» Г. Г. Пушкина	25	2
Итого	1964	340

Если ничего не скидывать на долю возможных беглецов, то приведенная колонка цифр свидетельствует, что из 2304 боярских людей умерло 1964, т. е. 85%. А у князя Трубецкого процент смертности достигал 97, что граничит с поголовным вымиранием.

Среди более обеспеченных слоев населения наблюдался меньший «упадок на люди».

Можно предположительно считать, что умерших от чумы 1654 года в Москве было до 150 тысяч человек, т. е. больше половины общего числа москвичей.

2

Новая, исключительная по своей силе вспышка чумы началась в конце 1770 года. Особенной силы эпидемия достигла в 1771 году. В течение только 9 месяцев (с апреля по декабрь указанного года) чума, по офи-

Московские бояре XVII века.

Рисунок неизвестного иностранного художника.

циальным сведениям¹, вырвала из жизни 56 672 человека. В действительности число погибших было гораздо больше. Вероятно, ближе к правде сведения, приводимые Екатериной II в письме к одному иностранцу, где она сообщала, что чума похитила в Москве более 100 тысяч человек². Едва ли императрица стала бы в письме к иностранцу преувеличивать количество погибших москвичей.

Еще в большей степени чем предыдущее «морозное поветрие» эпидемия 1771 года была повальной болезнью преимущественно городской бедноты. Наиболее обильную жатву она собирала среди необеспеченных слоев населения и особенно среди фабричных рабочих. Одно из первых гнезд чумы свила на крупнейшей тогда московской мануфактуре, на так называемом Большом суконном дворе за Москвой-рекой. Результаты опустошения, произведенного чумой в среде рабочих этого предприятия, можно видеть из того, что в 1770 году здесь

работал 1031 человек, а в 1772 году — всего лишь 248 человек³.

В 70-х годах XVIII века Москва во многом отличалась от Москвы 1654 года: в связи с эпидемией были упразднены многочисленные погосты при приходских церквях и вместо них устроено несколько больших загородных кладбищ; имелись доктора, рекомендовались лекарства и вырабатывались более или менее действительные средства для предохранения от заразы. Но всеми докторскими советами и медицинскими средствами могли пользоваться только люди состоятельные. Для городской же бедноты в условиях крайней скученности, плохого питания, недостатка белья и одежды все благие советы были пустым звуком.

Самым действительным средством избежать чумы был, конечно, отъезд из Москвы. Как только эпидемия весной и летом 1771 года начала сильно распространяться, через московские заставы потянулись многочисленные экипажи с «господами» по направлению к их родовым вотчинам. Уезжали из Москвы не только дворянские жены с детьми, но часто и сами отцы

¹ Шафонский, доктор, «Описание моровой язвы в столичном городе Москве, бывшей в 1770—1772 гг.», М. 1775.

² «Русский архив» за 1878 год. Т. IX.

³ «Московский суконный двор», стр. 288. М. 1934. Изд. Академии наук СССР.

Чума в Москве в 1771 году,

Фрагмент картины де Велли,

Красная площадь в Москве. XVIII век.

С гравюры де Велья.

семейств, служившие и обязанные по долгу службы оставаться в столице, уезжали вельможи и сановники, выезжало и среднее дворянство.

Главкомандующий Москвы, старый фельдмаршал граф П. С. Салтыков в сентябре писал императрице, что «дворянство все выехало по деревням... в сенат никто не ездит... приказать некому, по кого ни пошлю, отвечают — в деревне». Господствующий класс в паническом страхе бросил столицу. Наконец, 14 сентября, в самый напряженный момент, уехал из Москвы в свое подмосковное имение Марфино и Салтыков.

Императрица и ее чиновники пытались предупредить распространение заразы. Из Петербурга сыпались предписания, приказы и угрозы одного другого строже. Не было недостатка и в самой Москве в начальственных распоряжениях и сообщениях, как беречься от чумы и как поступать в случаях заболевания или смерти в семье, в доме, у соседа. Было создано некоторое подобие городской организации с докторами и особыми смотрителями во главе; город был разделен на 20 районов; были устроены даже больницы.

Однако в тогдашней социально-культурной обстановке даже рациональные меры приносили мало пользы и, больше того, вызывали сплошь да

рядом противодействие со стороны населения. Еще чаще распоряжения и меры начальства были просто неосуществимы или крайне стеснительны для массы жителей и потому порождали в них лишь раздражение. Принудительные карантинные и изоляционные дезинфекция жилищ, закрытие внутригородских рынков и прекращение подвоза съестных припасов, запрещение въезда и выезда из города, закрытие торговых бань, приостановка работ на фабриках и угроза вывезти последние вовсе из Москвы, сжигание платья и пожитков, принадлежавших умершим, запрет на открытое церковное отпевание покойников, на их обмывание и последнее целование родными—все эти и подобные меры живо затрагивали разнообразные стороны жизни москвичей. При этом задевали они главным образом те слои населения, которые в дворянских устах именовались «подлыми»; оставшие же в городе состоятельные москвичи имели возможность откупиться и обойти любое запрещение при помощи взяток чиновникам и служителям.

На население наводило ужас появление особых служителей в масках и вошанных балахонах, которые забирали длинными крючьями трупы умерших, грузили их в беспорядке на телеги и увозили куда-то за город.

В своем озлобленном состоянии московская «чернь» готова была думать, что не только все многочисленные стеснительные административные мероприятия, но и самая зараза являются делом чьей-то злой воли. Распространялись подозрительные слухи о преступном поведении докторов, обострялось всегдашнее недоверие к представителям царской власти, к дворянству и его ставленникам. В народе зрело глухое недовольство, которое в сентябре 1771 года, когда беспощадная чума достигла наибольшей силы, вылилось в так называемый чумный бунт.

Главные события «бунта» развернулись 15—17 сентября.

С начала этого месяца у Варварских ворот, ведших из Китай-города на нынешнюю площадь Ногина, беспрестанно служились молебны и всеобщие перед висевшей на стене иконой боголюбской божьей матери. Богомольцы толпами приходили приложиться к образу. Собравшиеся тут же вслух критиковали распоряжения начальства, угрожали докторам, проклинали карантин и т. д. В числе прикладывавшихся было немало больных чумой, и таким образом заражалось все большее количество людей.

Гражданская и духовная власти постановили прекратить сборища у Варварских ворот и перенести икону куда-нибудь в другое место. Это мероприятие «благословил» и московский архиепископ Амвросий. Однако, когда о намерении убрать икону, почитавшуюся чудотворной, стало известно богомольцам и низшему приходскому духовенству, они решили отстоять богородицу и продолжать молебны.

Консistorский чиновник, прибывший 15 сентября к воротам для опечатания денежного ящика при иконе, встретил сопротивление. С колоколен раздался набат, отовсюду сбегался народ, многие были с палками и камнями. Раздавались возгласы возмущения и проклятия по адресу властей¹.

Образовавшаяся толпа состояла из самого разношерстного люда: здесь были рабочие, торговцы, под'ячие,

канцеляристы, цеховые ремесленники, безместные попы, крестьяне, дворовые, отставные солдаты, раскольники. Долго сдерживаемое возмущение народа нашло исход в упорном стремлении не подчиниться ненавистному начальству и отстоять икону. Кем-то был брошен призыв идти тотчас в Кремль и там расправиться с Амвросием, который не пользовался расположением населения и считался основным виновником распоряжения о переносе иконы. Народ кинулся в Кремль, в Чудов монастырь, где жил архиепископ. Его здесь не нашли, но его комнаты были обысканы, разгромлена была даже архиерейская церковь. Во время этих событий гражданская власть бездействовала, так как не располагала никакими военными силами (единственный Великолуцкий полк, бывший в ее распоряжении, находился в тот момент в 30 верстах от Москвы).

На другой день в Кремле и Китай-городе снова собралось множество народа и вновь продолжались поиски архиерея. Узнав, что он скрылся в загородном Донском монастыре, за Москвой-рекой, часть собравшихся двинулась туда, отыскала Амвросия, спрятавшегося на хорах в церкви, выволокла его за ограду монастыря и с ожесточением убила.

Этот стихийный бунт был подавлен, как только генералу Еропкину (заместителю бежавшего Салтыкова) удалось организовать небольшой отряд солдат. Этот отряд с двумя пушками был направлен в Кремль, где все еще волновался возбужденный народ. После бесплодных попыток «увещания» по толпе была открыта стрельба из ружей и пушек. Около 100 человек пало, 249 человек было арестовано, остальные разбежались.

На следующий день народ пробовал опять собраться на Красной площади, но, увидев, что начальство готово пустить в ход оружие, собравшиеся бросились врассыпную.

Следствие, наряженное по делу о мятеже и убийстве Амвросия, не раскрыло определенных виновников, но так как кого-то «надо» было покарать, то суд приговорил 3 человек к повешению, 60 — наказать кнутом, вырезать ноздри и сослать в Рогер-

¹ А. Брикнер «О чуме в Москве 1771 года». «Русский вестник» за 1884 год, т. 173.

вик (крепость на Балтийском побережье), 12 — вырезать ноздри и сослать на галеры, несколько человек высечь розгами и т. д.

Московский бунт был воспринят высшими властями как буйство черни, принявшее серьезные размеры только из-за бездействия местных властей. Императрица заявляла, что в московских происшествиях «ни головы, ни хвоста нет, а дело—вовсе случайное». Приходится согласиться, что, действительно, никакой организации, никакого руководства движением не было. Но совершенно неверно, будто события 15—17 сентября были «вовсе случайными»: они были проявлением глубокого недовольства, существовавшего в разных слоях массы городского населения и обостренного несчастьями чумного года.

Чума пробила огромную брешь в жизни Москвы, погубив колоссальное число ее жителей и нанеся большой материальный урон оставшимся в живых. Ряд промышленных предприятий

был надолго закрыт, и одно время правительство намеревалось даже большинство их перевести в провинциальные города. Значительный ущерб причинила эпидемия и в среде рядового купечества, среднего и низшего чиновничества и духовенства.

Зато дворянство, меньше всех других групп московского населения пострадавшее от болезни, в материальном отношении даже выиграло в результате произведенных чумой опустошений. Дело в том, что перед чумой в Москве оставалось еще много мелких дворовладельцев, из них очень многие вымерли во время чумы, и их земельные участки за бесценок или даже бесплатно достались дворянам. Таких «выморочных», бесхозяйственных дворов оказалось не меньше 3 тысяч. Их переход в дворянские руки сильно содействовал расширению дворянского землевладения в Москве и образованию просторных городских усадеб. Из народного бедствия дворянство извлекло себе пользу.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 г.

1

Восстание парижских масс 14 июля 1789 года (взятие Бастилии) нашло живой отклик в Петербурге.

Французский посол Сегюр следующим образом описывает настроения, вызванные в Петербурге взятием Бастилии:

«Я не смогу выразить энтузиазм, который вызвало среди купцов, мелких торговцев, буржуазии и части образованного общества падение этой государственной тюрьмы и этот первый триумф свободы. Французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы — все на улицах поздравляли друг друга, целовались, как будто бы они избавились от слишком тяжелой цепи, которая висела на них»¹.

Это возбуждение вызвало сильное недовольство царского двора. Инспирированные Екатериной, «СПБ ведомости» сообщают о взятии Бастилии в тоне глубокого возмущения. Описав известную сцену взятия Бастилии, газета восклицает:

«Рука содрогается от ужаса, описывая происшествия, при коих могли быть в толиком пренебрежении долг к государю и долг к человечеству... Совершенное безумие во всем господствовало...»².

Этой злобной статьей начинается информация правительственного органа царской России о французской революции конца XVIII века.

¹ Segur «Mémoires». V. III, p. 434. Paris. 1827.

² «СПБ ведомости» за 1789 год, стр. 990—991.

От либеральной болтовни времен «Наказа» у Екатерины не осталось и следа еще со времени восстания Пугачева.

При прощании с Сегюром, отставки которого она потребовала, узнав, что он сочувствует революции, Екатерина дает классическую формулировку своей позиции:

«Я остаюсь аристократкой, это моя профессия»³.

Национальное собрание представляется Екатерине «гидрой в 1200 голов»⁴.

Секретарь Екатерины Храповицкий отмечает ее возмущение: «Как можно сапожникам править делами? Сапожники умеют только шить сапоги»⁵.

События 5—6 октября приводят «СПБ ведомости» в ужас: «Базарные торговки» распоряжаются королем, оскорбляют королеву!..»⁶.

Екатерина уже предвидит судьбу Людовика XVI. Храповицкий отмечает в своем дневнике ее возглас:

«Они способны его повесить на фонаре!»⁷.

Впрочем, не нужно было обладать особой политической дальновидностью, чтобы предвидеть ход событий. Известно, что даже недалекий Людовик XVI после октябрьских дней 1789 года, когда выступление низов парижского населения заставило двор переехать из Версаля в Париж, заинтересовался историей Карла I, предчувствуя общность судеб с этим обезглавленным английской революцией королем.

Борьба с французской революцией становится с этого времени основным стержнем внешней политики Екатерины.

Ее средства ликвидации революции пока чрезвычайно просты:

«Если бы кое-кого повесили, я полагаю, остальные бы одумались. Надо

³ Pingaud, L. «Les Français en Russie et les Russes en France», p. 162. Paris. 1886.

⁴ Larivière «Catherine» II et la Révolution française», p. 55. Paris. 1895.

⁵ Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793, стр. 310.

⁶ «СПБ ведомости» за 1789 год, стр. 1389.

⁷ Храповицкий, цит. соч., стр. 309.

начать с того, чтобы лишить их этих 18 ливров, которые выдают каждому депутату, и тогда эти бедняги отираются зарабатывать хлеб своим ремеслом, и издать закон, чтобы ни один адвокат не мог туда попасть... Эти каналы — сущие негодяи... вроде Пугачева»¹.

После событий 5—6 октября начинается эмиграция феодальной знати из Франции. В Кобленце образуется эмигрантский центр; часть этого эмигрантского потока потянулась в Петербург.

При дворе Екатерины собралось немало эмигрантов — обломков старого режима: граф Ланжерон, маркиз Отишан, граф Полиньяк и ряд других виднейших представителей феодальной Франции: Монморанси, Тулуз, Ришелье.

Все они получали пенсии, должности, награды. Многим из них дарились даже крепостные поместья, преимущественно из земель, конфискованных у поляков и в завоеванных у Турции областях. Маркиз де Ламберт получил 300 крестьян близ Нарвы, граф Клермон-Тонер получил поместье на побережье Днепра, Шуазель-Делекур — в Крыму и т. д.

Принцы королевского дома послали в Петербург своего посла Эстергази, которого Екатерина приняла как подлинного посла Франции, тогда как поверенного в делах конституционной Франции — Жанэ, сменившего Сегюра, она всячески третировала, окружила его шпионами и, в конце концов, в 1792 году выслала, порвав дипломатические сношения с революционной Францией. Эстергази же был принят в интимное общество Екатерины, ему назначили ежегодную пенсию, дали дворец в Петербурге и поместье на Волыни.

В организации попытки бегства Людовика XVI из революционного Парижа 20 июня 1791 года также явно видна рука царской России.

Людовик бежал под видом лакея при баронессе Корф, под именем которой скрывалась его жена Мария-Антуанетта. Паспорт королеве был доставлен русским послом в Париже Си-

молином. Граф Ферзен, управлявший каретой, в которой была королевская чета, в 1795 году ходатайствовал перед Екатериной о помощи баронессе Корф, ссудившей деньгами Людовика XVI во время побега. Генералу Булье, главному организатору побега, поджидавшему короля у границы, впоследствии предлагали щедрое содержание на русской службе: при поступлении он должен был получить 46 тысяч рублей, 10 тысяч рублей ему давалось на экипировку, 6 тысяч рублей — столовых денег и 2 тысячи рублей пенсии.

У Варенна Людовик был узан и возвращен обратно. После вареннской авантюры Екатерина прямо заявила английскому послу Витворту, что она рассматривала бы гостеприимство, предоставленное Людовику XVI, как самый замечательный акт своего царствования.

В своем стремлении подавить революцию Екатерина сосредоточила все надежды на вооруженной интервенции.

Она вела деятельную переписку с австрийским и прусским дворами, призывая их к «защите дела королей», заявляя, что со своей стороны она готова сделать все для спасения монархии во Франции.

Екатерина фактически принимает участие уже в первой коалиции против Франции.

3 июля 1792 года она заключает союз с Австрией, а 27 июля — с Пруссией, обязавшись держать войска наготове. Кроме того Екатерина заключает договор со шведским королем Густавом III о совместной интервенции во Францию через Нормандию, причем Россия должна была дать 24 тысячи солдат.

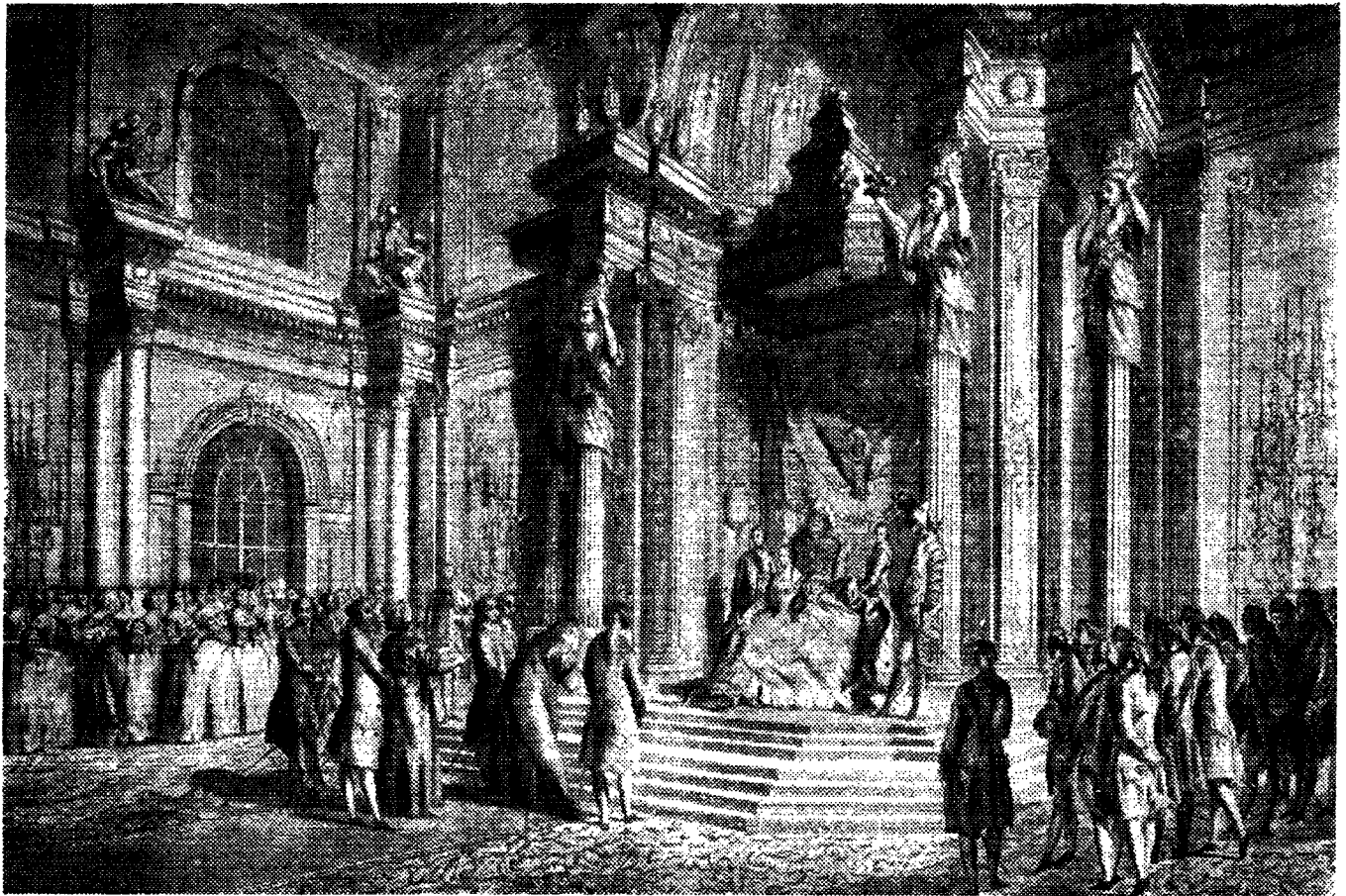
После революции 10 августа 1792 года она пишет записку «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства», которая представляет собой целую программу контрреволюции, под девизом «Дело французского короля есть дело всех государей».

Вот отдельные места этого характерного документа:

«В настоящее время достаточно 10 000 человек, чтобы пройти Францию от одного конца до другого. Посредством этого войска можно осво-

¹ Сборник РИО. Т. 23, стр. 488—489. Письмо Екатерины II Гримму от 25/VI 1790 года.

Прием иностранных послов Екатериной II.

Гравюра де Вельи.

бодить Францию от разбойников, восстановить монархию и монарха, разогнать самозванцев, наказать злодеев... Французское духовенство получит назад, что останется не распроданным из его имущества, дворянство — свои права сословные... В манифестах непременно нужно провозгласить с решимостью, что так называемое Национальное собрание превысило полномочия, данные ему его доверителями; что действия депутатов имеют целью уничтожение монархического образа правления, установившегося во Франции уже 1000 лет; что они дерзают помышлять даже об отмене христианской религии... что на место древнего правительства, даровавшего Франции блеск и твердость... они предадут государство разрушительной анархии; что само национальное собрание поступает по внушениям разбойников, коими наполнен Париж; что, заключив короля своего в темницу, они насильно заставляют его соглашаться на все, что им угодно, действуя смутю и мятежом; что члены этого собрания набрали войско, вооружили общины и через то лишили всю Францию войск, необходимых для защиты государства от внешних неприятелей

(sic!), и в то же время дозволили гражданам взяться за оружие для того, чтобы убивать друг друга... во вред промыслам и торговле, которые не находят для себя рук...

Разумеется,— пишет, далее, Екатерина,— при составлении манифестов надо будет из всего вышеизложенного привести то, что наиболее пригодно в данную минуту, соответственно обстоятельствам. По мере того как войска будут подвигаться в край, надлежит обезоруживать общины, вновь приводить их к присяге на верность королю, отнять у них кокарду и все прочие республиканские погребушки, ввести прежние государственные цвета, белую кокарду, королевское знамя, уничтожить ненавистные наименования демократов и аристократов и проч.»¹

Первая коалиция под напором революционных масс Франции потерпела крах.

Еще раньше рухнул союз Екатерины со шведским королем Густавом III. В марте 1792 года Густав был убит на придворном балу, став, очевидно, жер-

¹ «Русский архив» за 1866 год, стр. 399—422 (перевод с французского).

твой заговора шведской феодальной знати. Но Екатерина была убеждена, что его убийство—дело рук якобинцев.

Революция совершала свое победоносное шествие. 22 сентября 1792 года Национальный конвент провозгласил Францию республикой, а 21 января 1793 года Людовик XVI был казнен.

2

Казнь Людовика потрясла Екатерину. На шесть недель при дворе был объявлен траур.

С этого момента начинается полоса чудовищной реакции в России. Прежде всего градом посыпались репрессии против Франции и французско-неэмигрантов, живших в России.

15 февраля 1793 года был опубликован указ Екатерины, поставивший Францию в положение воюющей с Россией страны. Указу предшествовал суровый «обвинительный акт» против французской революции, в который Екатерина вложила всю свою ненависть к революции: «Замешательства, во Франции от 1789 г. происшедшие, не могли не возбуждать внимания в каждом благоустроенном государстве. Доколе оставалась надежда, что время и обстоятельства послужат к образованию заблужденных и что порядок и сила законной власти восстановлены будут, терпели мы свободное пребывание французов в империи нашей и всякое с ними сношение... Видев после буйство и дух возмутительный противу государя их далее и далее возрастающий с неистовым намерением правила безбожия, неповиновения верховной государственной власти... не только у себя утвердить, но и сразу оных распространить во вселенной, прервали мы политические сношения с Францией... Ныне, когда ко всеобщему ужасу в сей несчастной земле преисполнена мера буйства, когда нашлося более 700¹ извергов, которые неправильно присвоенную ими силу до того во зло употребили, что подняли руки свои на умерщвление помазанника божия, законного их государя, в десятый день января сего года лютым мучительным обра-

¹ Имеются в виду члены Национального конвента.

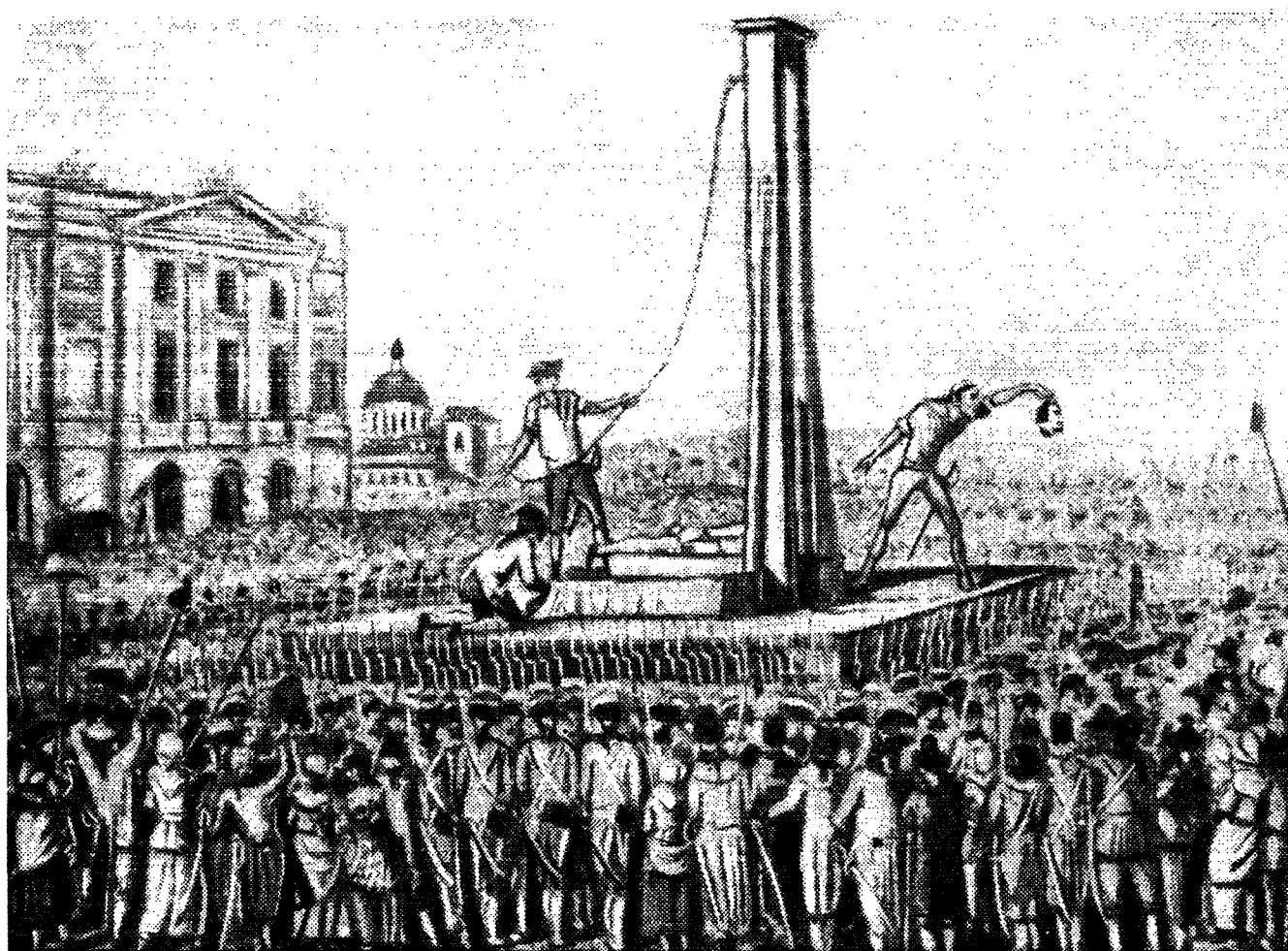
зом в действо произведенное, мы почитаем себе долгом перед богом и совестью нашей не терпеть между империею нашею и Францией никаких сношений, каковые между государствами благоустроенными существуют... доколе правосудие всевышнего накажет злодеев и его святой воле угодно будет положить предел несчастиям сего королевства, восстановя в нем порядок и силу власти законно»².

Содержание указа сводилось к следующему: расторгался торговый договор с Францией от 1786 года, запрещалось появление в русских портах французских судов и русских судов во французских портах, высылались французские консулы и отзывались русские консулы из Франции, все русские, находившиеся во Франции, должны были немедленно выехать оттуда, строжайше запрещался въезд французов в Россию, за исключением эмигрантов по рекомендациям французских принцев: графа Прованского, графа д'Артуа, принца Конде, — запрещался ввоз в Россию периодической литературы, издававшейся во Франции.

Что же касается французов, живших в России, то они должны были особой присягой отречься от революции, в противном случае они подлежали немедленно высылке.

Вот текст этой «очистительной присяги»: «Я, нижепоименованный, сею клятвою моею, перед богом и святым его евангелием произносимую, объявляю, что... признаю настоящее правление тамошнее незаконным и... умерщвление короля христианнейшего Людовика XVI почитаю сущим злодейством и изменю законному государю...; обязуюся... прервать всякое сношение с одноземцами моими французами, повинующимися неистовому правительству и оного сношения не иметь доколе с восстановлением законной власти тишины и порядка во Франции последует от е. и. в. высочайшее на то разрешение. В случае противных сему моих поступков подвергаю себя в настоящей временной жизни казни по законам, в будущей же суду божию (!). В заключение же клятвы мо-

² «СПБ ведомости» за 1793 год, стр. 257—261.

Казнь Людовика XVI.

Парижская национальная библиотека.

ей целую слова и крест спасителя моего, аминь»¹.

Присягу нужно было давать перед алтарем, причем во избежание «притворства» присягавших «с намерением сокрыть оно от своих единоземцев» предписывалось «тут же им объявить, что помянутое их отрицание обнародовано будет в российских и иностранных ведомостях».

С этого времени в «СПБ ведомостях» начинают печататься длинные списки принесших присягу французов: учителей, гувернанток, поваров и ремесленников, — находившихся в услужении у русских дворян.

Еще раньше началось бешеное преследование «вольнодумцев», жертвой которого стали Новиков и Радищев. Просветители — иллюминаты, франк-масоны, либералы всех оттенков попали под строгий надзор.

Страх перед революцией принял чудовищный характер. Всюду мерещились «голоколенцы», как называли здесь санкюлотов.

Охота за «красными колпаками»

¹ «СПБ ведомости» за 1793 год, стр. 224.

принимала иногда комические формы. Классическим стал анекдот о том, как оберполицмейстер Никита Рылеев, искавший всюду якобинцев, с торжеством привел во дворец старика в красном колпаке, замеченного им в одном из окон, выходящих на Адмиралтейскую площадь; старик этот оказался отставным генералом, получавшим от Екатерины пенсию.

С 1793 года «СПБ ведомости» перестают давать какие бы то ни было сведения о французской революции. Это было своеобразным средством борьбы с влиянием революции путем замалчивания ее.

Зато тем активнее становится Екатерина в непосредственной борьбе с революцией. 1793 год является поворотным пунктом в этой борьбе. От угроз и косвенной поддержки интервенции Екатерина переходит к активной интервенционистской политике.

12 января 1793 года Екатерина заключает тайный договор с Пруссией, по которому Россия обязывалась держать свои сухопутные и морские си-

лы на военном положении до тех пор, пока будут «продолжаться смуты, возбужденные мятежом во Франции», и в случае нужды подать помощь союзникам против Франции, а также для «укрощения беспокойств, могущих возникнуть как в Польше, так и во владениях союзников»¹.

В качестве вознаграждения Екатерина выговорила себе области, отошедшие потом к России по второму разделу Польши, — всю Белоруссию, Вольшь и Подолию.

Весной 1793 года Екатерина готовится послать войска в Вандею на помощь роялистам.

14 марта 1793 года заключается договор с Англией для «обуздания революции», причем Россия обязалась «воспрепятствовать Франции производить торговлю не только военными припасами, но также хлебом, мясом, солью и т. п. и притом не допускать и другие государства производить торговлю с Францией этими предметами»².

Иными словами, Россия обязуется принять участие в блокаде Франции.

В июле 1793 года русский флот из 25 линейных кораблей, 7 фрегатов и 6 легких судов под командой адмирала Чичагова двинулся в Северное море»³.

Еще щедрее становятся субсидии Екатерины эмигрантам — основному отряду контрреволюции. Уже в первом году революции Екатерина выдала 1½ миллиона рублей эмигрантам. В 1791 году она направляет эмигрантам еще ½ миллиона рублей. В том же году она посылает в Кобленц к принцам доверенное лицо — графа Румянцева — и выдает им субсидию в 2 миллиона франков.

Через несколько недель после казни Людовика XVI прибыл в Петербург его брат граф д'Артуа. Он был принят с большими почестями. При прощании Екатерина обратилась к нему с торжественной декларацией: «К концу года вы должны восстановить королевский двор или вас не должно быть в

живых» — и вручила ему дорогую шпагу с девизом «С богом — за королю». Кроме того она снабдила его миллионом рублей наличными и чеком на четыре миллиона рублей к русскому послу в Англии Воронцову, куда направлялся граф д'Артуа.

Не даром Екатерина, являвшаяся источником доходов для эмигрантов, сама себя весьма метко называла «*Madame Ressource*» по отношению к ним.

Наибольшую активность, однако, Екатерина развивает в Польше. Один за другим следуют второй и третий разделы Польши.

Агрессия по отношению к Польше была одним из важнейших рычагов контрреволюционной деятельности Екатерины.

Раздел Польши имел своей задачей не только захват территории для удовлетворения дворянских appetитов к земле, но прежде всего для создания кордона против революции. Революционное движение в Польше находилось под прямым влиянием французской революции. Развитие революции во Франции находило свое отражение в революционном движении в Польше.

Польские повстанцы 1794 года все свои надежды возлагали на якобинское правительство в Париже. В Варшаве на сцену выступили демократические силы, неплохо усвоившие методы борьбы парижских якобинцев.

Екатерина в ответ на нарекания союзников, упрекавших ее в том, что она не посылает свои войска к берегам Рейна, отвечала: «Я борюсь с якобинцами в Варшаве».

После подавления польского восстания Екатерина заключает в феврале 1795 года новый союзный договор с Англией, направленный против Франции, к которому в сентябре 1795 года присоединилась и Австрия.

В силу этого договора, в июле 1795 года русская эскадра, в составе 6 линейных кораблей и 6 фрегатов, под командой вицеадмирала Ханькова, направилась к английским берегам, чтобы воспрепятствовать соединению французского флота с голландским.

Екатерина воздерживалась только от посылки сухопутных войск на помощь Австрии.

К концу 1796 года обстановка ста-

¹ Д. Милютин «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.». Т. I, стр. 350 — 351. 1852.

² Там же, стр. 352.

³ Там же, стр. 10.

«Под крылышко Екатерины». Бегство французской феодальной знати в Россию.
Карикатура Ю. Цишевского.

ла, однако, угрожающей. Революционные войска занимают левый берег Рейна и Северную Италию. Пруссия должна была заключить с французской республикой мир. Екатерина рвет и мечет по поводу этого мира. До сих пор она утешала себя дальностью расстояния от источника «заразы», но к 1796 году «зараза» эта распространялась все дальше. Суворов в своем донесении Екатерине из Тульчина 12 августа 1796 года пишет, что «карманьольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг и на Вислу»¹.

Екатерина решается двинуть вооруженные силы против Франции, предлагая союзникам принять за правило «искреннее, непреложное стремление восстановить французскую монархию, как единственное средство водворить прочный мир, и для достижения сей цели союзникам немедленно признать Людовика XVIII французским королем и идти прямым путем во внутрь Франции»².

В начале ноября Екатерина пишет рескрипт о назначении Суворова генералиссимусом 60-тысячной армии, которая должна была направиться в помощь Австрии против Франции.

Отправка войск, однако, не состоялась.

¹ Д. Милютин «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.» Т. III, стр. 120. 1857.

² Там же. Т. I, стр. 18. 1852.

6 (17) ноября 1796 года «Северная Мессалина», как называли Екатерину в якобинской печати, скончалась.

4

Вступивший на престол Павел I, начавший свое правление с ликвидации ненавистного ему екатерининского гнезда придворных и многих екатерининских мероприятий, приостановил и поход Суворова, которого он терпеть не мог, и удалил его от двора. Опала постигла и посла эмигрантов Эстергази именно вследствие его близости к екатерининскому кругу.

Однако это отнюдь не означало изменения Павлом политики царской России по отношению к французской революции. Ненависть к ней является наиболее яркой чертой преемственности политики Екатерины и Павла.

Сразу же по вступлении Павла на престол канцлер Остерман сообщает в Вену, Берлин и Лондон, что Павел I, «как покойная его родительница, остается в твердой связи со своими союзниками и чувствует нужду противиться всевозможными мерами неистовой французской республике, угрожающей всей Европе совершенным истреблением законных прав, имущества и благоденствия»³.

Решив отказаться временно от не-

³ Там же, стр. 24.

посредственного участия в военных действиях вследствие полного расстройств финансов и потребовав возвращения русской эскадры из Англии, Павел проводит, однако, эту меру, не порывая сношений с Англией, и в знак дружбы оказывает английскому правительству помощь в подавлении возникшего восстания в английском флоте.

Договор Екатерины с Австрией о посылке вспомогательного корпуса Павел считает для себя обязательным и 14 апреля 1797 года, сразу после коронации, приказывает трем дивизиям готовиться к походу на помощь Австрии.

Особую заботу Павел проявляет по отношению к эмигрантам, в судьбе которых он принимал близкое участие еще будучи принцем.

Эмигранты, вытесненные из Западной Европы победоносными войсками французской республики, находят радостный прием в России. Павел предоставляет в России убежище графу Прованскому (будущему королю Людовику XVIII). Ему отвели в Митаве дворец курляндских герцогов и назначили ежегодную пенсию в 200 тысяч рублей. Там собрался целый «двор», копировавший версальский двор. Здесь происходили свои «министерские кризисы», великосветские браки, распределение орденов и т. д.

Но сам Людовик XVIII не был в почете у Павла. Значительно лучше Павел относился к принцу Конде. После заключения Пруссией мира с Францией, когда армия Конде осталась не у дел, Павел пригласил Конде с его войсками в Петербург, предоставил ему один из лучших дворцов в столице с целым штатом прислуги, наградил его андреевским орденом, а армию его в 7 тысяч человек взял к себе на службу, разместив ее на Волыни и в Подолии.

Ряд эмигрантов занял видные посты в стране: Шуазель-Гуфье стал директором Академии художеств, Ланжерон — инспектором инфантерии, эллинист Вовильер стал академиком, Виже-Лебрен писала придворные портреты.

Правда, эти милости были преходящими: у Павла был непостоянный ха-

рактер. Суровая, палочная дисциплина в армии, необходимость выстаивать часами на парадах при 20° мороза не по нутру пришлись многим офицерам-эмигрантам. За малейшее нарушение устава следовали наказания: разжалование, Сибирь и даже вырывание ноздрей.

Но в этом эмигранты разделяли участь всех павловских офицеров.

Во внутренней политике ненависть к революции, смешанная со страхом, принимала у Павла чудовищные формы.

Уже утром 8 ноября 1796 года воспрещено было ношение круглых шляп, отложных воротников, фраков, жилетов, сапог с отворотами, завязок на башмаках и прочих мод «развратной Франции». В тот же день генерал-губернатор Архаров разослал 2 сотни драгун, которые срывали с прохожих круглые шляпы и истребляли их, обреза́ли отложные воротники у фраков, рвали в клочья жилеты.

Общеизвестны факты запрещения употреблять слова, могущие напомнить революцию: «гражданин», «общество», «отечество». Сохранилась память о знаменитом эпизоде со статс-секретарем Нелединским, которого Павел выгнал из кареты за употребление слова «представители», также входившего в число запретных слов. Четыре офицера были арестованы за то, что у них были несколько короче установленного косички, — причина совершенно достаточная, чтобы заподозрить в них «революционное направление».

Эти выходки, характерные для павловского режима, являлись, однако, гротескными мелочами на фоне последовательной контрреволюционной политики, проводившейся Павлом.

Чтобы положить конец «революционной заразе» и «духу якобинства», Павел установил строгий надзор за проживающими в Петербурге и Москве иностранцами и «замеченных в числе их подозрительных» велено было «выгонять вон за границу с запрещением паки показываться в столице под страхом неизвестного (!) наказания»¹.

В феврале 1797 года утвержден был указ, подписанный еще Екатериной, о

¹ Е. Шумигорский «Император Павел I», стр. 116. СПб. 1907.

Преследование французских мод как революционной заразы при Павле I.

Карикатура Ю. Цищевского.

запрещении всех вольных типографий «и прекращении разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг». Была учреждена духовная и светская цензура, которая следила за тем, чтобы не была напечатана в России или ввезена из-за границы ни одна книга, противоречащая «закону божию, правилам государственным, верховной власти и благонравию». Впоследствии был вовсе запрещен «впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, равномерно и музыку»¹.

В апреле 1798 года запрещено было молодым людям ездить в заграничные университеты для обучения «по причине возникших ныне в иностранных училищах зловерных правил к воспалению незрелых умов, на необузданные и развратные умствования подстрекающих»².

В это же время был запрещен въезд иностранцев в Россию, за исключением дипломатов и людей, «весьма известных, знатной породы или же в больших чинах состоящих»³.

Победы французских войск, капитуляция Пруссии и образование плея-

ды «дочерних республик» Франции вызвали сильное беспокойство Павла.

Особенно тревожили Павла польские легионы, составившиеся из остатков польских войск и польских эмигрантов, сражавшихся под знаменами Директории в Северной Италии. Это были польские патриоты, воодушевленные надеждой на восстановление Польши, по горсти земли которой носили на себе все легионеры — от генерала до солдата.

Спасение от революционного движения Павел видел только в новой коалиции: «Оставшиеся еще вне заразы государства ничем толь сильно не могут обуздать буйство сея нации, как тесною между собой связью и готовностью один другого охранять честь, целость и независимость»⁴.

Так складывается вторая коалиция 1798 года: в составе России, Англии, Австрии, неаполитанского короля и Турции.

Занятие французами Мальты было только поводом для выступления Павла. Не в пример Екатерине, которая участие в контрреволюционной коалиции открыто связывала с дележом Польши, Павел выступает как «бескорыстный рыцарь» контрреволюции.

В воззвании по поводу войны 1799 года он подчеркивает, что война предпринимается им «отнюдь не в виде

¹ Е. Шумигорский «Император Павел I», стр. 191. СПб. 1907.

² Там же, стр. 161.

³ Д. Милютин. Цит. соч. Т. III, стр. 66. 1857.

⁴ Д. Милютин. Цит. соч. Т. I, стр. 58. 1857.

споспешествовать властолюбивым намерениям», но «для восстановления престолов и алтарей»¹.

Цели войны Павел формулирует в своем рескрипте генералу Римскому-Корсакову при выступлении его корпуса за границу:

«Соединясь с римским императором и королем Великобритании, вооружаемся и идем мы единодушно на врага человечества, противоборника властей, преступника закона божия... Нанесть повсеместно тяжкие ему удары, прекратить успехи, пресечь способы к распространению власти и заразительных правил пагубной вольности, лишить всех владений... и, поразив страхом и ужасом опустошающих сих злодеев, заключить в прежние их пределы, ожидая междоусобной брани и восстановления древнего престола от бога поставленных во Франции государей»².

Во избежание революционной «заразы» в войсках Павел предписывает генералу Розенбергу «чинить крепкое смотрение за всем тем, что на развращение умов может подать повод, употребляя лазутчиков для разведывания происходящего между офицерами, и открыть, если кто из них делом или словом вознамеревается восстать против власти начальства или вводить язву моральную»³.

Жандармская роль царских войск особенно ярко выступает в разгроме Парфенопейской республики в Неаполе, потопленной в крови соединенными силами роялистских банд, организованных кардиналом Руффо, английской эскадры Нельсона и русского отряда капитана Белле.

Чудовищная расправа разъяренных роялистских палачей с республиканцами вызвала чувство неловкости даже у царских генералов, которые, восхваляя «доблесть» русских солдат, переколовших штыками героически отстаивавших каждую улицу, каждый дом республиканцев, отрицательно отзывались о той кровавой оргии, которую устроили банды лацарони во

главе с кардиналом Руффо над мирным населением.

Душителю революции заслужили высокие награды от Павла: капитан Белле получил орден Анны первой степени, а кардинал Руффо—орден Андрея Первозванного.

Коалиция 1798 года представляла собой несравненно большую угрозу для республиканской Франции чем коалиция 1792 года.

Со всех концов Европы русские, австрийцы, англичане продвигались через Голландию, Германию, Италию, Швейцарию к границам Франции, куда открыли им путь поражения французских армий Моро, Макдональда и Жубера.

Суворов шел на Париж, чтобы, по приказу Павла, «разогнать правителей сей земли» и «сделать из сего десятилетнего убежища всех преступлений единые развалины»⁴.

Противоречия в лагере коалиции и блестящие успехи Массена и Лекурба спасли Францию.

После разгрома австрийцев и русского корпуса Римского-Корсакова в

⁴ Д. Милютин. Цит. соч. Т. III, стр. 491. 1852.

Негодование Павла I по поводу революционных событий во Франции. Английская карикатура конца XVIII века.

¹ Е. Шумигорский. Цит. соч., стр. 158.

² Д. Милютин. Цит. соч. Т. I, стр. 131—132, 482. 1852.

³ Е. Шумигорский. Цит. соч., стр. 160.

Швейцарии Суворов должен был спешно отступить в Баварию.

Одновременно русский корпус Германа при высадке в Голландии был разбит французами. Остатки войск были увезены англичанами на остров Джерсей, где были брошены на произвол судьбы.

Так назревал разрыв Павла с коалицией. Разгром при Маренго нанес коалиции последний удар. Переворот Наполеона 18 брюмера 1799 года решительно укрепил позиции сторонников ставки на внутреннюю контрреволюцию в борьбе с французской революцией взамен безуспешной интервенции.

Переворот 9 термидора 1794 года не оказал прямого влияния на изменение политики царской России. Но с выступлением на арену Бонапарта в правящих кругах царской России появляется мысль о возможности подавления революции не только силами интервенции, но и внутренними контрреволюционными силами.

Такой взгляд становится преобладающим в среде генералитета в период второй коалиции. К нему склоняется даже Суворов. Горячим защитником этого взгляда был и Растопчин, связывавший с этим изменением политики широкие завоевательные планы.

Существование этой политики заключалось в том, чтобы, пожертвовав Людовиком XVIII, склонить Бонапарта к монархическому перевороту в свою пользу.

Наполеон был прекрасно осведомлен об этих колебаниях русского двора. Перспектива оторвать Россию от коалиции и, возможно, даже направить ее против Англии была весьма заманчивой для Наполеона.

Ловким маневром — безвозмездным

возвращением пяти тысяч русских пленных, вооруженных и обмундированных в русскую форму, — он буквально покорила Павла.

15 декабря 1799 года Павел пишет первому консулу письмо, в котором заявляет, что не хочет спорить «ни о правах человека, ни об основных началах, установленных в каждой стране»¹.

Наполеон делает уступки легитимным стремлениям Павла в Италии, он отказывается от поддержки польских эмигрантов и взамен изгнания из России Людовика XVIII готов уступить Мальту.

11 марта 1801 года, в самом разгаре переговоров Колычева и Талейрана в Париже о союзе Наполеона с царской Россией, Павел был задушен дворцовыми заговорщиками.

Вступление на престол Александра I изменило группировку союзников, но не изменило направления внешней политики России, поставившей в 1815 году русского царя во главе «Священного союза».

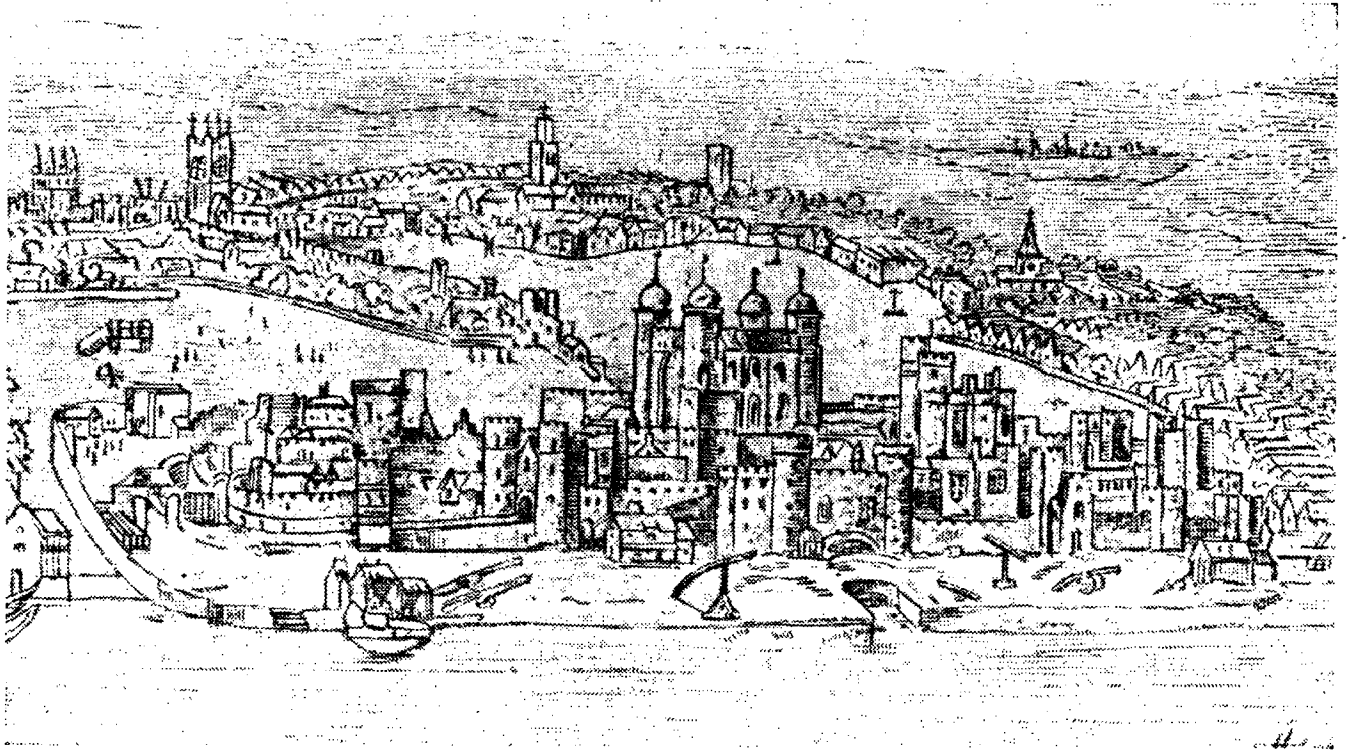
Приведенный выше краткий обзор политики царской России в отношении французской буржуазной революции 1789 года достаточно убедительно доказывает, что царская Россия выступает жандармом Европы еще с конца XVIII века.

Во всех важнейших контрреволюционных выступлениях монархической Европы против французской революции видна направляющая и организующая рука царской России.

---

¹ Е. Шумигорский. Цит. соч., стр. 182.

И. Арский

ВОССТАНИЕ АНГЛИЙСКИХ КРЕСТЬЯН

в 1549 году

1

Феодализм в Англии окончательно во всех своих особенностях сформировался в итоге так называемого норманнского завоевания 1066 года.

Английская деревня с XI по XVI век пережила ряд перемен, сильно видоизменивших строй английского села. Только одно не изменилось — феодальная сущность эксплуатации английских крестьян землевладельцами-лордами. Уже в XI—XII веках большая часть территории Англии была покрыта так называемыми манорами, т. е. поместьями, эксплуатировавшими как крепостных, так и лично свободных крестьян. Известный знаток экономической истории средневековой Англии П. Виноградов в одной своей работе дал такое определение манора: «Так называемая манориальная система состоит, в сущности, в оригинальном сочетании двух аграрных организмов — поселения крестьян, обрабаты-

вающих свои собственные поля, и помещичьей усадьбы, связанной с этим поселением и зависящей от труда, доставляемого им... Община, уплачивающая взносы, фермеры, арендующие землю за ренту, рабочие без собственного независимого хозяйства — все они могут быть подчинены какому-нибудь лорду, но это подчинение не будет манориальным. Два элемента необходимы для создания манориальной организации: крестьянская деревня и барская запашка, обрабатываемая с ее помощью»¹.

Аграрный быт средневековой английской деревни строился на основе «системы открытых полей» (open field system)², т. е. такого порядка, при котором пашня после сбора урожая превращалась в общедеревенский вы-

¹ P. Vinogradoff «Villainage in England», стр. 404—405. Oxford. 1892.

² Seelohm. The English village community. London. 1883. P. 27.

гон, где крестьяне всей сельской общины пасли свой скот. С этим была связана система принудительного севооборота, заставлявшая всех крестьян села придерживаться одних и тех же сроков проведения сельскохозяйственных работ и, следовательно, одинаковой системы хозяйства.

Крестьянские повинности состояли из барщины и натурального и денежного оброка. Чем позже, тем более увеличивался удельный вес и значение денежных платежей, и в XIII—XIV веках в Англии происходит так называемая коммутация крестьянских повинностей, т. е. окончательный перевод барщины и натурального оброка на денежные платежи.

Исчезновение крепостной зависимости крестьян во многом изменило быт английской деревни.

«В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Преобладающее большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность. В более крупных помещичьих имениях бурмистр (bailiff), некогда сам крепостной, вытеснен свободным фермером. Земледельческие наемные рабочие состояли частью из крестьян, употреблявших свободное время на работу у крупных земельных собственников, частью из особого класса наемных рабочих в собственном смысле этого слова, — класса, относительно и абсолютно немногочисленного. К тому же даже они фактически были и самостоятельными крестьянами, так как наряду с заработной платой получали коттэдж и 4 — 5 акров пахотной земли. Кроме того, совместно с настоящими крестьянами они пользовались общинными землями, пасли на них свой скот и добывали материалы для отопления: дрова, торф и т. п.»¹.

Основными группами крестьян были «фригольдеры», «обычники» и «лизгольдеры». Фригольдеры являлись потомками исконно-свободных крестьян. Их платежи были наименее тяжелы.

«Обычниками», или «держателями по обычаю манора», называли очень

пеструю по своему составу группу крестьян, большая часть которых состояла из копигольдеров, т. е. «держателей по копии». Это название происходило от того, что эти крестьяне, потомки прежних вилланов, держали свои участки на основании копии с протоколов помещичьих «манориальных» судов, в которых фиксировались все переходы крестьянских участков из рук в руки. Сроки этих держаний по копии были очень разнообразны, но большей частью соответствовали сроку одной или нескольких жизней.

К той же группе «обычников» относились и так называемые держатели по воле лорда, у которых не было даже такой шаткой защиты своих земельных прав, как копия манориального протокола.

Лизгольдерами назывались крестьяне-арендаторы, снимавшие землю у лорда за определенную ренту и на определенный (обычно недолгий) срок.

Основную массу крестьянства составляли копигольдеры. Но юридическая группировка крестьянства постепенно теряла свое значение в силу роста дифференциации внутри самого крестьянства, и в XV—XVI веках в английской деревне образовались кадры среднего зажиточного крестьянства, применявшего уже и наемный труд, так называемые йомэны. Среди йомэнов были представители всех категорий крестьянства, даже бондмэнов². Определяющим была их зажиточность, а не юридическое положение.

Рост цен на шерсть увеличивал спрос на пастбищные земли, пригодные для разведения овец. Горожане, сколотившие деньги в торговле и ростовщичестве, вкладывали свои капиталы в покупку земельных владений. В деревне развивалась новая фигура — фермер-предприниматель, снимающий у лорда на определенный срок крупные земельные участки для разведения овец. Кое-где то же самое производилось и в целях развития пашенного земледельческого хозяйства трудом наемных батраков. С начала XVI века крупное фермерство начинает вытеснять мелкую «лизу» (т. е. с'емку зем-

¹ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 615—616. Партиздат. 1936.

² Так называли немногочисленных уже крепостных, оставшихся в Англии еще и в XVI веке. См. Coulton «The medieval village Cambridge», p. 342. 1926.

ли в аренду). Встречаются фермеры, снимающие сразу по несколько маноров. Соединенными усилиями лорды и фермеры огораживали общинные земли, превращая их из собственности общины в личную собственность помещиков, лишая таким образом крестьян необходимого выгона для скота, без которого невозможно было ведение самостоятельного хозяйства. Не довольствуясь этим, они совсем сгоняли крестьян с земли. Целые деревни и даже местечки исчезали с поверхности Англии. Наибольшего развития огораживания достигли в центре страны, наименьшего — в северной части, где еще сохранялся старый хозяйственный уклад.

Огораживания происходили и раньше (с XIII века), но в XV—XVI веках они приобрели массовый стремительный характер. Быстрому развитию процесса огораживания помещиками общинных земель предшествовали огораживания по инициативе самих крестьян, приводившие к переразверстке только пашенных земель с целью преодоления чересполосицы и собирания отдельных полос в компактные участки. Такие огораживания были особенно выгодны для зажиточных крестьян.

«Земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия (за исключением последних его десятилетий), обогащала фермера в такой же степени быстро, как разоряла сельское население. Узурпация общинных пастбищ и т. п. позволяет фермеру значительно увеличить количество своего скота почти без всяких издержек, между тем как применение большего количества скота в земледелии, а также продажа дают ему более высокую прибыль, и к тому же этот скот доставляет обильное удобрение для его земли»¹.

Обесценение денег в XVI веке обогащало некоторые элементы крестьянства, платившие твердо фиксированную ренту, уменьшая фактически и ренту и заработную плату батраков. С другой стороны, рост цен на сельскохозяйственную продукцию увеличивал выгодность сельского хозяйства. «Нет поэтому ничего удивительного в

¹ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 638. Партиздат. 1936.

Английский крестьянин.
С гравюры XVI века.

том, что в Англии к концу XVI столетия образовался класс богатых для того времени «капиталистических фермеров»².

Англия в XVI веке переживала коренную ломку социальных отношений и хозяйственного строя. «Пролог переворота, создавшего основу для капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV и первые десятилетия XVI столетия»³. Разложение феодализма, роспуск феодальных дружин в связи с укреплением абсолютистской монархии, огораживание земель землевладельцами в связи с ростом цен на шерсть, экспортировавшуюся во Фландрию, и развитием шерстяной промышленности в самой Англии — все это выбрасывало на рынок тысячи людей, не имевших в своем распоряжении ничего кроме своих собственных рук. Шел процесс первоначального накопления, процесс отделения

² Там же, стр. 639.

³ Там же, стр. 616.

Английская крестьянка.
С гравюры XVI века.

производителя от средств производства.

Буржуазные отношения проникали в сельское хозяйство, переводя его на предпринимательские рельсы. Городская буржуазия действовала совместно с «новым дворянством», тесно с нею связанным и частично вышедшим из ее рядов. Спекуляция монастырскими и церковными землями усилила ажиотаж купцов и дворян.

«Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинных имуществ, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную соб-

ственность, осуществленное узурпаторами с беспощадным терроризмом, — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления. Таким путем удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата»¹.

2

Катастрофическое обнищание крестьянства приняло такие угрожающие размеры, что на это не могли не реагировать представители господствующих классов Англии.

Уже в 1484 году при открытии парламента канцлер королевства в своей речи говорил: «Население приходит в упадок, как мы ежедневно видим, вследствие огораживаний, земельных захватов и изгнания арендаторов из поместий».

В правление Генриха VIII (1509 — 1547) мучительный процесс, разорявший крестьянство страны, еще более ускорился. «Насильственная экспроприация народных масс получила новый ужасный толчок в XVI веке благодаря реформации и сопровождавшему ее колоссальному расхищению церковных имений. Ко времени реформации католическая церковь была феодальной собственницей значительной части английской земли. Уничтожение монастырей и т. д. превратило в пролетариат их обитателей. Самые церковные имения были в значительной своей части отданы в подарок хищным королевским фаворитам или проданы за бесценок спекулянтам, фермерам и горожанам, которые массами сгоняли с них их старых наследственных арендаторов и соединяли вместе хозяйства последних»².

За год до смерти Генриха VIII в одной анонимной брошюре автор жаловался:

«Они покупают монастырские земли, назначенные в продажу, и, утвердившись на них, своими угрозами держат нас, бедные общины, в таком страхе... Таким образом, мы, бедные общины, не имея своих земель и ли-

¹ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 629—630.

² Там же, стр. 619.

шенные возможности нанимать их у этих вымогателей, не знаем, как добыть работу нашим детям, хотя бы за харчи и жалкую одежду. Помогите нам, великодушный государь, в нашей крайности, не допусти, чтобы слава твоего государства погибла окончательно вследствие ненасытной алчности этих владельцев. Помни, что ты передашь свое государство не чужому, а своему родному сыну—принцу Эдуарду. Постарайся же передать ему благоустроенное государство, а не остров с дикими зверями, где сильнейший пожирает слабейшего... ибо взыщется с тебя кровь всех, погибающих от твоей небрежности».

Томас Мор в своей «Утопии» оставил нам яркое описание этого кровавого процесса: «...овцы, которые прежде отличались такой кротостью и довольствовались столь немногим, теперь сделались такими дерзкими и хищными, что пожирают самих людей, опустошают и делают безлюдными... поля, дома, села... знатные люди... не оставляют ничего для плуга, все обращают в пастбища, разрушают дома, сносят деревни, оставляя лишь храм, чтобы он служил загоном для овец».

Правительство Тюдоров (1485 — 1603 гг.), стремившееся проводить в Англии абсолютистскую политику, было не на шутку испугано этим катастрофическим разорением крестьянства, ибо оно подрывало и налоговые ресурсы казны и людские кадры, из которых черпалась воинская сила Англии. Наконец, разорение создавало такую накаленную социальную атмосферу, чреватую неизбежным взрывом открытой классовой борьбы, что Тюдоры не могли не попытаться избежать всех этих последствий, поставив преграды углублению процесса огораживания.

«Законодательство было испугано этим переворотом. Оно еще не стояло на той высоте цивилизации, на которой *Walth of the Nation* (национальное богатство), т. е. созидание капитала и беспощадная эксплуатация и пауперизация народной массы, считается последним словом всякой государственной мудрости»¹.

Уже в первой половине XV века

правительство пыталось способствовать развитию земледелия и тем остановить рост овцеводства. Но более или менее активная, хотя бы с внешней стороны, деятельность правительства в этой области начинается с 1489 года, когда при Генрихе VII (1485 — 1509 гг.) был издан закон, запрещающий разрушение крестьянских дворов, которым принадлежало не менее 20 акров земли.

При Генрихе VIII был возобновлен закон 1489 года и опубликованы новые законы, предписывавшие восстановление разрушенных крестьянских дворов, устанавливавшие соотношение между площадью пастбища и площадью пашни, ограничивавшие число овец, причем одному владельцу разрешалось иметь их не более двух тысяч голов.

Особенно решительно в пользу борьбы с огораживаниями был настроен опекун сына Генриха VIII—Эдуарда VI (1547 — 1553 гг.), — правитель государства («протектор») герцог Сомерсет.

Всего между 1489 и 1656 годом было назначено 7 королевских комиссий для обследования положения дел в стране, издано 12 законов и ряд правительственных прокламаций против огораживаний—и все это без всякого заметного результата.

Придворный проповедник Латимер в 1549 году (незадолго до начала восстания крестьян) говорил: «Мы имеем хорошие законы, изданные для государства, касающиеся общинников и огораживателей, много собраний и заседаний, но, в конце концов, дело не двигается вперед».

«Одинаково бесплодны были и народные жалобы и законы против экспроприации мелких фермеров и крестьян, издававшиеся в течение 150 лет, начиная с эпохи Генриха VII»², — писал Маркс. Все эти законы должны были проводиться руками дворян-чиновников, и ясно, что они на практике никогда не реализовывались.

Крестьяне пытались в судах найти управу на лордов-огораживателей, но без успеха. Если крестьяне являлись «держателями по воле лорда» или лизгольдерами на короткие сроки,

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 617.

² Там же, стр. 618.

Лондонские городские старшины в XVI веке. С гравюры того времени.

лорду согнать их с земли не стоило никакого труда. Если это были другие категории крестьян, например копигольдеры на срок одной или нескольких жизней, то дело было только в большом количестве времени, которое лорду нужно было, чтобы избавиться от ненужных ему держателей.

Суды, органы классовой юстиции господствующих классов, конечно, не хотели и не могли защитить крестьян, которые нередко проявляли большую настойчивость и упорство в поисках управы на лордов.

Наконец, если юридически не было оснований для сгона крестьян с земли, то в руках лорда оставалось могучее и верное орудие для достижения своей цели — повышение взносов, взимаемых с держателя после смерти его предшественника при вступлении во владение держанием (так называемый сбор за допуск), а также повышение ренты. Насколько убийственным орудием в руках лордов-огорожителей были эти два способа заставить крестьян покинуть землю и отказаться от всяких прав на нее, по-

казывают примеры роста сбора за допуск и рент в ряде маноров в XVI веке. Так например в 6 манорах Уилтшира и одном маноре Сомерсетшира средние суммы сбора за допуск на 1 акр передававшейся площади росли в XVI веке следующим образом:

Годы	Шиллинги	Пенсы
1520—1539	1	3
1540—1549	2	11
1550—1559	5	6
1560—1569	11	—

Так же энергично повышали и ренту. Например в 30-х годах XVI века в маноре Уитби—Стрэнд с 26 держателей взимали ренту в размере 28 ф. 19 ш. 18½ п. (т. е. в среднем с каждого по 1 ф. 2 ш. 1 п.), а в 1553 году—уже 54 ф. 9 ш. 9 п. (т. е. в среднем с каждого по 2 ф. 6 ш. 6 п.).

Но если тудоровское правительство не нашло сил для осуществления своего законодательства, направленного против огораживаний, не встречая в этой области сочувствия лордов-огорожителей, то зато с тем большей энергией и с неизмеримо большим успехом обрушило оно на народные массы свое законодательство против бедняков. По меткому выражению Таунея, «крепостничество прекратилось, но началось законодательство о бедных»¹.

Оно началось еще в середине XIV века, когда главной целью его было установление максимума заработной платы, поднявшейся вследствие обезлюдения страны из-за чумной эпидемии.

«В XVI столетии положение рабочих, как известно, очень ухудшилось. Денежная плата повысилась, но далеко не в той степени, в какой упала цена денег и повысились цены товаров. Следовательно, фактически заработная плата упала. Тем не менее законы, направленные к понижению заработной платы, продолжали действовать; неукоснительно отрезывались уши и налагались клейма на тех, кого никто не соглашался взять в услужение»².

Аграрный переворот выбрасывал из деревни массы разоренных крестьян, которые волей-неволей шли в города.

¹ Tawney «The agrarian problem, in the XVI century», p. 46. 1912.

² К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 635.

Но развивавшаяся мануфактурная промышленность не нуждалась в таком количестве рабочих рук, число которых увеличивалось к тому же с головокругительной быстротой.

«Люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной новой своей обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг — частью добровольно, в большинстве случаев под давлением необходимости. Поэтому в конце XV и в течение всего XVI века во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бродяжничества. Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях.

В Англии это законодательство началось при Генрихе VII...

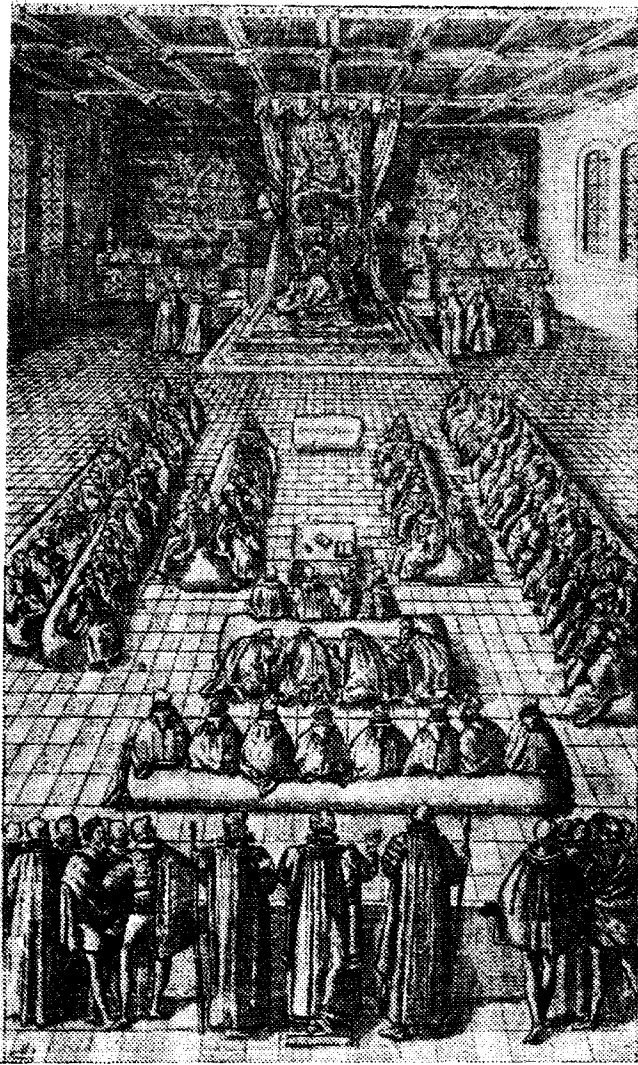
Эдуард VI в 1547 году — в первый же год своего царствования — издает закон, по которому всякий, уклоняющийся от работы, отдается в рабство тому лицу, которое донесет на него как на праздничующегося. Он (хозяин. — И. А.) имеет право плетью и наложением цепей принуждать его ко всякой работе, как бы отвратительна она ни была. Если раб самовольно отлучается на 2 недели, то он осуждается на пожизненное рабство и на его лоб или на щеку кладут клеймо «S»; если он убегает в третий раз, его казнят как государственного преступника. Хозяин может его продать, завещать по наследству, отдать внаймы как раба, как всякое движимое имущество или скот. Если рабы замыслили что-либо против своих господ, то они также подлежат смертной казни. Мирские судьи обязаны разыскивать беглых рабов по заявлению господ... Всякий имеет право отнять у раба его детей и держать их при себе в качестве учеников, — юношей до 24 лет, девушек до 20 лет. Если они убегают, то до наступления указанного возраста обращаются в рабов сво-

Английские лорды в XVI веке.
С гравюры того времени.

их хозяев-воспитателей, которые получают право по произволу заковычивать их в цепи, бить плетью и т. п. Хозяин может надеть железное кольцо на шею, ноги или руки своего раба, чтобы легче отличать его от других и затруднить ему возможность скрыться. В последней части этого закона предусматриваются случаи, когда бедные должны работать на тот округ или тех лиц, которые берутся их кормить, поить и снабжать работой. Такого рода рабы — рабы приходов — сохранились в Англии вплоть до XIX века под именем *roundsmen* — «приходчики».

Закон Елизаветы от 1572 года: нищие, старше 14 лет, не имеющие разрешения собирать милостыню, подвергаются жестокому наказанию кнутом и наложению клейма на левое ухо, если никто не соглашается взять их в услужение на 2 года; в случае рецидива нищие старше 18 лет подвергаются смертной казни, раз никто не соглашается взять их на 2 года в услужение; при третьем рецидиве их казнят без всякой пощады как госу-

Заседание палаты лордов в XVI веке.
С гравюры того времени.

дарственных преступников. Аналогичные предписания содержат законы: 18 акт Елизаветы ст. 13 и закон 1597 г.»¹.

Маркс приводил данные авторов XVI века, описывавших этот террор имущих против бедняков. Летописец Голиншед писал: «В царствование Генриха VIII было казнено 72 000 больших и малых воров». Другой автор, Страйп, указывал, что при Елизавете «бродяг вешали целыми рядами, и не проходило года, чтобы в том или другом месте не было повешено их 300 или 400 человек». В одном только Сомерсетшире за один год, по его словам, 40 человек было казнено, на 35 человек были наложены клейма и 37 человек подвергнуты наказанию плетью. А во многих графствах положение было еще более ужасным. При этом, по мнению Страйпа, «это значительное число обвиняемых не составляет и $\frac{1}{5}$ всех подлежащих наказанию преступников, благодаря попуститель-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 631—632.

ству мировых судей и нелепому состраданию народа»².

В социальной и политической истории Англии первая половина XVI века была очень напряженным периодом крутого перелома. Особенно резкие перемены произошли при Генрихе VIII, жестоком и капризном деспоте и моте, рассчитывавшем при помощи реформации обогатить свою собственную казну. Но в результате бешеной и бесстыдной спекуляции конфискованными церковными землями эти земли оседали в руках новоиспеченного дворянства из городских торгашей и ростовщиков, постепенно превращавшихся в сельских «джентльменов». Новые хозяева поместий подходили к своим имениям уже с чисто предпринимательской точки зрения, стремясь выколотить из них максимум денежных доходов. Огораживания были прекрасным способом для достижения этой цели.

Все это создавало крайне напряженную обстановку в стране и до предела обостряло классовые противоречия. Происходили настоящие восстания в защиту старой религии и старых порядков, предводительствуемые знатью и дворянами отсталых районов, как например так называемое «благодатное паломничество» 1536 года, когда против новшеств восстала Северная Англия, или восстание в Корнуэлле и соседних графствах в 1549 году, или, наконец, «восстание северных графов» в 1569 году.

Но во время этих восстаний, хотя и руководимых дворянами и направлявшихся ими в русло, далекое от настоящих интересов и нужд народных масс, обнаруживалось, что основную массу повстанцев составляли крестьяне, которые прежде всего стремились к борьбе с огораживанием и с феодальным гнетом вообще.

Так, в 1536 году восставшие северные крестьяне сносили огораживающие изгороди, а в Ричмонде заставили своих предводителей - джентльменов присягнуть в том, что они будут соблюдать старые порядки и не будут увеличивать ренту. В Кумберленде крестьяне даже намеревались вообще разгромить джентльменов и уничтожить совсем ренту и сборы за допуск.

² Там же, стр. 632.

В Линкольншире крестьяне маршировали со знаменем, на котором был вышит плуг. Когда некоторые из крестьян хотели было разойтись по домам, то один из них, Ральф Грин, воскликнул: «Чего вы хотите? Уж не вернуться ли домой, чтобы пасти овец? Нет, клянусь телом господним, я предпочитаю быть повешенным!»

3

Критическим годом был 1549 год, когда отдельные крестьянские бунты и волнения, бывшие обычно до тех пор более или менее изолированными, распространились в ряде графств Англии.

Положение в Англии после смерти Генриха VIII очень обострилось. Враждебные отношения с Шотландией, опасность войны с Францией, католических заговоров и прокатолической иностранной интервенции—все это создавало очень тревожную обстановку. Герцог Сомерсет пытался показным народолюбием и усилением законодательных мер против огораживаний успокоить народ и обеспечить тем самым тыл на случай внешнеполитических осложнений. Но этим он восстановил против себя значительные круги знати.

В парламенте, бывшем орудием в руках дворян, нарастало сопротивление политике Сомерсета. Во главе этой оппозиции стал энергичный Джон Дудлей граф Варвик, рьяный огораживатель. Под руководством его и его сторонников парламент проваливал билли против огораживаний, вносившиеся приверженцами Сомерсета.

Положение становилось все более тревожным и напряженным. Крестьяне собирались на тайные сходки, на которых они совещались относительно своего безвыходного положения.

«Сравните наше положение; вся власть в руках джентльменов, и они используют ее, чтобы уничтожать пашни. Для нас же не оставлено ничего кроме крайней нищеты. Они утопают в роскоши.. Мы полумертвы от тяжести нашего труда, мы действительно едим свой хлеб в поте лица своего, и вся наша жизнь проходит в холоде, голоде и жажде. Разве кто-нибудь может отрицать, что это несчастное и несправедливое положение

вещей?.. До каких пор мы будем подчиняться этому... Ведь теперь они дошли до высшей степени жестокости и жадности... у нас отнимают общинные пастбища, оставленные нам предками для нас и наших семей. Земли, которые на памяти наших отцов были открытыми, теперь огорожены изгородями и канавами... так что никто не может пройти на них. Мы не можем больше безропотно смотреть на наглость знати и дворян, скорее возьмемся за оружие. Разве мы не из того же сделаны, что и они?.. Сломаем изгороди, засыплем канавы и откроем поля»¹,—так передавал дворянский летописец Невилль речи крестьян.

Вспышки крестьянских волнений учащались.

20 июня 1549 года крестьяне снесли изгороди в Эттльборо и Уилби в графстве Норфольк.

6 июля огромное количество крестьян в местечке Уимондхэм собралось по случаю празднования памяти «национального святого» Англии—Фомы Кентерберийского. Уже во время процессии раздавались гневные речи крестьян против огораживателей. Праздник закончился сносом изгородей в окрестностях. Толпа крестьян все росла и росла. Мелкая местная вспышка превращалась в серьезное событие. По существу, с этого и началось восстание.

Во главе восставших стал местный помещик Роберт Кэтт. К нему присоединился его брат Вильям. Кэтт обещал крестьянам никогда не отступать от их дела и, если понадобится, пожертвовать для него жизнью.

Роберт Кэтт двинулся с отрядом крестьян к Крингльфорду, оттуда — к Боуторпу, снося по дороге ненавистные народу изгороди. Шериф Норфолька и Суффолька сэр Эдмунд Уиндхэм попытался преградить путь повстанцам, приказывая им разойтись. Но бравый шериф едва унес ноги от рассвирепевших крестьян и поспешно укакал в Норвич — центр Норфолька. Между тем известие о том, что крестьяне поднялись против господ, взбудоражило не только всю округу, где крестьяне повсюду стали выступать

¹ Russell «Kett's rebellion in Norfolk», p. 22. London. 1859.

Суд Кэтта под «дубом исправления».
Со старинной гравюры.

против помещиков, снося изгороди и стекаясь в отряд Кэтта, но и городское население. Городская беднота, «плебс», сочувственно приняла известие о крестьянском восстании. К Кэтту стали прибывать люди из Норвича.

Мэр Норвича после безуспешных попыток уговорить крестьян разойтись обратился к правительству в Лондон с просьбами о помощи.

Близ Норвича, в холмистой местности Моузхолд-Хилл, Кэтт разбил свой лагерь, в котором собралось около 16 тысяч повстанцев. Продовольствие для прокормления такой массы людей реквизировалось у окрестных помещиков, многие из которых в панике бежали из района, охваченного восстанием. Считали, что за время восстания крестьяне в этом лагере съели одних только ненавистных овец около 20 тысяч.

Надо отметить, что крестьяне держались слишком снисходительно по отношению к своим вековым врагам и притеснителям. Это было одним

из недостатков восстания. Буржуазный историк Р. Тауней подчеркивал в общем «благонравие» движения Кэтта. Ничто не напоминало «жакерию»¹.

В своем лагере Кэтт ввел порядок и дисциплину, разделил повстанцев на отряды, установил правильный суд. Сам он разбирал дела под развесистым дубом, которому дали прозвище «дуб исправления». В лагере произносились проповеди и производилась церковная служба. Повстанцы не выступали против реформации. Наоборот, чувствовалось отвращение к «папизму».

Кэтт удерживал крестьян от разгрома усадеб. Но некоторые помещики, попавшие в руки крестьян, были приведены в лагерь и там содержались под арестом. Была составлена петиция королю, подписанная представителями норфолькских и суффолькских крестьян. Вот некоторые пункты этой петиции:

«(§ 2). Мы удостоверяем, что лорды поместий изыскивают всевозможные пути, чтобы переложить платежи, которые они несли в качестве вассалов, на фригольдеров, что противно праву. (§ 3). Мы просим вашу милость, чтобы лорды не участвовали в пользовании общинными пастбищами. (§ 9). Мы просим, чтобы налоги на поддержание замков и некоторые другие подобные повинности, перелагаемые на держателей, уплачивались лордами, как это быть должно. (§ 12). Мы просим, чтобы феодалии в ваших графствах не могли принимать на себя обязанности чье-либо советника, пока они состоят на службе, дабы служба королю исполнялась добросовестно. (§ 13). Мы просим, чтобы ваша милость взяли в ваше ведение поместные суды и тогда каждый будет беспрепятственно пользоваться своим правом на общинные уголья и получать всю возможную прибыль с них. (§ 15). Мы просим, чтобы приходские священники не состояли капелланами, управляющими имениями и вообще не состояли на службе у влиятельных лиц, а жили в своем приходе и учили бы мирян слову божию. (§ 16). Мы просим, чтобы все несвободные были объявлены свободными, ибо спаситель своей кровью искупил всех. (§ 17). Мы про-

¹ Тауней. Цит. соч., стр. 331.

сим, чтобы все реки были свободны и предоставлены в общее пользование для рыбной ловли и плавания. (§ 21). Мы просим, чтобы не дозволялось лордам покупать землю, чтобы пересдавать ее потом по копии поместного суда, к своему обогащению и к разорению бедных людей. (§ 22). Мы просим, чтобы приходские священники, во избежание столь частых споров и тяжб с бедными прихожанами, на будущее время получали взамен всякого рода десятины восьмой пенс с каждого червонца¹ дохода. (§ 26). Мы просим, чтобы лорды, рыцари и дворяне не могли получать в аренду право назначать на духовные должности. (§ 27). Мы просим, чтобы выборные от народа в том числе, в каком они будут выбраны народом или какое будет определено королем, были уполномочены вашей милостью восстановить и улучшить все законы и распоряжения, которые мировые судьи, шерифы, исчиторы и другие ваши чиновники скрывали от вашего бедного народа с первого года царствования вашего славного деда короля Генриха VII. (§ 28). Мы просим, чтобы все чиновники, творившие обиды народу, уплатили всем, кто ныне собрался для защиты права и закона, по 4 пенса за каждый день, проведенный народом в лагере. (§ 29). Мы просим, чтобы лорды, рыцари, сквайры и дворяне не занимались скотоводством или овцеводством, если они получают 40 фунтов в год от своей земли, за исключением надобностей их собственного дома»².

Король отвечал крестьянам, что возмущен тем, что они смеют обращаться к нему как к равному, что он и без этого собирался разобрать все неправды, но без парламента не может удовлетворить их требований. Однако он обещал запретить одновременное занятие и сельским хозяйством и промышленным предпринимательством и созвать в октябре парламент. Крестьяне должны были прислать нескольких своих уполномоченных для изложения их желаний. При этом ко-

¹ Червонец = 80 пенсам.

² Цитирую по переводу И. Граната «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии», стр. 235—238. М. 1908.

роль обещал прощение крестьянам, при условии мирного урегулирования конфликта, давая понять, что в ином случае последуют более суровые меры.

Когда в крестьянский лагерь явился королевский герольд с обещанием прощения, то Кэтт ответил, что «короли могут миловать преступников, но не ни в чем не повинных и честных людей!»

4

Движение перерастало в открытое восстание. Крестьянские волнения охватили целый ряд графств: Букингемшир, Оксфордшир, Суррей, Эссекс, Кент, Кэмбриджшир, Йоркшир. На требование пустить повстанцев в Норвич мэр города и городские богачи отвечали отказом. Кэтт осадил Норвич. Положение зажиточной городской верхушки становилось очень затруднительным, так как беднота сочувствовала повстанцам. Многие богачи поспешили бежать из Норвича. Некоторые из них, добравшись до Лондона, сообщили правительству о положении дел в Норфольке.

Норвич оказался во власти крестьян.

Королевский тайный совет решил действовать: в Норфольк был отправлен с войском в 2500 итальянских и других иностранных наемников Вильям Парр маркиз Нортгэмптон. Солдатам-англичанам правительство не доверяло усмирение соотечественников, восставших против помещичьего гнета. Парру удалось вступить в Норвич. Но ночью крестьяне двинулись на город, ворвались в него и начали бой на улицах. Крестьяне яростно сражались, даже смертельно раненые, они пытались продолжать бой. В бою около 300 крестьян было убито, и солдатам удалось вытеснить повстанцев из города. На утро бой возобновился. Один из крестьян дубиной убил лорда Шеффилда, предлагавшего большой выкуп за свою жизнь.

1 августа Норвич перешел в руки крестьян. Маркиз Нортгэмптон ушел со своими наемниками из города. Богачи бежали. Их имущество было конфисковано, и сами они были объявлены крестьянами врагами короля. Крестьяне не решались порвать с лояльностью по отношению к королев-

Английский королевский алебардист XVI века.
О гравюры того времени.

ской власти. Это было общим явлением во время средневековых крестьянских восстаний, так как крестьяне не отдавали еще себе ясного отчета в истинной классовой сущности королевской власти.

Королевский тайный совет был в растерянности. Восстание расширялось. Кэтт и его помощник Томас Олдрич отрядили даже группу крестьян для захвата Ярмута, но эта попытка не удалась.

16 августа в Норфолк были отправлены новые войска, командование над которыми было поручено врагу протектора, графу Варвику. Сперва, правда, командование было поручено Сомерсету, но тот отклонил его, пони-

мая, очевидно, что дворяне не пожелают иметь его руководителем в таком деле, как подавление крестьянского восстания.

Во главе иностранных наемников из Германии, Италии и Испании и большого количества дворян, присоединившихся к войску, Варвик двинулся в Норфолк. У него было около 6 тысяч пехоты и около полутора тысяч конницы (есть сообщение, что численность королевского войска, двинутого против повстанцев, доходила даже до 14 тысяч). У ворот Кэмбриджа его встретили беглецы из Норвича, умолявшие о помощи. Он приказал им вооружиться и следовать за войском.

23 августа Варвик дошел до Норвича. Герольд, отправленный к восставшим с предложением сдаться и открыть ворота, был проведен в крестьянский лагерь. Надменная речь герольда разъярила крестьян. Они отказались выдать своих предводителей. Поднялся страшный шум. На герольда со всех сторон посыпались ругательства. Его называли предателем, кричали, что он научен джентльменами, чтобы усыпить их ложными обещаниями, а потом тем легче одолеть. Один молодой парень, особенно яростно поносивший герольда, был убит одним из спутников герольда. Герольд и его свита были бы разорваны на куски крестьянами, если бы не вмешательство Кэтта, спасшего его и проводившего через толпу повстанцев.

Есть сообщение, что Кэтта охватило при этом колебание: не поехать ли вместе с герольдом к графу Варвику и принести повинную? Но крестьяне схватили под уздцы его лошадь, крича: «Мы пойдем туда, куда вы поведете, мистер Кэтт, и будем жить и умирать вместе с вами!»

Герольд уехал к Варвику. Приблизилась развязка. Наемникам Варвика удалось прорваться сквозь укрепления в город, убивая всех попадавшихся на пути и вешая пленных.

До 26 августа шел бой на улицах. Крестьянам удавалось одолевать солдат, отбивая у них даже пушки. Но к Варвику прибыло еще 1100 наемников. Огнем из аркебузов солдаты заставили кое-как вооруженных крестьян отступить в свой лагерь.

Кэтт, по преданию, следуя мест-

ному пророчеству, вывел свое войско из лагеря и перешел в равнину Дёсиндэл. Узнав об этом, Варвик немедленно выступил из Норвича ему навстречу, оставив в городе солдат из англичан, видимо, вполне доверяя только иностранным наемникам. Попытка его склонить крестьян к сдаче окончилась неудачей. Тогда солдаты бросились на крестьян. Плохо дисциплинированное и вооруженное, крестьянское войско не смогло выдержать натиска пеших и конных профессиональных солдат. Около 3½ тысяч повстанцев было перебито. Но остатки их, храбро сражаясь, укрылись за телегами, продолжая неравный бой. Варвик послал сообщить им о помиловании, если они сложат оружие. Крестьяне отказались, заявляя, что это просто хитрость. И только когда сам Варвик обещал им от имени короля помилование, крестьяне сложили оружие.

Известие о том, что Кэтт будто бы в разгаре боя бежал, покинув крестьян, и тем сломил упорство их сопротивления, нельзя считать достоверным. Это и непохоже на него, судя по всему ходу восстания, да и самый этот факт сообщается лицом пристрастным, стремившимся очернить фигуру предводителя крестьян. Во всяком случае, его поймали около Сваннингтона, так как его усталый конь не мог более идти.

Так, 28 августа 1549 года руками иноземных наемников английские дворяне разгромили восставших крестьян.

Уже 28 августа началась расправа. Многие из крестьян были повешены, часть из них — на ветвях того самого «дуба исправления», под которым судил Роберт Кэтт. Сам Кэтт с братом были отвезены в Лондон и заключены в Тауэр. После суда их отвезли обратно в Норфольк и там повесили для устрашения населения. Роберт был повешен на башне норвичского замка, а Вильям — в их родном Уимондхэме, на церковной колокольне. Имущество их было конфисковано.

После разгрома главного очага восстания в Норфольке, где крестьянам все же удалось как-то организовать, дворянам было уже нетрудно подавить крестьянское движение и в остальных районах Англии.

Серьезные военные действия происходили еще только на крайней юго-западной конечности Англии, в графствах Корнуэлл, Девон и Сомерсет. Но там движение, хотя и аграрное по существу, направленное против огораживаний, внешне приобрело религиозную, католическую окраску. Оно началось еще раньше чем в Норфольке. Крестьяне требовали снесения изгородей и восстановления старой веры.

9 июня прихожане Самфорд-Куртней заставили своего священника служить по-латыни католическую мессу¹. Скоро собралось около тысячи людей во главе с местным помещиком Гэмфри Арундэлем и некоторыми другими джентльменами. Крестьяне немедленно направили свою энергию на снос изгородей. В районе, охваченном восстанием, джентльмены, опасаясь за свою жизнь, прятались по лесам и пещерам.

Из Лондона правительство отправило с войсками лорда Рёсселя для подавления восстания, но тот, не решаясь на открытый бой, избегал встречи с повстанцами. Последние послали к королю петицию, направленную против религиозных новшеств. Ответ не удовлетворил их, и усилившиеся отряды повстанцев двинулись к местному центру — городу Экзетеру. Горожане отказались впустить их, хотя среди них существовала значительная партия, сочувствовавшая повстанцам, и началась осада города, длившаяся 40 дней. Вместо того чтобы двигаться немедленно на Лондон, на пути к которому не было значительных правительственных сил, повстанцы решили прежде всего овладеть местным центром и потеряли на это драгоценное время. В итоге осады горожане уже были совсем пали духом, мучимые голодом, но неудачная схватка крестьян с войсками Рёсселя ослабила силы повстанцев.

В это время прибыло новое королевское войско под начальством лорда Грэя. Оно состояло из итальянских стрелков и немецких всадников. Как и в Норфольке, правительство доверяло только иноземным наемникам.

Соединенное войско Рёсселя и Грэя после упорного кровопролитного боя

¹ Froude «History of England». V. IV, p. 409. London. 1870.

Одолело повстанцев, и 6 августа королевские войска вступили в Экзетер. Многие повстанцы были повешены тут же, на месте, а Арундэл и некоторые другие были отправлены для суда в Лондон, где их постигла судьба Кэтта. Таким образом, южный очаг восстания был разгромлен еще раньше чем норфолькский. К сентябрю правительство могло торжествовать победу, тем более своевременную для него, что уже в августе французский посол объявил войну Англии.

5

Восстание английских крестьян в 1549 году походит по развитию событий на большинство средневековых крестьянских восстаний: тот же недостаток дисциплины и организации, та же лояльность по отношению к королю, та же храбрость в бою, но никуда негодное вооружение. Однако во многом оно отличается от обычных крестьянских войн средневековой Европы. Оно было вызвано не обычной, чисто феодальной эксплуатацией крестьянства, а огораживаниями, взвинчиванием ренты и т. п., т. е. всем тем процессом, который был связан с началом капиталистической трансформации английского общества в целом и его аграрного строя в частности. На эту зарю первоначального накопления в английской деревне крестьянство Англии отвечало восстанием 1549 года.

Выдвигалась мысль, что в требованиях крестьян, в их аргументировании сказывалось влияние великой крестьянской войны в Германии. Может быть, это и так, и возможно, что беглецы из Германии и Нидерландов могли оказаться в промышленном шерстоткацком Норфольке, но это необязательно, так как такая аргументация была в духе всей эпохи реформации, в духе идеологии того времени.

Имеются сведения о наличии среди повстанцев 1549 года и смутных коммунистических стремлений. Вот что писал о них современник Гэлс:

«Как я слышал, существовали три различного рода причины, почему они подняли это восстание. Одни были папистами и желали опять иметь свою старую веру; другие были анабаптистами и хотели, чтобы все было общим, а третьи были просто бедные лю-

ди, стремившиеся получить назад доходы, отнятые у них силой, и избавиться от чрезвычайной дороговизны и высоких цен на жизненные продукты».

Эти стремления вполне естественно было встретить среди норфолькских повстанцев, где в движении приняли участие и беднота промышленного Норвича и ткачи, рассеянные по деревням всего графства.

Уже эта цитата из Гэлса указывает на неоднородность состава восставших и тех причин, которые побудили их взяться за оружие. Это дало повод реакционному буржуазному русскому историку И. Гранату¹ объявить все восстание 1549 года движением зажиточных фермеров и богатых крестьян, вызванным не их разорением и угнетением феодалов, а их стремлением не дать лордам путем повышения ренты перехватывать в свою пользу доходы от земли, возраставшие на почве роста цен и общей капитализации сельского хозяйства в XVI веке.

Какая-то часть зажиточных элементов, повидимому, участвовала в восстании 1549 года, движимая общими антифеодальными стремлениями. Быть может, с этим связано и участие в движении Роберта и Вильяма Кэттов и общая чрезмерная умеренность его. Английский историк Тревельян² указывает, что если уже английские повстанцы 1381 года были гораздо умереннее французских «жаков», восставших в 1358 году, то их потомки, поднявшиеся в 1549 году, были и того более умеренными и «цивилизованными».

Относительно немецких крестьян, восставших в 1525 году, Энгельс писал: «Некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями»³. Такого союза в 1549 году не было в Англии. Городская буржуазия ненавидела и боялась крестьян не меньше чем помещики. Городской же плебс был еще слишком слаб, чтобы оказать решающую помощь крестьянству. Только в Норфольке город-

¹ И. Гранат «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии», стр. 233. 1908.

² G. M. Trevelyan «England in the Age of Wicliff», p. 215, New-York. 1900.

³ Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 30. Соцэжпиз. 1931.

ской бедноте удалось присоединиться к крестьянам.

Не было еще класса, способного возглавить героическую борьбу крестьян и повести их к победе, не было еще городского пролетариата. На примере восстания английских крестьян в 1549 году лишний раз подтверждаются слова товарища Сталина о том, что «отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания мо-

гут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹.

Восстание 1549 года было крупнейшим крестьянским восстанием в Англии XVI века, но оно было далеко не первым и не последним.

---

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Партиздат. 1933.

В. Сергеев

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

1

Последние 2 века до нашей эры ознаменовались глубоким экономическим и политическим кризисом Римской республики. К этому времени рабовладение как господствующий способ производства окончательно утвердилось на Апеннинском полуострове, разоряя и вытесняя свободных мелких земледельцев и ремесленников. Города наполнились толпами не имевших средств существования люмпенпролетариев, живших подачками общества. К этому периоду относятся также грандиозные восстания рабов (сицилийское и спартаковское), потрясшие до основания Римскую республику. Путем огромного напряжения всех сил Риму удалось тогда справиться с этими революциями рабов.

В связи с основным противоречием между рабами и рабовладельцами развертывается ожесточенная борьба внутри правящего класса, между оптиматами (нобили), всадниками (денежная аристократия) и популярами (демократы), за власть и, в конечном счете, за наиболее эффективные способы выхода из этого затяжного кризиса.

Политическая жизнь Рима последнего века республики напоминала кипящий котел: восстания, государственные перевороты, заговоры, проскрипции чередовались с калейдоскопической быстротой. В процессе острой классовой борьбы все больше и больше обнаруживалась неспособность рабовладельческой демократии

справиться с создавшимся положением. некогда всемогущий, сенат постепенно оттеснялся на второй план неприкрытой диктатурой рабовладельцев — сначала Суллы, а затем Цезаря. В этой обстановке ожесточенной классовой и политической борьбы и возник эпизод, который вошел в историческую литературу под названием «Заговора Катилины».

После смерти Суллы на высшее руководство римской политикой стали претендовать Красс, Цезарь и Помпей. Все они происходили из старинных аристократических семейств, причем Красс и Помпей особенно выдвинулись в период диктатуры Суллы. Спекулируя на конфискованных имуществах проскрибированных римских граждан, Красс приобрел колоссальные богатства, которые он широко использовал в целях привлечения сторонников из числа различных слоев римского гражданства. Широкие раздачи зерна и угощений создали Крассу огромную клиентеллу, главным образом среди разорившейся знати и люмпенпролетариата. Еще больший вес среди римских рабовладельцев приобрел Красс после того, как ему удалось самым беспощадным образом расправиться со спартаковским восстанием.

Наряду с Крассом в 60-х годах I века на политическую арену выступает также молодой, тогда еще мало заметный, Гай Юлий Цезарь. Не обладая богатством и славой Красса и не имея сколько-нибудь серьезного влияния на политику, дальновидный и хитрый Цезарь вел себя крайне осторожно, стараясь пока держаться в тени и действовать через третьих лиц. Трезво взвесив обстановку, Цезарь несмотря на свое аристократическое происхождение становится на сторону популяров и вскоре превращается из разорившегося нобилия в вождя демократической партии популяров.

Однако все шансы на власть были все же на стороне Помпея, находившегося тогда в зените славы, увенчанного победами, имевшего многочисленную клиентеллу, огромное богатство и дружившего с влиятельными

трибунами. Обеспокоенные быстрым ростом влияния своего соперника, Красс и Цезарь заключили молчаливое соглашение и стали изыскивать способы для того, чтобы привлечь симпатии римских граждан на свою сторону и тем самым ослабить огромное влияние Помпея, приобретенное им в результате победоносных войн на Востоке.

Одним из таких способов была аннексия Египта. Со дня смерти правителя Египта Птолемея X (80 год), не оставившего прямых наследников, присоединение Египта было одним из самых важных вопросов римской политики. Перспектива захвата Египта, богатейшей страны Средиземного моря, находила горячее сочувствие среди римского гражданства, в особенности среди всадничества и городской демократии. Для всадников захват Египта означал расширение откупных операций, а для городского плебса — получение дешевого хлеба. По личным мотивам на аннексии Египта более всего настаивали и первый богач Рима Марк Лициний Красс и его друг и союзник Юлий Цезарь.

В качестве цензора Красс в 65 году предложил обложить Египет податью, рассматривая это как первый шаг к полной аннексии. Но сенат на проект Красса смотрел как на демагогический маневр, чреватый многими опасными последствиями.

Оппозиция сената заставила Красса и Цезаря искать обходных путей для осуществления своих планов. С этой целью они решили войти в соглашение с группой обиженных сулланцев, обвиненных в подкупе избирателей и на этом основании лишенных консульского звания (66 год). К обиженным сулланцам, ставшим в оппозицию к оптиматам, примкнул также и Луций Сергий Катилина, вычеркнутый из списков кандидатов по обвинению во взяточничестве во время преторства в Африке.

Пользуясь общей политической анархией, непопулярностью и слабостью сената, отведенные кандидаты решили не отступать и составили тайный союз, или заговор. Во главе заговора стоял Гней Пизон, принадлежавший к римской «золотой молоде-

жи», «подстрекаемый к перевороту бедностью и дурными наклонностями». Заговорщики предполагали устранить консулов, проведенных оптиматами, уничтожить наиболее видных членов сената и провозгласить консулами самих себя. Заговор Пизона был открыт, но дело замяли из боязни называть имена Красса и Юлия Цезаря, поддерживавших заговорщиков. Пизон получил даже назначение и отправился в Испанию.

После отъезда Пизона главой заговора становится Катилина.

Луций Сергий Катилина родился в 108 году. Он происходил из древнего патрицианского рода Сергиев, из которого вышли многие военные и общественные деятели. Что касается самого Катилины, то он даже в изображении его врагов представляется сильной личностью, сочетавшей в себе самые противоположные качества.

«Физически крепкий, он невероятно легко переносил голод, холод и недосыпание. Морально смелый, он был коварным, непостоянным, лживым, неискренним, жадным до чужого, расточительным в своем, пылким в страстях: красноречия в нем было достаточно» — так характеризует Катилину римский историк Саллюстий¹.

Катилина, с первых дней своего юношества находившийся в стесненных материальных условиях, поправил свои материальные дела во время сулланских проскрипций. Будучи одним из близких людей Суллы, Катилина выполнял самые кровавые поручения диктатора, заносая в проскрипционные таблицы как виновных, так и невиновных людей, своих друзей и родственников, в их числе своего брата и мужа своей сестры.

Сулланские проскрипции, сопровождавшиеся огромными конфискациями и аукционами проскрибированных имуществ, обогатили многих друзей Суллы, в том числе и Катилину.

«Конец резни наступил не прежде, чем Сулла наполнил богатствами всех своих приверженцев»².

¹ Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 5.

² Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 51.

Бюст Цезаря. Берлинский музей.

В 67 году Катилина был претором провинции Африки. В 66 году он явился в Рим и выставил свою кандидатуру на консульство на 65 год, но был отведен по формальным мотивам, вследствие обвинения его в лихоимстве и злоупотреблении властью.

Потерпев неудачу на выборах 65 года, Катилина выставляет свою кандидатуру на консульство на 63 год и вновь терпит поражение. На консульство 63 года имелось семь кандидатов, в их числе Цицерон и Катилина. Выборная кампания происходила в напряженной общественной атмосфере. Противники Катилины — оптиматы и всадники, — группировавшиеся около Цицерона, распускали самые невероятные слухи, компрометировавшие катилинариев. Говорили, что Катилина заставлял всех своих сторонников приносить страшную клятву в верности и пить при этом человеческую кровь, смешанную с вином, что он собирал вокруг себя молодежь и учил ее презирать все окружающее, грабить, убивать, не признавать ни мора-

ли, ни стыда, ни принятых на себя обязательств.

Не менее страшные вещи рассказывали о самом Катилине. Утверждали, что он совершил самые ужасные преступления и что нечистая совесть не дает ему покоя. Прибавляли, что и самая внешность Катилины как нельзя более соответствовала его внутренней сущности: бледное лицо, тусклые, неприятные глаза, порывистая походка и т. п.

При заведомой враждебности наших источников к Катилине едва ли приходится сомневаться, что значительная доля приписываемых ему пороков должна быть отнесена за счет богатой фантазии его врагов — Цицерона и Саллюстия.

По городу циркулировали страшные слухи о подготовлявшемся государственном перевороте, пожаре Рима, убийстве консулов, грабежах и пр. Красс и Цезарь из опасения быть скомпрометированными вскоре отстранились от Катилины.

Перепуганные всякого рода слухами о заговорщиках, все «благонамеренные люди» подали голоса за представителя оптиматов Цицерона, выбирая из двух зол меньшее. Но, вообще говоря, Цицерон в это время не пользовался симпатией ни в одном общественном слое, и положение его в течение всего его консульства было непрочным. С одной стороны, это объяснялось его личными качествами: оскорбительной для окружающих хвастливостью и заносчивостью, с другой стороны — и это, конечно, основное, — различие интересов оптиматов и всадников, которых он стремился слить в один господствующий класс, чтобы создать себе социальную опору.

Прежние неудачи не заставили Катилину отказаться от своего намерения добиться консульства на следующий, 62 год. Учитывая неудачи предшествующих лет, Катилина с тем большим рвением бросается в предвыборную кампанию 63 года в расчете стать консулом в 62 году.

2

С этого года, собственно, и развертываются главные события, связанные с заговором Катилины. Для привлечения на свою сторону возможно боль-

Уже число заговорщиков Катилина развил бешеную агитацию среди самых различных слоев населения; среди обремененных долгами, страстно желавших от них избавиться высших классов — сенаторов и всадников, среди аристократической «золотой молодежи» главного «питомника Катилины», по выражению Цицерона, среди разорившихся сулланских солдат и демократов — марианцев — и вообще всех недовольных людей, обремененных долгами и нуждой.

«Близким и доверенным человеком Катилины становился всякий негодяй, развратник, промотавший свое состояние в игре и пьянстве, или человек, обремененный огромными долгами, желавший избавиться от своих пороков и злодеяний... К нему стекались всякие убийцы, святотатцы... наконец, все, кого мучили позор, нищета и сознание своих преступлений... Катилина обещал кассацию долгов, проскрипции богачей, гражданские и жреческие должности, хищения и все, чем сопровождаются гражданская война и произвол победителя», — говорит Саллюстий¹.

Стремление избавиться от долгов, растущих в связи с финансовым кризисом в Риме и Италии, служило платформой, на которой объединялись самые разнородные элементы рабовладельческого Рима в своей симпатии к Катилине.

Число заговорщиков все время росло, росла также и популярность Катилины. Среди заговорщиков находились многие известные сенаторы и всадники Рима: Лентул Сура, Гай Цетег, М. Порций Лека, Габиний и другие, к которым впоследствии примкнули некоторые именитые муниципалы и деятели колоний.

По мере того как число заговорщиков росло, начинала оформляться и программа заговора. В разгар избирательной кампании на состоявшемся собрании заговорщиков Катилина нарисовал печальную картину состояния Римского государства и наметил основные пункты своей программы.

«Все ведь, — говорил Катилина, —

хорошо знают, что в настоящее время власть находится в руках олигархов, повелевающих подвластными царями и народами и получающих с них дань. Влияние, могущество и почет сосредоточены в их руках, или в руках угодных им лиц, или клиентов. Всем же остальным гражданам достались в удел отстранение от государственных должностей, судебные преследования и крайняя бедность.

В то время как они утопают в роскоши, срывают горы и роют пруды, подобные морям, у нас дома нищета, неоплатные долги, бедность в настоящем и будущем, у нас нет ничего, кроме тела и души, между тем как все может быть. Для освобождения от всех зол необходимо, однако, завоевание свободы, за которой уже само собой следуют честь, слава и богатство. Они владыки мира, а мы бесправная, жалкая чернь. Между тем как, по существу дела, наше положение совершенно не безнадежное. Нас много, мы сильны и способны, победа в наших руках.

Настоящее положение, — указывал далее Катилина, — как нельзя более благоприятствует нашим планам. Большинство на нашей стороне, между тем как власть находится в руках людей, неспособных совершить что-либо значительное»².

В случае удачи государственного переворота Катилина обещал провести кассацию долговых обязательств, конфискацию имений богатых, передел земли, новое распределение магистратур и т. д., — словом, осуществление всей демократической программы популяров.

Все свои стремления и всю свою деятельность Катилина связывал с интересами плебса, совпадавшими с его собственными интересами: «Только тот, кто сам несчастен, может быть верным заступником несчастных; не верьте, раненые и обездоленные, обещаниям невредимых и счастливых; если вы хотите восполнить прорехи, возместить утраты, то взгляните на мои долги, мое имущество, мою отвагу: наименее робким и наиболее по-

¹ Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 14, 21.

² Там же. Гл. 20.

Помпей. Музей в Копенгагене.

страдавшим должен быть призванный вождь и знаменосец пострадавших»¹.

Первым шагом к осуществлению своей программы Катилина считал избрание его консулом.

«Делайте со мной, что хотите: выбирайте меня своим вождем или распоряжайтесь мной как рядовым солдатом: я весь целиком и душой и телом буду принадлежать вам. Надеюсь, что я с вашей помощью, будучи консулом, доведу наше предприятие до желанного конца. Перед вашими глазами лежат богатства, почет, слава, все, что вы так страстно всегда желали»².

Стремление к диктатуре, выступающее в вышеприведенной речи Катилины, было совершенно в духе того времени. К диктатуре стремились Помпей, Цинна, Карбон, Лепид, Красс, Цезарь и Катилина.

¹ Цицерон. За Мурену. Гл. 25.

² Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 20.

Поведение Катилины в сенате становилось все более нервным и резким. Так, при обсуждении нового закона о подкупе выборщиков, направленного в первую очередь против него, Катилина гневно заметил, что если сожгут его дом и имущество, то он потушит раздутый пожар не водой, а развалинами.

На требование же Цицерона объяснить смысл речи, произнесенной Катилиной на конспиративном собрании заговорщиков, последний ответил: «В нашем государстве имеются два тела: одно слабое, но с сильной головой (сенат), а другое—сильное, но со слабой головой (народ), и если это второе тело меня поддержит, то оно, пока я жив, не будет без головы».

Сенаторы были крайне смущены странными репликами Катилины, но молчали: одни — потому, что были с ним втайне согласны, другие — потому, что выжидали более благоприятного момента для открытого выступления против Катилины.

Выборы консулов происходили под председательством консула 63 года Цицерона, одетого по-военному и под охраной вооруженной свиты. Катилина вновь потерпел поражение.

При энергичной поддержке Цицерона выбраны были консулами Л. Мурена и Юний Силан. Поддерживая кандидатуру противников Катилины—людей, «заслуживших всеобщее одобрение» и «никому не угрожавших», — Цицерон действовал от лица «всех добрых граждан, боявшихся государственного переворота и дрожавших за свое положение и богатство»³.

Потеряв последние надежды на легальное получение консульства, Катилина вынужден был пойти на открытый государственный переворот. С захватом власти приходилось особенно торопиться по двум причинам: во-первых, вследствие ожидавшегося выступления Цицерона в сенате с разоблачением заговорщиков и, во-вторых, по причине предстоящего возвращения в Рим Помпея, который мог помешать заговорщикам.

Генеральное выступление должно было произойти в конце октября 63

³ Цицерон. За Мурену. Гл. 51.

года. На 25 октября участниками заговора было намечено выступление военных частей в Этрурии, Кампании и Апулии.

В ночь же с 26 на 27 октября предполагалось произвести резню оптиматов и убить консула, объединявшего вокруг себя все «благонамеренное гражданство».

Однако план Катилины не удался. Цицерон собрал через доносчиков достаточный материал о планах заговорщиков, чтобы запугать сенаторов и добиться вручения ему мандата на объявление города на военном положении. 21 октября Рим был объявлен на осадном положении. Консулу вверялись чрезвычайные полномочия пресекать революционные брожения, арестовывать граждан и производить набор войск.

Введение чрезвычайного положения свидетельствовало о серьезности происходящих событий.

«Граждане были потрясены, вся физиономия города изменилась. После беспечности и веселия, плода долгого мира, внезапная печаль об'яла всех: повсюду сумятица, суетня, всеобщее недоверие и к месту и к окружающим, не было войны, но не было и мира, всякий по своему страху судил об опасности»¹.

В ночь на 7 ноября состоялось конспиративное заседание заговорщиков в доме сенатора М. Порция Леки, сочувствовавшего заговорщикам. На этом заседании был в окончательной форме выработан план предстоящего государственного переворота и распределены роли между участниками заговора.

Организация восстания была хорошо продумана. По плану заговорщиков, Италия разбивалась на несколько районов, куда посылались надежные люди. Сборным пунктом войск был выбран хорошо укрепленный город Пренесте, находившийся недалеко от Рима. Важнейшей задачей заговорщиков, остававшихся в Риме, являлось устранение Цицерона, которого решено было убить в его собственном доме.

Однако и на этот раз заговорщики

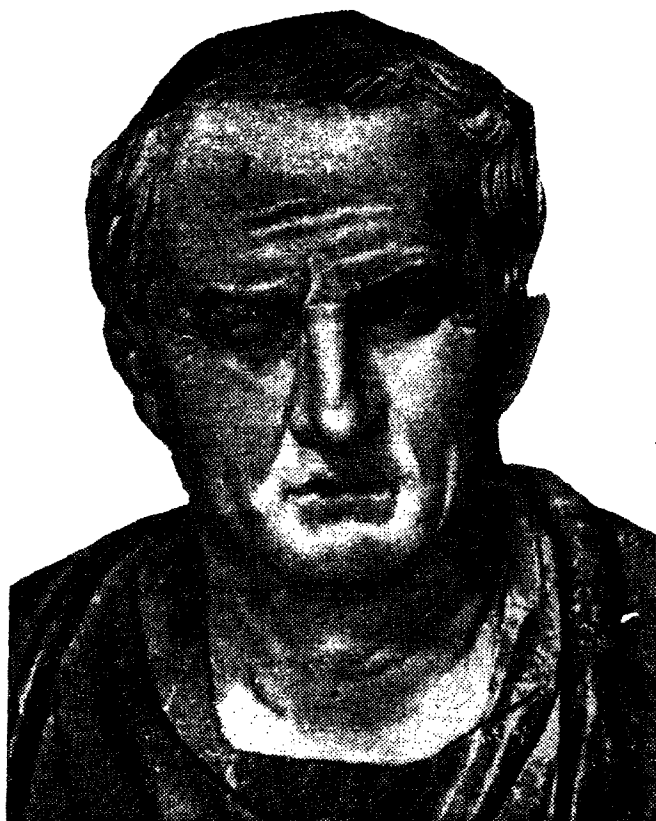
не достигли желаемой цели. Осведомленный через своих людей о готовящемся покушении, Цицерон принял соответствующие меры предосторожности и остался жив. «Не успело разойтись ваше собрание, как я уже обо всем был извещен. Я усилил стражу, оберегавшую мой дом, и тем, которых ты рано утром ко мне прислал с поклоном, велел отказать: были же это те же самые, которых я заранее назвал многим высокопоставленным лицам, предсказывая, что они придут ко мне в это самое время»².

На другой день, 8 ноября, в храме Юпитера Статора на Палатине, находившемся в укрепленном месте и охраняемом усиленной стражей из всадников, было созвано экстренное собрание сената по делу о раскрытии заговора. На этом историческом заседании сената консул Цицерон произнес блестящую речь против Катилины, изобразив цель заговора и его организаторов в самых ужасных и мрачных красках. Своим неожиданным и в высшей степени резким выступлением в сенате Цицерон надеялся дезорганизовать своих противников и удалить главу заговора из Рима. К более же радикальным мерам Цицерон, никогда не чувствовавший себя очень прочно в сенате, прибегать не решался.

«Долго ли еще ты будешь, Катилина, злоупотреблять нашим терпением? Долго ли еще в своем безумии ты будешь издеваться над нами? Что ты делал в две последние ночи и о чем ты совещался,—все это известно каждому из нас. Этого мало. Он является на заседание сената, принимая участие в обсуждении общественных вопросов. Боги бессмертные, в какой мы живем стране! Что это за государство? Что за город? Здесь, среди нас, отцы сенаторы, в этом высоком собрании мужей, долженствующих быть цветом и украшением вселенной, вместе с нами сидят люди, замышляющие гибель мою и других моих коллег, намеревающиеся внести в этот город и во все страны мира пожар и убийства. И я, консул, не только спокойно вижу, но и спрашиваю их мнение об общественных делах. Даже словом не

¹ Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 31.

² Цицерон. Речи против Катилины. I, 10.

Цицерон. Музей во Флоренции.

смею оскорблять тех, кого давно следовало бы предать казни...

При таком положении дел, Катилина, тебе остается только продолжать дело, начатое тобою. Уходи вон из города! Его ворота для тебя давно открыты. С нетерпением манлиево войско ждет тебя как своего вождя. Только захвати, пожалуйста, с собой всех твоих сообщников, если же всех нельзя, то как можно больше поочисти от них город»¹.

Застигнутый врасплох, Катилина поддался на провокацию Цицерона и отправился в добровольное изгнание. С этого времени Катилина вступил на путь подготовки вооруженного государственного переворота и открыто порвал с сенатом.

Цицерон торжествовал победу. «Наконец-то, квиристы, — говорил он во второй речи, произнесенной на народном митинге на следующий день (9 ноября), — удалось мне Луция Катилину, как ни неистовствовал он в своей бешеной отваге, как ни дышал злобой, как ни стремился погубить свое отечество своими нечестивыми деяниями, как ни угрожал нам и нашему городу мечом и огнем, — наконец-то, повторяю, удалось мне его, уж не

¹ Цицерон. Речи против Катилины. I, 1, 4, 9, 10.

знаю, сказать ли «изгнать» или «выпустить» или «почтить напутственной речью при его добровольном уходе». Он ушел, удалился, умчался, исчез, не будет уже более этот изверг внутри наших стен мечтать о их разрушении. Это значит, что мы хоть одного этого вождя междоусобной войны несомненно победили; мы не будем чувствовать его кинжала у своей груди, не будем вздрагивать, находясь на Марсовом поле, на Форуме, в Курии, и в покоях наших домов»².

Удаление Катилины из Рима Цицерон считал только началом поднятой им кампании. Предстояло еще разрешить не менее сложную задачу — очистить город от соучастников и приверженцев Катилины, наполнявших Рим.

«Представьте себе теперь, что за ним последуют его друзья, вся эта позорная артель беспутных негодяев, — как рады будем мы, как счастливо будет государство, какой славой покроется мой консулат! Вождедения этих людей уже превысили всякую меру, их дерзкая отвага вышла из пределов допустимого и выносимого»³.

3

После отъезда Катилины в Этрурию в Риме во главе движения стал П. Корнелий Лентул. Оставшиеся в Риме заговорщики (Лентул, Цетег, Габиний, Статилий и др.) повели усиленную агитацию среди низших слоев города, привлекая на свою сторону наряду со свободными также и рабов.

«Его (Лентула.—В. С.) агитация не ограничивалась кругом полноправных граждан, но распространялась на людей всякого рода, если только они в его глазах могли быть полезными для войны хоть чем-нибудь»⁴.

В письме к Катилине Лентул категорически убеждал его оставить предрассудок в отношении рабов, объявить их свободными и призвать к оружию. Колебания Катилины в отношении рабов в настоящий критический момент, говорил Лентул, могут принести неисчислимы бедствия.

² Цицерон. Речи против Катилины. II, 1.

³ Там же. II, 10.

⁴ Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 39.

«Помни, Катилина,—писал Лентул,— что ты как храбрый муж находишься в критическом положении. Ищи помощи у всех, не гнушайся никем, даже самыми низшими»¹.

На словах же он поручал своему посланнику Вольтурцию передать Катилине: «Чего он еще ждет после того, как сенат объявил его вне закона? Почему он медлит прибегнуть к помощи рабов?»²

Лентул вступил также в соглашение с представителями галльского племени аллоброгов, случайно находившимися тогда в Риме. Недовольные действиями римских властей, делегаты аллоброгов пришли в Рим с ходатайством об облегчении взимаемых с них поборов. Лентул решил использовать недовольство аллоброгов. Он сообщил им о готовящемся перевороте и обещал касацию долгов в случае успеха заговора при условии их поддержки. Но и здесь заговорщиков постигла неудача. Не поверив химерическим обещаниям Лентула и, с другой стороны, рассчитывая на щедрую награду со стороны сената, аллоброги сообщили о предложении Лентула своему патрону Фабию Санге, который донес об этом Цицерону.

По приказанию консула, аллоброги были арестованы, приведены в сенат и подтвердили о состоявшемся между ними и заговорщиками соглашении, показав при этом полученные ими верительные грамоты за подписью и печатями руководителей заговора.

Вовлечение в заговор аллоброгов и рабов и предполагавшаяся отправка из Рима в лагерь Катилины оружия доставили в распоряжение Цицерона богатый материал, которым он мог запугать и перетянуть на свою сторону колебавшиеся элементы не только в сенате, но и на народных митингах.

В речах, произнесенных в первых числах декабря непосредственно под впечатлением ареста делегатов аллоброгов, Цицерон в фантастических красках рисовал ужасающую картину последствий заговора:

«Еще раз прошу вас: приложите все свое усердие к спасению государства,

подумайте о всех бурях, которым мы идем навстречу, если вы их не предотвратите. Вы знаете, кто такие те, которые ждут решения своей участи от строгости вашего суда: это не Тиберий Гракх, пожелавший вторично стать народным трибуном, не Кай Гракх, попытавшийся возобновить аграрное движение, не Л. Сатурнин, убивший Г. Меммия, — уличены те, которые остались в Риме ради поджогов, ради вашего поголовного истребления, ради выдачи города Катилине; уличены они своими письмами, своими печатями, своими почерками, своими признаниями. Вы знаете, они поднимали против нас аллоброгов, подстрекали рабов, призывали Катилину; их замыслом было произвести такую резню, чтобы некому было даже почтить погребальным плачем имя римского народа, воздать последний дар слез похороненному властелину мира»³.

Цицерон использовал колебания средних прослоек римского общества и в решительный момент перетянул их на свою сторону.

«Дело в том, что все ремесленники и торговцы при своем преобладающем большинстве, или, правильнее сказать, весь этот класс, до чрезвычайности склонны ценить внешний покой. Да и понятно: все их ремесло, вся работа, весь заработок в тесной зависимости от посещающих их граждан, требуют мирной обстановки; и если с закрытием торговых помещений неизбежно уменьшается выручка, то на что же пришлось бы рассчитывать этим людям тогда, когда их заведения сделались бы добычей пламени?»⁴

По предложению Цицерона, все заговорщики были арестованы. На следующем заседании сената (5 декабря) состоялся чрезвычайный суд, приговоривший арестованных к смертной казни. Предложения отдельных сенаторов, в том числе Юлия Цезаря, заменить смертную казнь пожизненным заключением, были отклонены большинством сената.

«Не судьба самих заговорщиков,— говорил Катон, — должна беспокоить

¹ Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 46.

² Там же. Гл. 39.

³ Цицерон. Речи против Катилины. IV, 4.

⁴ Цицерон. Речи против Катилины. IV, 17.

Развалины форума в Риме.

нас, а наша собственная безопасность. Все прочие преступления можно преследовать после того, как они уже совершены, это же злодеяние, если его не предупредить, не даст вам времени подумать о своем спасении. После того, как город будет взят вооруженной рукой, побежденным уже ничего не останется. Заклинаю бессмертными богами вас, для которых отечество дороже, чем ваши дома, виллы, картины и статуи, станьте на защиту того, что вам так дорого, и сохраните возможность им пользоваться. Вспомните, что дело идет не о правильном платеже и обидах, нанесенных союзникам, а о нашей собственности, свободе и жизни»¹.

Попытка Лентула и Цетега поднять в последний момент рабов, слуг и вольноотпущенников, «смелых и готовых на все», и с оружием в руках отстаивать свою жизнь не удалась. Приговор был приведен в исполнение в тулинской тюрьме, где арестованные были удушены в присутствии самого Цицерона. «Они мертвы», — сказал Цицерон, выходя из тюрьмы, приветствуемый радостными криками собравшейся толпы.

Цицерон спешил расправиться с заговорщиками, осужденными в чрезвы-

чайном порядке, с нарушением закона судебной процедуры, ввиду усиливавшегося революционного брожения и начавшейся гражданской войны.

Кроме заговорщиков, замечает Саллюстий, было немало людей, отправившихся к Катилине. Нити заговора из Рима тянулись по всем направлениям — через всю Италию, Галлию, Испанию и Африку. Всюду находились приверженцы Катилины. Сильнее же всего движение было в Этрурии, стране крупного землевладения и рабовладения, очаге постоянных восстаний и заговоров. Здесь разорившиеся сулланцы объединились под командой сулланского центуриона Гая Манлия.

«Шире, чем это думают, — говорил Цицерон в сенате 5 декабря, — рассеяны семена этого зла; оно не только охватило Италию, но уже и проникает за Альпы, уже незаметно образовало гнезда во многих провинциях»².

В Риме повсюду происходили ночные собрания, сообщали о чудесах и предзнаменованиях, готовились к войне и восстанию. Сенат брал на учет имевшееся у граждан оружие. В Апулии, классической стране рабских движений, разгоралось восстание рабов, в Капуе волновались гладиаторские

¹ Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 52.

² Цицерон. Речи против Катилины. IV, 6.

школы и т. д. Положение становилось серьезным и напряженным.

Таким образом, Катилина после вынужденного отъезда из Рима и объявления его вместе с Манлием врагами отечества оказался во главе обширного революционного движения, захватившего самые разнородные элементы римского общества. В письме к сенатору Квинту Катуллу, написанному вскоре после вынужденного отъезда из Рима, Катилина рассматривает поднятое им восстание как движение, направленное прежде всего на охрану интересов бедной и обездоленной части народа:

«Верный своей привычке, я взял на себя публичную защиту всех несчастных граждан; сделал я это вовсе не потому, чтобы не мог уплатить долговых обязательств, выданных от моего имени... а потому, что видел недостойных людей, облеченных почетом, тогда как чувствовал себя отстраненным по ложному подозрению. На этом основании я избрал достаточно почетный в моем положении путь, дающий мне надежду на сохранение оставшегося у меня достоинства»¹.

Армия, сочувствовавшая Катилине, была достаточно велика, но в высшей степени пестра по своему социальному составу и слабо организована. Массу сторонников Катилины составляли сельский плебс и городской люмпен-пролетариат, «всегда жадный до переворотов», но экономически совершенно бессильный и не имевший в этом отношении никаких перспектив. Это была деклассированная масса, легко возбуждавшаяся, но так же легко остывавшая, неустойчивая в своих политических симпатиях и при первой неудаче терявшая равновесие.

«Между тем плебс, который сначала, по своей склонности к переворотам, вполне сочувствовал гражданской войне, после раскрытия заговора изменил свой образ мыслей, стал проклинать намерения Катилины, превозносить до небес Цицерона, радоваться и ликовать, как рабы, отпущенные на свободу»².

В этом аспекте становится понят-

ным пессимистический взгляд Саллюстия на исход движения катилинариев.

«Силы плебса, — говорит Саллюстий, — уменьшились, а могущество олигархов возросло. Они держали в своих руках выборные должности, провинции и все государство, сами были ни для кого не уязвимы и благоденствовали, а тех, которые были склонны относиться мягче к плебсу, запугивали судебными преследованиями. Но при малейшем колебании всякий раз снова возникала надежда на переворот и дух старой борьбы охватывал умы плебса. Поэтому, если бы Катилина вышел победителем или даже только не побежденным из первого сражения, великий разгром и бедствия постигли бы, конечно, государство, а победители не могли бы слишком долго пользоваться плодами побед: у них, утомленных и ослабевших, отнял бы власть и свободы тот, кто оказался бы в конце концов сильнее их»³.

Ко всему этому надо еще прибавить недостаточность вооруженной силы у катилинариев. Войско Катилины едва ли превышало 20 тысяч человек и притом было очень плохо вооружено. Уже одно это обстоятельство предвещало трагический исход поднятого восстания.

Громадным преимуществом «партии благонамеренных», возглавляемой Цицероном, был значительный численный перевес военной силы, наличие государственного аппарата и финансов. В спешном порядке из Рима в Этрурию, Апулию, Кампанию и другие очаги революционных брожений были посланы преторы и легаты со специальным поручением набрать армию и держать ее в боевой готовности. Была организована целая система шпионажа и доносов. За раскрытие конспиративных тайн заговорщиков назначались определенные награды: рабу — свобода и 100 сестерций, свободным гражданам — 200 сестерций и безнаказанность за участие в заговоре. Гладиаторские школы из Капуи были переведены в другие города. Повсюду расставлялись патрули и пикеты.

Римская государственная машина еще раз одержала крупную победу. Цицерон с полным основанием мог

¹ Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 35.

² Там же. Гл. 48.

³ Там же. Гл. 39.

заявить: «Все предусмотрено, приготовлено и устроено, отцы сенаторы, не только благодаря моим исключительным заботам и стараниям, но еще в большей мере благодаря решимости римского народа удержать в своих руках верховную власть и сохранить неприкосновенными наши общие ценности»¹.

Известие о ликвидации заговора в Риме и казни заговорщиков расстроило ряды катилинариев. Многие, примкнувшие к движению из корыстных расчетов в надежде на богатую добычу, получение должности и пр., отпали. С оставшейся же частью армии, малочисленной и плохо вооруженной, но преданной своему делу и вождю, Катилина обходным путем, горными тропинками и непроходимыми дорогами, намеревался идти в Галлию. Там он надеялся найти поддержку у воинственных галльских племен, в любой момент готовых присоединиться к движению против Рима.

Но и это не удалось. Против Катилины из Рима были посланы две армии: под командой Г. Метелла Целера и консула Гая Антония, прежнего друга и соучастника Катилины. Окруженный враждебными армиями, Катилина вынужден был вступить в открытый бой с противником, значительно превосходившим его силами. По римскому обычаю, перед битвой он созвал солдат и произнес перед ними горячую, полную энтузиазма речь, призывавшую их к героической защите свободы, чести и личного достоинства.

«Мы сражаемся за отечество, свободу и жизнь,— говорил Катилина,— между тем как наши враги проливают свою кровь за интересы немногих... В нашей власти спасти жизнь добровольной ссылкой, но это была бы постыдная жизнь. Многие из нас могли бы влачить жизнь в Риме на чужой счет, но вы, как подобает сильным людям, презрели такие низкие и неблагородные средства к спасению. В бою отвага — лучшее ручательство за успех, во власти победителя — назначить условия мира. Хорошо зная вас, воины, и припоминая ваши подвиги, я имею большую надежду на успех»².

Генеральное сражение произошло в

горных теснинах Этрурии, при Пистории, в 62 году. Армия римских консулов купила победу дорогой ценой. Повстанцы держались с изумительной стойкостью и почти все до одного погибли на поле битвы. Среди павших геройской смертью на поле сражения находился и сам Катилина, проявлявший огромную выдержку, храбрость и распорядительность в бою. «Катилина был найден далеко от своих, посреди врагов. Он еще дышал, и на лице его отражался его неукротимый и свирепый дух. Каждый из его солдат так же мало щадил свою жизнь, как и жизнь врага»³.

Цицерон за раскрытие заговора и спасение отечества получил почетный титул «отца отечества».

Крах движения катилинариев вконец расстроил ряды популяров и на некоторое время поднял престиж оптиматов и сената. Разгромленная и распыленная, римская демократия, в главной своей массе состоявшая из городских деклассированных элементов, с этого времени становится орудием в руках военных диктаторов, удельный вес которых повышался с каждой новой удачной войной, ростом армии и разложением городской республики (полиса).

Римский полис закономерно перерождался в Средиземноморскую империю. Заговор Катилины составляет важное звено в длительном и сложном историческом процессе перерождения города-государства — Рима в Римскую империю, начавшемся во II веке до нашей эры с Пунических войн и завершившемся во II веке нашей эры при династии Антонинов.

Разгром Катилины нанес тяжелый удар республиканской демократии, превращавшейся в охлократию (городская чернь), поддерживавшую императорскую власть. На данной ступени исторического развития гегемония рабовладельческого Рима и Италии в Средиземноморском бассейне, внешне сглаживавшая противоречия внутри правящей общины, могла быть сохранена только силами империи, т. е. перманентной военной диктатуры.

¹ Цицерон. Речи против Катилины. IV, 14.

² Саллюстий. Заговор Катилины. Гл. 53.

³ Там же. Гл. 81.

ОБ ИЗУЧЕНИИ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР В ШКОЛАХ

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР
товарища В. М. МОЛОВОТА
ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ СОВНАРКОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

от 1 февраля 1937 года

В целях изучения основ советского строя учащейся молодежью, готовящейся встать в ряды сознательных и активных строителей социалистического общества, Совнарком Союза ССР предлагает совнаркомам союзных республик:

1. Организовать в течение остающегося периода 1936—1937 учебного года подробное ознакомление с новой Конституцией Союза ССР учащихся 7, 8, 9, и 10-го классов средних школ.

2. С 1937—1938 учебного года ввести преподавание Конституции Союза ССР в качестве самостоятельного предмета в 7-м классе средней школы.

Сталинская Конституция — документ всемирноисторического значения. Колоссальная сила нашей Конституции заключается в том, что за каждой статьей сталинской Конституции Союза ССР стоят гарантии прав граждан СССР, средства осуществления этих прав, что за каждой статьей стоит весь 170-миллионный советский народ. Эта Конституция была восторженно одобрена всеми трудящимися нашей страны и всего мира. Это — «документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, — уже осуществлено в СССР» (С т а л и н).

Наша Конституция есть Конституция социализма, первой фазы коммунизма. В своем докладе на VIII всесоюзном съезде советов о Конституции Союза ССР товарищ Сталин подчеркнул: «Если для народов капиталистических стран Конституция СССР будет иметь значение программы действий, то для народов СССР она имеет значение итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества».

Фашистские страны организуют крестовый поход против нашей страны, они подсылают своих агентов из лагеря троцкистов и других отребьев человеческого рода для диверсионных и террористических актов против наших вождей, против наших фабрик и заводов. Сталинская Конституция есть могучее орудие в борьбе за еще большее укрепление независимости и обороноспособности нашего великого социалистического отечества.

Каждый гражданин нашей страны должен знать сталинскую Конституцию Союза ССР, он должен знать, какие великие права уже завоеваны страной социализма, он должен знать также, какие обязанности возлагает наша родина на каждого из своих сынов и дочерей по охране уже завоеванных побед и по борьбе за коммунистическое будущее.

Нашу Конституцию должно знать также и наше молодое поколение — наша учащаяся молодежь, которая не принимала участия в борьбе за социализм, но которая готовится вступить в сознательную жизнь.

В наших советских школах обучается 25 миллионов учащейся молодежи. Обучать их не только основам наук, но и выковать из них сознательных борцов за дело Ленина—Сталина, воспитать их в духе коммунизма — почетнейшая наша обязанность.

Указание председателя Совета народных комиссаров Союза ССР тов. В. М. Молотова от 1 февраля текущего года председателям совнаркомов союзных республик—об организации подробного ознакомления со сталинской Конституцией Союза ССР учащихся 7, 8, 9 и 10-х классов средних школ и о введении с 1937—1938 учебного года преподавания Конституции Союза ССР в качестве самостоятельного предмета в 7-м классе средней школы — имеет громадное политическое значение. Это изучение должно проводиться уже теперь, в течение остающегося периода времени текущего учебного года. Изучение Конституции в школах имеет громадное значение для коммунистического воспитания учащейся молодежи, «готовящейся встать в ряды сознательных и активных строителей социалистического общества» (М о л о т о в). Изучая главу за главой, статью за статьей Конституцию СССР, учащиеся советской школы всесторонне и глубоко изучают основы советского строя, видят, каких всемирноисторических побед достигла наша страна в борьбе за социализм под руководством партии большевиков и ее великих вождей Ленина и Сталина.

Изучение новой Конституции Союза ССР будет воспитывать у подрастающего поколения беззаветную любовь и преданность к нашей социалистической родине и непримиримую ненависть к врагам народа.

Изучение Конституции СССР в школах нельзя превращать в схоластическое и сухое занятие. Изучение Конституции, подробное ознакомление учащихся с ней должны вестись в виде живых, наглядных бесед о величайших победах, достигнутых в результате ожесточенных и кровопролитных боев с врагами рабочего класса и трудящихся, с врагами социализма. Надо учащейся молодежи раз'яснить, что все эти победы в нашей стране были возможны только потому, что руководство всеми боями находилось и находится в руках великой большевистской партии, выпестованной такими гениальными стратегами и тактиками пролетарской революции, как Ленин и Сталин.

К делу ознакомления учащихся со сталинской Конституцией надо привлечь лучших из лучших учителей, наиболее квалифицированных и подготовленных наших педагогов, прежде всего из состава учителей истории и обществоведения. Это обязывает учителей тщательно изучить новую Конституцию Союза ССР и доклад творца этой Конституции товарища Сталина на Чрезвычайном VIII всесоюзном с'езде советов. Это обязывает их сделать занятия по Конституции самыми яркими, самыми любимыми уроками учащихся советских школ.

За дело ознакомления учащихся с Конституцией Союза ССР должна взяться вся наша партийно-комсомольская и советская общественность, и вся работа по подбору учителей для преподавания Конституции Союза ССР должна проходить в тесном контакте с соответствующими комсомольскими организациями. Ленинский краснознаменный комсомол, перед которым поставлена почетная боевая задача — оказать «помощь коммунистической партии (большевиков) в деле воспитания молодежи и детей в духе коммунизма» (из программы ВЛКСМ), несомненно, сделает все, чтобы помочь в наилучшей постановке изучения Конституции Союза ССР в советских школах.

Наркомпрос РСФСР разослал на места подробные конспекты ознакомления с Конституцией Союза ССР, а также и литературу к каждому уроку. И хотя к каждому уроку даны подробные указания о предмете ознакомления и указана соответствующая литература, все же необходима дополнительная повседневная квалифицированная помощь учителям на местах, что особенно

может по-большевистски обеспечить такое важнейшее политическое дело, как изучение Конституции Союза ССР в школах.

Работа по ознакомлению учащихся с Конституцией Союза ССР и для самих учителей явится огромным стимулом для дальнейшего поднятия их квалификации как пропагандистов учения Ленина—Сталина.

Ознакомление наших школьников с основами государственного устройства нашей великой социалистической родины, преподавание сталинской Конституции в наших школах, должно стать неразрывной частью всей педагогической работы, всей учебно-воспитательной работы с поколением сталинской учащейся молодежи, будущих сознательных и активных строителей социалистического общества, готовых «на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма» (С т а л и н).

ПРИКАЗ НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР тов. БУБНОВА

Согласно указанию председателя Совета народных комиссаров Союза ССР тов. Молотова от 1 февраля 1937 года об организации подробного ознакомления с новой Конституцией Союза ССР учащихся 7-х классов неполных средних и средних школ и 8, 9 и 10-го классов средних школ, предлагаю:

1. Проводить с 19 февраля до окончания 1936—1937 учебного года подробное ознакомление учащихся 7-х классов неполных средних и средних школ и 8, 9 и 10-х классов средних школ с новой Конституцией Союза ССР в учебном порядке — в форме уроков в классе.

2. Ознакомление учащихся с Конституцией Союза ССР проводить путем бесед и разъяснений учителем текста новой Конституции Союза ССР, доклада товарища Сталина на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов и материалов съезда.

3. Разъяснение учителем Конституции Союза ССР должно проводиться в популярной и доступной учащимся форме.

4. К работе по разъяснению Конституции Союза ССР привлечь наиболее квалифицированных учителей и в первую очередь преподавателей истории и обществоведения.

5. Для ознакомления учащихся с Конституцией Союза ССР взять с учебного плана следующие часы:

а) в 7-х классах городских и сельских неполных средних и средних школ — 1 час за счет обществоведения и 1 час за счет труда. То же и в нерусских школах;

б) в 8, 9 и 10-х классах городских средних школ — 2 часа за счет труда, а в нерусских школах — 1 час за счет труда и 1 час за счет истории;

в) в 8, 9 и 10-х классах сельских средних школ — 1 час за счет труда и 1 час за счет истории. То же и в нерусских школах.

6. Органам народного образования и директорам неполных средних и средних школ организовать помощь учителям по выполнению этого важнейшего задания (обязательная консультация, доклады по отдельным вопросам, обеспечение литературой), а также следить за ходом ознакомления учащихся с Конституцией Союза ССР путем систематической проверки занятий в школах.

7. К подбору учителей для изучения учащимися Конституции Союза ССР и инструктажа их надо привлечь комсомольские организации.

8. В помощь учителям Наркомпрос РСФСР дополнительно разошлет подробные конспекты занятий по Конституции Союза ССР отдельно для 7—8 и 9—10-х классов с указанием литературы для учителей к каждому занятию.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВЛКСМ

1. Придавая большое значение успешному проведению в жизнь указания председателя Совнаркома Союза ССР тов. В. М. Молотова об изучении Конституции Союза ССР в школах, ЦК ВЛКСМ предлагает обкомам, крайкомам, ЦК комсомола нацреспублик и комсоргам ЦК ВЛКСМ в школах:

а) широко ознакомить всю учащуюся молодежь с указанием тов. Молотова об изучении новой Конституции Союза ССР;

б) оказать помощь отделам народного образования в подборе преподавателей по Конституции Союза ССР (проверка пригодности для этой цели уже имеющихся преподавателей по истории, обществоведению, выделение дополнительных людей из числа партийного и комсомольского актива);

в) совместно с отделами народного образования провести инструктаж всех утвержденных для преподавания Конституции педагогов, созвав для этой цели специальные общегородские и районные совещания.

2. Обязать комсоргов ЦК ВЛКСМ в средних школах представить к 1 марта 1937 года в ЦК специальные отчеты о постановке преподавания Конституции Союза ССР в школах в соответствии с указанием тов. Молотова.

Секретарь ЦК ВЛКСМ Д. Лукьянов

О МЕТОДИЧЕСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОШИБКАХ М. Н. ПОКРОВСКОГО

1

Преподаватели истории средней школы усиленно работают над преодолением ошибок М. Н. Покровского и его школы.

Антимарксистская методология М. Н. Покровского лежит в основе как его ошибочного изложения исторических событий и анализа этих событий, так и в основе его ошибочных взглядов по вопросам преподавания истории и по вопросам педагогики.

Однако, эта сторона деятельности М. Н. Покровского, председателя ГУС (Государственного Ученого Совета), т. е. руководителя всей научно-методической работы Народного комиссариата просвещения с 1918 по 1932 г., до сих пор еще не подвергалась критике. Задачей настоящей статьи является привлечь внимание нашей критики к этим вопросам и оказать в то же время посильную помощь преподавателям истории.

Будучи в своих исторических исследованиях представителем так называемого экономического материализма, М. Н. Покровский в области философии как известно был последователем механического материализма.

Исходя из своих неверных философских взглядов, М. Н. Покровский очень сочувственно относился к попыткам объяснять общественные явления на основе естествознания, свести исторические закономерности к закономерностям биологическим и физико-математическим.

Из писем М. Н. Покровского к Енчмену известно о его сочувственном отношении к реакционной, буржуазной лженауке, созданной Енчменом, так называемой теории новой биологии. Согласно этой «теории», люди физиологически неравноценны, и благодаря врожденной им неравноценности их общественное положение в будущем обществе должно будет определяться так называемыми физиологическими паспортами.

Эти «физиологические паспорта» Енчмена очень похожи на те «умственные» и «педологические паспорта», которыми представители тоже лженауки — педологии — снабжали наших учащихся. На основании этих паспортов дети, как известно, зачислялись в категории умственно-отсталых, дефективных и «трудных», с последующим их удалением из нормальных школ в специальные школы и классы. При проверке оказалось, что громаднейшее большинство этих детей вполне нормально.

Характерно, что педологи свои выводы и суждения о ребенке базировали лишь на наследственности.

Тов. Лобов так резюмирует эти ложные взгляды педологов:

«Словом, надо найти в наследственности ребенка все необходимые доказательства для зачисления его в категорию «ненормальных», «умственно-отсталых» и «дефективных» детей. В этом корень возрастной педологии»¹.

ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 года указывал, что педология «...могла появиться лишь в результате некритического перенесения в советскую педагогику взглядов и принципов антинаучной буржуазной педологии, ставящей своей задачей в целях сохранения господства эксплуататорских классов доказать особую одаренность и особые права на существование эксплуататорских классов и «высших рас» и с другой стороны — физическую и духовную обреченность трудящихся классов и «низших рас»².

¹ И. Г. Л о б о в «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Наркомпрос РСФСР, стр. 35. 1936.

² «Правда» от 5 июля 1936 года.

Из всего этого видно, что не случайно М. Н. Покровский, сочувствовавший Енчмену, ни разу и нигде не выступил против педологии и ее практики.

2

По вопросу об истории как о предмете преподавания у М. Н. Покровского не было твердой, устойчивой точки зрения. В первых программах по истории 1920 года М. Н. Покровский защищал историю как самостоятельный предмет преподавания, стоял за систематический курс всеобщей и русской истории. Когда М. Н. Коваленский и автор антиленинской теории отмирания школы Шульгин выступили с невежественным левацким предложением уничтожить преподавание истории и заменить ее изучением современности, М. Н. Покровский полностью согласился с ними и провел это предложение в жизнь. В 1922—1923 году он переходит на позицию полного отрицания истории как предмета школьного обучения. В это время вводится так называемое комплексное обучение, уничтожившее вообще все отдельные предметы преподавания, в том числе и историю, замененную обществоведением. Обосновывая необходимость введения обществоведения, М. Н. Покровский в 1926 году писал: «Старая школа во всех областях, в том числе и в области изучения истории, ориентировалась на прошлое... Отсюда понятно, что история изучалась, как тогда говорили, систематически, начиная от самых древних времен... Разумеется, мы в таком порядке изучать историю не можем и не должны. Марксизм и ленинизм ориентируются не на прошлое, а на будущее»¹.

В 1927 году М. Н. Покровский уже высказывается за введение истории в школьное преподавание, но только в качестве подсобного материала для изучения современности, которую нужно познавать по сравнению с прошлым. История при этом изуча-

лась социологически, схематически. В таком положении подсобного предмета история и прозябала в школах до постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года, когда она была восстановлена в правах самостоятельного предмета.

Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года так определяло задачи школьного преподавания истории: «Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории»².

Эта оценка ЦК решительно бьет по взглядам М. Н. Покровского на задачи преподавания истории в школе. Кроме того, соглашаясь в 1927 году на частичное введение истории в старших классах (8 и 9-е), М. Н. Покровский подходил к этому вопросу только с точки зрения возрастной психологии. В младших классах он предполагал дать эпизодические картины или образы прошлого. Вот что он писал по этому поводу: «Нам эти фальшивые образы (которые внушались царской школой.—А. Ф.) нужно заменить правдивыми образами настоящей, подлинной истории. Но именно на место одних образов поставить другие, а не заменять яркие волнующие образы скучными рассуждениями. Рассуждать по поводу образов могут и должны дети — на это их нужно навести — а никак не их учитель. Он и рабочая книжка должны только показывать, показывать иногда буквально при помощи иллюстраций»³.

Таким образом, в I центре

¹ М. Н. Покровский «Об обществоведении во II центре II ступени». Сборник «Вопросы школы II ступени», стр. 178. М. 1926.

² «Правда» от 16 мая 1934 года.

³ «Обществоведение в трудовой школе». Сборник I, стр. 7. 1927.

II ступени, т. е. в 5, 6 и 7-м классах, преподавание должно было ограничиться только показом отдельных, не связанных между собой иллюстраций, образов прошлого, без соблюдения историко-хронологической последовательности, без разбора показанных исторических событий и без их обобщения.

«Анализ всего этого (исторических событий, исторических образов.— А. Ф.), — писал далее Покровский, — может придти позже, хотя в самой элементарной форме он вполне возможен и здесь, но знать факты нужно именно с этого возраста и знать их нужно именно в их окончательной, живой оболочке»¹.

М. Н. Покровский подчеркивает, что «анализ может придти позже». Таким образом, по Покровскому, закрепление в памяти учеников основных исторических фактов «в окончательной живой оболочке» может происходить без одновременного понимания учениками этих событий путем их разбора, то есть чисто механически, путем зубрежки. Такой метод был присущ старой школе.

Сам же М. Н. Покровский в своих учебниках вовсе не давал исторических фактов в «живой оболочке», а ограничивался голой социологической схемой. Изменениями возрастной психологии М. Н. Покровский мотивирует и изменение задач обществоведения во II концентре II ступени, т. е. начиная с 8-го класса, или с 15—16 лет. Вот что он пишет по этому поводу: «Перехожу, наконец, к курсу II центра. У него две основные задачи: во-первых, дать картину процесса, то есть дать в самой элементарной форме научное изложение истории. Здесь возрастная психология идет навстречу»².

Из этих высказываний М. Н. Покровского вытекало совершенно ясно, что он считал еще не возможным дать систематический курс истории в I концентре II ступени, т. е. в 5, 6 и 7-м классах. История откладывалась им до II центра II ступени, т. е. до 8 и 9-х классов. А так

как в 1927 году абсолютное подавляющее большинство наших школ были семилетки, то на деле вышло, что, даже соглашаясь на введение курса истории во II концентре II ступени, М. Н. Покровский фактически проваливал преподавание истории.

Покровский не понимал того значения знания истории, знания прошлого, на которое указывали основоположники марксизма-ленинизма. Только на основе глубочайшего знания конкретной истории Маркс и Энгельс создали свои гениальные обобщения. Товарищ Сталин, подчеркивая величайшую роль революционной теории для революционной практики, писал, что «только она (теория.— А. Ф.) может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем»³.

С большими оговорками, как мы видим, согласился Покровский на введение преподавания истории в нашу советскую школу. Но и после этого он всячески старался ограничить объем исторических курсов в школе II ступени. Так например древность и феодализм он предлагает изучать только социологически, т. е. чисто схематически⁴.

Надо отметить, что это предложение об изучении феодализма только социологически М. Н. Покровский вносил в июне 1926 года, в разгар борьбы большевистской партии против троцкизма. Одним из вопросов, вокруг которого развернулась тогда борьба большевистской партии против троцкистско-зиновьевского блока, был вопрос о движущих силах и характере китайской революции. Товарищ Сталин указывал, что китайская революция является одновременно революцией и антиимпериалистической и антифеодальной. В противовес этому троцкисты отрицали антифеодальный характер китайской революции. Предлагая изучать феодализм только социологически, т. е. схематически, М. Н.

³ И. В. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 13. 10-е изд.

⁴ См. сделанный в 1926 г. доклад «Историзм и современность в программах школ II ступени».

¹ «Обществоведение в трудовой школе». Сборник I, стр. 10. 1927.

² Там же.

Покровский тем самым преграждал путь подрастающему поколению к ознакомлению с конкретной историей феодализма в Англии, Франции, России и в Китае, к знаниям, необходимым для разоблачения враждебных ленинизму теорий.

Далее, М. Н. Покровский предлагал начинать изучение истории в школе II ступени только с эпохи первоначального накопления. Чрезвычайно характерна мотивировка этого предложения: «Это тот момент, глубже которого спускать историческое изложение не стоит, ибо мы только затрудним головы детей массой исторического материала малоценного, в значительной степени фиктивного, легендарного»¹. Вторым мотивом введения преподавания истории в школе М. Н. Покровский выставлял «необходимость подкрепить курс обществоведения... серьезным, солидным историческим курсом, который должен быть возвращен на свое место в виде настоящего исторического курса»².

Таким образом, история бралась только как подсобный материал для обществоведения. Ни единого слова о необходимости ученикам советской школы овладеть основами науки истории М. Н. Покровский не сказал.

3

Когда в нашей школе было введено так навредившее школе комплексное преподавание, М. Н. Покровский полностью солидаризировался с этим уничтожением преподавания основ наук. «Марксистский подход к преподаванию чрезвычайно облегчается принятой в наших учебных планах комплексной системой», — писал он в 1924 году во втором тезисе своего доклада «Марксизм в программах школы I и II ступени»³. И тут же в связи с этим вопросом выявляет невероятную путаницу взглядов. В самом докладе он заявлял: «Н и к а к о й о с о б о й

¹ М. Н. Покровский «Историзм и современность в программах школ II ступени», стр. 14.

² Там же, стр. 10.

³ М. Н. Покровский «Марксизм в программах школы I и II ступени». Тезисы доклада. Тезис второй помещен в сборнике Покровского «Марксизм в школе», стр. 2.

науки, именуемой марксизмом, я не предполагаю, и вы это, наверное, понимаете, как впрочем и вообще нет никаких предметов, а существует комплексная система преподавания»⁴.

В первом же тезисе доклада значилось: «Марксистская теория не представляет собой чего-либо отвлеченного и доступного лишь «умственной аристократии»; задачей марксизма является прежде всего объяснить жизнь, как она есть. Поэтому он прост, как сама жизнь, и может быть при удачном выборе формы объяснен даже 11—12-летним детям, тем более подросткам 13—16 лет»⁵.

Итак, с одной стороны, марксистская теория имеется, есть у нее и объект изучения, с другой же стороны, выдвигается чудовищное антиленинское утверждение, что марксизм как наука не существует. Первый тезис утверждает, что марксизм доступен детям 11—12 лет, первоступенцам (четвероклассникам), а статья, написанная позже, в 1927 году, доказывает, как это мы видели выше, что анализ явлений, т. е., очевидно, марксистское объяснение событий, по существу, возможно только во II концентре II ступени, т. е. для детей 15—16 лет.

Основная теоретическая ошибка М. Н. Покровского в вышеприведенных рассуждениях заключается в том, что он давал совершенно неправильное определение задач марксизма — «прежде всего объяснить жизнь, как она есть». Это позиция до марксизма материализма. Основным недостатком этого материализма, как указал еще Маркс в 11-м тезисе против Фейербаха, заключался в том, что философы до сих пор объясняли мир, в то время как задача состоит в том, чтобы его изменить.

В своем докладе о схемах программ II ступени М. Н. Покровский пытался путем применения гегелевской триады изложить историю программ и доказать правильность комплексного метода обучения: «Первое — это был трудовой метод, когда признавался только

⁴ М. Н. Покровский «Марксизм в программах школы I и II ступени». «Марксизм в школе», стр. 7.

⁵ М. Н. Покровский «Марксизм в школе», стр. 3.

трудом этот метод обучения и не признавался метод изучения по книге, когда нужно было изучать все среди природы, в мастерской, а книга могла играть роль только последнего подсобного средства самой последней категории... Это тезис... Программа, разработанная Соцвосом 2 года назад, не только является программой совершенно книжной, но имеет очень мало общего с трудовым методом... И польза известная от нее была, но это по отношению к предыдущей стадии программы антитезис... Теперь (комплексная система преподавания) получаем некоторый синтез»¹. Здесь Покровский, стремясь доказать правильность своей позиции триадами, вновь противоречит ленинизму. Ленин еще в «Друзьях народа» писал, что «не может быть и речи о том, чтобы доказать что-либо триадами»².

Как же М. Н. Покровский предлагал строить конкретно комплексы? Отрывая форму от содержания, он писал: «В каждый комплекс должно быть внесено идейное содержание независимо от того, что представляет этот комплекс: деревня, электрификация и т. п.»³. Именно на основе антиленинского представления о комплексах как объединении в одно целое всех предметов преподавания была построена схема программы ГУС по трем столбикам. В школе I ступени по таким столбикам: 1) «Природа и человек», 2) «Труд», 3) «Общество». В школе II ступени столбики были такие: 1) «Природа, ее богатства и силы», 2) «Использование этих богатств и сил человека (трудовая деятельность людей)», 3) «Общественная жизнь».

В своем докладе о схемах программ II ступени М. Н. Покровский говорил: «Читать эту схему, по-моему, нужно справа налево, как читается на восточных языках, например на арабском, и тогда основной колонкой является история»⁴. Странное рассуждение! Тогда возникает вопрос: зачем

же эти колонки были сразу расположены не в том порядке, как ими надо пользоваться?

В мае 1924 года, т. е. всего за полтора года до XIV съезда партии, съезда индустриализации, в основу всех комплексов Покровский предлагал положить сельское хозяйство. Вот что он писал: «От явлений природы всего легче и проще перейти к явлениям сельского хозяйства; зависимость его от материальных условий наиболее ясна и очевидна. Смена форм сельского хозяйства дает стержень прежде всего для объяснений диалектики семьи, затем общественных классов (рабство, крепостничество, батрачество, фермерство и соответствующие формы крупной собственности)»⁵.

Если детально просмотреть все схемы тогдашних комплексов, то прежде всего бросается в глаза, что все эти комплексы, исходившие подчас буквально от свиньи⁶, игнорировали ленинский кооперативный план социалистической переделки деревни. Подобные комплексы стремились увековечить мелкотоварное крестьянское единоличное хозяйство. Эти комплексы не показывали детям перспективы строительства социализма в Советском союзе.

В основу всего комплекса первого года II ступени (5-й группы) — изучение современной советской деревни — рекомендовалось положить указание Маркса о том, что разделение труда между городом и деревней является основой всей экономической истории общества. Но ведь это совершенно

⁵ М. Н. Покровский «Марксизм в школе», стр. 4. Тезис 6-й.

⁶ Существовал комплекс, построенный на изучении свиньи. Сперва, изучалась свинья с биологической точки зрения. Это первый столбик схемы программы ГУС под названием «Природа и человек». Затем, переходили к изучению значения свиньи в крестьянском единоличном хозяйстве и к уходу за ней. «Свинья — крестьянская копилка». Это второй столбик под названием «Труд». И в заключение, изучалось единоличное крестьянское хозяйство. Это третий столбик — «Общество». Такой комплекс одно время существовал в школах Москвы и даже формально представлял непродолимые трудности, поскольку реального объекта для изучения и примерного ухода — живой свиньи — в московских школах не было.

¹ «Новые программы для единой трудовой школы», стр. 15. Вып. 1-й. 1923.

² В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 89.

³ М. Н. Покровский «Марксизм в школе», стр. 7—8.

⁴ «Новые программы для единой трудовой школы», стр. 16. Вып. 1-й. 1923.

правильное положение Маркса относится к капиталистическому, т. е. классовому, обществу. И вот механически это положение Маркса переносилось на нашу деревню, деревню эпохи диктатуры пролетариата. Так прямо и сказано: «Основной подход к миру сельскохозяйственного производства, к миру земли, самая сердцевина постановки вопроса определяется словами Маркса: «Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности» («Капитал». Т. I, стр. 266. 1931)»¹.

Сам М. Н. Покровский так строил примерный комплекс: «Говоря о промышленном перевороте, т. е. о переходе от ручного производства к машинному, как не сказать, что такое машина, и не связать истории с соответствующими отделами физики? А заканчивая эту главу, как не дать кое-каких сведений из политэкономии, которая не даром и зародилась ведь в эпоху промышленного переворота? Адам Смит не случайно был современником Джемса Уатта»².

Никто никогда не отрицал необходимости при изучении промышленного переворота изучить и развитие машины и возникновение парового двигателя. Но одно дело говорить об этом, а другое дело ставить все изучение физики в зависимость от проходимого курса по истории! Ведь при такой постановке преподавания курс современной физики придется раздирать на кусочки и проходить не связанные между собой частички. Если пойти последовательно по пути, предлагаемому Покровским, то при прохождении XVII века нужно изучить дифференциальное и интегральное исчисление, затем классическую механику Ньютона и уже только после этого переходить к машиноведению XVIII века, а законы термодинамики отложить до курса истории середины XIX века.

В своем докладе «Марксизм в шко-

¹ «Новые программы для единой трудовой школы», стр. 104. Вып. 1-й, 1923.

² «Обществоведение в трудовой школе». Сборник I, стр. 8.

ле» М. Н. Покровский дает комплекс на примере истории Франции начала XX века (1900—1910 годы). Здесь особенно отчетливо выявлена его позиция механического материалиста. Он старается доказать, что технический фактор определяет экономику и политику общества. Известно, что именно в это время Франция бурно развивала свою металлургическую промышленность и превращалась в крупнейшую индустриальную страну. К этому изменению, по словам Покровского, привело «химическое открытие Томаса и Джилкриста (переработка железных руд, богатых фосфором.—А. Ф.) в 80-е гг. XIX ст.»³.

Но ведь открытие Томаса было сделано в Англии в 1878 году. Первыми применили томасов метод, усовершенствованный Джилкристом, немцы в аннексированной Лотарингии. А затем немцы совместно с французами стали разрабатывать железные руды во французской Лотарингии. Вот характерные цифры: в 1900 году во французской Лотарингии было добыто 4700 тысяч тонн руды, а в 1913 году—уже 19 800 тысяч тонн⁴. За 13 лет добыча учетверилась.

Но что это время — время подъема предвоенного империализма, это время гонки вооружений, время подготовки мировой империалистской войны 1914 года — всего этого М. Н. Покровский не хочет замечать и твердит: «В конечном счете технический фактор определил не только экономику, но и политику страны»⁵. Эта фраза является типичной ошибкой механического материалиста. Это ошибочное положение приводится Бухариным в его «Теории исторического материализма». М. Н. Покровскому оно так понравилось, что он указывает неоднократно на этот пример Франции как на классический пример комплекса. В докладе «Марксизм в школе» он прямо ссылаясь на свою статью об этом в журнале «На путях к новой школе» № 1 за 1924 год.

³ М. Н. Покровский «Марксизм в школе», стр. 15.

⁴ А. Лозовский «Уголь и железо. К борьбе за Эльзас-Лотарингию», стр. 20. 1918.

⁵ М. Н. Покровский «Марксизм в школе», стр. 15—16.

Анализ комплексного метода показывает, что корни его лежат в богдановщине с ее пресловутой «всеобщей организационной наукой», этой типичной лженаукой, разоблаченной в свое время В. И. Лениным и большевистской партией. Увлечение Покровского комплексным методом не случайно. После революции 1905 года М. Н. Покровский одно время был близок идейно и организационно с Богдановым, с этим признанным вожаком российских махистов. Основные положения махизма — этой реакционной философии субъективного идеализма — развивались Покровским еще в его статье 1904 года «Идеализм и законы истории».

Комплексный метод и дальтон-план господствовали в школе с 1922—1923 годов по 1929—1930 годы. С этого времени комплексный метод был заменен «методом проектов». Все эти левацкие извращения были осуждены постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года как антиленинские.

Комплексный метод не знакомил учащихся с основами наук. Наоборот, он приучал их скользить по поверхности явлений. Тем самым насаждалась неграмотность, прикрытая высокомерными общими фразами. В частности, на примере указанных выше комплексов М. Н. Покровского видно, что они не давали никаких конкретных знаний ученикам, ни исторических, ни физических, ни химических. В самом деле, как специалист-историк, рассказывая о промышленном перевороте, мог рассказать подробно с чертежами и формулами о работе парового двигателя Уатта или о работе прядильных и ткацких машин? Вульгаризация, вызванная комплексным методом, позволяла сводить к открытию Томаса все империалистическое развитие Франции — ее внутреннюю и внешнюю политику.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. дана резкая критика комплексного метода преподавания: «Необходимо развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического прожектерства, — говорится в постановлении, — насаждения в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных, что особенно ярко в по-

следнее время обнаружилось в применении так называемого «метода проектов». Вытекавшие из антиленинской теории «отмирания школы» попытки положить в основу всей школьной работы так называемый «метод проектов» вели фактически к разрушению школы»¹.

4

Когда в вузах началось левацкое уничтожение лекционных курсов и замена их одними практическими занятиями, М. Н. Покровский всецело приветствовал это и провел через ГУС учебные планы вузов, построенные на этом принципе. Вот его взгляды на лекции в 1923 г., изложенные им во вступительной лекции к курсу «Борьба классов и историческая литература»: «Самый способ вашей работы, живой и активной работы, а не мертвого слушания лекций, — этот способ и является наиболее ценной особенностью новой школы, из чего вы можете заключить, что мое появление на этой кафедре отнюдь не составляет необходимой части этой новой школы общественных наук. Несомненно, что я и всякий другой лектор, читающий лекции сотням людей, — это, конечно, остаток старой школы в новом, коммунистическом университете. Это нечто вроде остатка хвоста у человека — инструмент, в значительной степени ненужный... Курс мы держим на время безлекционное, когда ваши самостоятельные активные занятия будут заполнять все время и когда ваше образование будет делом ваших собственных рук, только при помощи (разрядка М. Н. Покровского) старших товарищей. Это тот идеал, к которому мы должны стремиться»².

В 1925 г. на IV конференции партшкол и комвузов М. Н. Покровский усиленно доказывал ненужность лекций: «Приходилось накачивать (имеется в виду первый период существования комвузов. — А. Ф.), — говорил он, — лекциями в самом неумеренном количестве и чрезвычайно быстро; я боюсь, что при этом в мозгах создавался некоторый колтун... В следующей

¹ «Правда» от 5 сентября 1931 года.

² М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов», стр. 9. Вып. 1-й.

стадии мы уже больше стали заботиться не только о просвещении наших слушателей, но и об их образовании, о снабжении их известными знаниями»¹. И, наконец, по мнению Покровского, ключ был найден в пресловутом дальтон-плане, в этом архииндивидуалистическом буржуазном методе воспитания. Вот что он говорил в том же выступлении по этому поводу: «Несомненно, что в так называемом Дальтоновском плане или лабораторном методе мы нашли наиболее совершенный способ приобретения реальных конкретных знаний в нашей обстановке с нашими студентами»². Известно, что дальтон-план предполагает только индивидуальные, вполне самостоятельные занятия отдельного ученика и вообще отрицает лекции, совместные занятия, классы, расписания и т. д.

Но не прошло и полутора лет, как в 1926 году на V методической конференции преподавателей совпартшкол М. Н. Покровский выступает с горячей защитой лекций. Он отказывается от прежнего своего идеала — безлекционной учебы, — который он осуществлял во всей системе народного образования в качестве заместителя наркома по просвещению. Теперь он говорит: «Конечно, это предполагает лекции как толкование фактов, как связь между фактами. Вот почему я являюсь, может быть, еще большим сторонником лекций и большим представителем лекционной реакции. Лекции совершенно необходимы, товарищи, это нужно помнить, потому что если вы познакомите ваших учащихся только с этими самыми фактами, то они будут знать, над чем размышлять»³.

Выступая в качестве сторонника лекционного метода, М. Н. Покровский при этом оговаривается: курсы должны быть очень краткие, очень небольшие. По этому принципу написана его «Русская история в самом сжатом очерке», построенная эпизодически, с нарушением хронологической последовательности событий.

¹ «IV конференция партшкол и комвузов», стр. 22 и 23. М. 1926.

² Там же, стр. 24.

³ «Вопросы преподавания исторических дисциплин», стр. 132. М. 1926.

Из приведенных высказываний М. Н. Покровского видно, что в вопросах лекционного курса по истории он постоянно колебался и не имел четкой позиции. По существу же он оставался противником лекций и был сторонником только практических занятий студентов. Эти взгляды М. Н. Покровского как раз и осуждены постановлением Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) о высших учебных заведениях (1936 год), где особенно вскрыто зло пресловутого «семинарского метода», горячим сторонником которого, как мы видели, был М. Н. Покровский.

Учитель истории, читая до постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» 1934 года эти противоречивые высказывания М. Н. Покровского, находился в полном недоумении: ограничиваться ли ему голым показыванием иллюстраций или применять прием рассказывания ученикам? Если рассказывать, то как строить рассказ: в виде ли систематического изложения целого курса с соблюдением историко-хронологической последовательности событий или ограничиваться только одним вступительным рассказом к занятиям учеников по дальтон-плану и заключительным словом?

«А как же насчет событий и хронологии?» — спрашивал учитель и получал строгий ответ: «Подвиги были заштемпелеваны целым рядом хронологических дат, которые неукоснительно спрашивали у учащихся. Эти хронологические даты также не имеют ничего общего с какой-либо действительностью»⁴.

Когда учитель берет «Сжатый очерк» М. Н. Покровского, то снова замечает противоречие. В тексте дат нет, но они очень подробно даны в синхронистических таблицах. И из письма В. И. Ленина Покровскому учитель узнает, что таблица введена по требованию В. И. Ленина, что В. И. Ленин считал необходимым, чтобы ученики знали эти факты и даты.

«А как быть с историческими деятелями?» — интересуется учитель.

⁴ М. Н. Покровский «Историзм и современность в программах школ II ступени», стр. 5.

Ответ гласит: «Прежняя история в качестве героев имела отдельные лица. Наша история должна иметь в качестве героев народную массу. Та история была историей царей, министров и генералов, наша должна быть историей рабочих и крестьян. Это, конечно, есть коренная, действительная революция в построении всего исторического курса»¹.

И, дальше, учитель читает следующее, крайне схематическое и неясное положение: «На самом деле, если вы подойдете к историческому процессу, сняв буржуазные шоры, вы увидите, что весь он строится по двум линиям. Одна линия сопротивления, другая линия уступок... Вот в сущности, в упрощенном виде, вся сущность, схема всей этой истории. И вот по этим двум линиям все столь милые старым историкам лица распределяются. Одни из них, как Александр II, представитель линии уступок; другие, как Николай I и Петр, представители линии сопротивления... Таким образом, это не будет история без образов, без личностей — это будет история без длинных рядов хронологических таблиц, это будет история живая, это будет история, наполненная жизнью, настоящей, подлинной, наполненной борьбой, ибо жизнь есть борьба — история, которая великолепнейшим образом подведет ребят, подведет учащихся к пониманию современной действительности и у нас и на Западе»².

Таким образом, вместо живых исторических деятелей выставляется абстрактная схема. Эта схема полностью исключает так же показ борцов за дело освобождения рабочего класса. Их место занимает безличная масса рабочих и крестьян. Покровский вообще стоял не на марксистских позициях по вопросу о роли личности в истории. В своем выступлении на V методической конференции преподавателей совпартшкол М. Н. Покровский очень сочувственно отозвался о концепции профессора Переверзева, которую М. Н. Покровский изложил так: «Решительно никакой индиви-

дуальности в литературе не существует... Чтобы понять творчество Байрона, нужно взять описание жизни английского аристократического общества. Как личности Байрона нет. Пушкина также нет»³.

Неверный методологический подход к роли личности в историческом процессе приводит М. Н. Покровского к ошибкам при описании исторических деятелей. Это же сказывается и в его неверном методическом подходе к показу исторических деятелей на уроке истории в школе.

5

Как же определял М. Н. Покровский задачи советской школы? Об этом в 1924 году он говорил следующее: «Школа должна выпускать максимально подготовленного к жизни человека и не должна отмахиваться от стоящей перед нами проблемы, возлагая ее на самую жизнь»⁴. Такое определение абстрактно и неопределенно. Под ним подпишется представитель любого класса в любой эпохе. Ведь в этом определении совершенно не видно, что речь идет о советской школе, подготовляющей строителей социализма. При определении задач совпартшкол М. Н. Покровский колебнулся в совершенно противоположную сторону и заявил: «Наши партийные школы являются руководителями всей хозяйственной и общественной жизни»⁵. Эти слова типичны для представителей теории отмирания школы.

«Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (5 сентября 1931 г.) отмечает, что основной задачей школы является: «воспитание инициативных и деятельных участников социалистического строительства».

«Составной частью коммунистического воспитания является политехническое обучение, которое должно дать учащимся «основы наук», знакомить учащихся «в теории и на практике со всеми главными отраслями производства», проводить «тесную связь обу-

³ Выступление М. Н. Покровского. См. «Вопросы преподавания исторических дисциплин», стр. 136.

⁴ М. Н. Покровский «Марксизм в школе», стр. 19.

⁵ «IV конференция партшкол и комвузов», стр. 24. М. 1926.

¹ М. Н. Покровский «Историзм и современность в программах II ступени», стр. 10—11.

² Там же, стр. 10—11, 12, 12—13.

чения с производительным трудом». И далее: «В период социализма, когда пролетариат осуществляет окончательное уничтожение классов в условиях обостренной классовой борьбы, исключительно важное значение приобретает выдержанное коммунистическое воспитание в советской школе и усиление борьбы против всяких попыток привить детям советской школы элементы антипролетарской идеологии. В связи с этим ЦК предлагает партийным организациям укрепить руководство школой и взять под непосредственное наблюдение постановку преподавания общественно-политических дисциплин в школах-семилетках, в педтехникумах и педвузах»¹.

Из этого постановления ясно видно, какая громадная работа должна быть проведена в преподавании истории в наших средних школах.

Роль учителя М. Н. Покровский сводил, как мы выше видели, к показу «при помощи иллюстрации». У Покровского руководящая роль учителя выпадает и заменяется стихией, самоходом. Эти взгляды М. Н. Покровского глубоко антипартийны.

О руководящей роли учителя говорится в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», в разделе «Об организации учебной работы и укреплении школьного режима»: «Преподаватель обязан систематически, последовательно излагать преподаваемую им дисциплину, всемерно приучая детей к работе над учебником и книгой, к различного рода самостоятельным письменным работам, к работе в кабинете, в лаборатории, учебной мастерской и широко применяя, наряду с этими основными методами, различного рода демонстрации опытов и приборов, экскурсии (на завод, в музей, в поле, в лес и т. д.); при этом преподаватель должен всемерно помогать детям при затруднениях в их учебных занятиях. Надо систематически приучать детей к самостоятельной работе, широко практикуя различные задания, в меру овладения определенным курсом знаний (решение задач и упражнений, изготов-

ление моделей, работа в лабораториях, собирание гербариев, использование пришкольных участков в учебных целях и т. п.)»². Из этого директивного указания видно, какую громадную работу по руководству воспитанием и обучением подрастающего поколения должен вести преподаватель.

Товарищ Сталин в своей речи в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 года говорил: «Лозунг «кадры решают все» — требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д.»³. Такую же работу заботливого выращивания будущих строителей коммунизма должны вести и педагоги. М. Н. Покровский полностью отрицал эти задачи нашего советского учителя.

* * *

Разбор методических и педагогических установок М. Н. Покровского показывает, что им были допущены все те ошибки, которые были осуждены в ряде постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР о школе. В высказываниях Покровского имеется и пресловутая антиленинская теория отмирания школы, и комплексы, и уничтожение руководящей роли учителя, и уничтожение лекций, и сведение занятий к дальтон-плану, и неверное определение задач советской школы.

Из анализа педагогических и методических взглядов М. Н. Покровского видно, что и в вопросах педагогики и методики преподавания он стоял на антимарксистских позициях. Задача педагогов — подвергнуть беспощадной критике все неверные установки М. Н. Покровского и неуклонно бороться за проведение в жизнь указаний партии и правительства о школе и преподавании гражданской истории.

² «Правда» от 29 августа 1932 года.

³ Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 года, стр. 13. Партиздат. 1935.

¹ «Правда» от 5 сентября 1931 года.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА

Принципы ее построения и работы с ней в школе

Нет необходимости долго останавливаться на вопросе о том, почему историческая карта играет столь важную роль в педагогической работе.

История совершается в пространстве и во времени.

Совершенно очевидно, что, излагая историю, необходимо указывать, в какое время и где именно происходили списываемые события. Если хронология локализирует исторические факты во времени, то исторические карты должны представить локализацию исторических фактов в пространстве.

Отсутствие исторических карт в продаже в настоящее время существенным образом затрудняет преподавание истории. Настоятельная потребность в них заставляет школу изготовлять карты своими силами.

Однако изготовленные подобным образом карты часто не соответствуют тем требованиям, которым должна отвечать историческая карта. На вопросах о том, каковы должны быть эти требования, как изготовлять карту и как работать с ней в школе, мы и хотим остановиться в настоящей статье.

* * *

Постановления партии и правительства от 16 мая 1934 года и от 26 января 1936 года и замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников по истории дают ясные указания, на каких основах должен быть построен учебник. Так как историческая карта представляет неотъемлемое звено учебника, то все эти постановления должны быть применены также и к историческим картам

и требуют от нас тщательного пересмотра тематики и содержания этих карт.

На основе этих указаний следует предъявить следующие требования к исторической карте:

1. В построении карт по истории СССР следует иметь в виду основную задачу, — чтобы «история Великодержавии не отрывалась от истории других народов СССР и чтобы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще от мировой истории». Из этого с логической необходимостью вытекает задача отобразить на карте историю Украины, Белоруссии, Финляндии, народов Прибалтики, Кавказа, Поволжья, Севера, Средней Азии, Дальнего Востока и других, выявив при этом политику территориальных захватов и хищнической эксплуатации покоренных народностей, — проводившуюся русским царизмом.

Непосредственно в связи с этим стоит необходимость отобразить переход от «условий и истоков национально-освободительного движения покоренных царизмом народов» к Великой пролетарской революции, освободившей «эти народы от национального гнета», а Россию — от ее полукOLONИАЛЬНОГО положения и зависимости от западноевропейского капитала.

2. Относительно новой истории карта должна отобразить «всю глубину разницы и противоположности» между буржуазными революциями, установившими господство капитализма, и пролетарской революцией в России, разбившей цепи капитализма и освободившей народ от всех форм эксплуатации.

3. Систематический подбор исторических карт в атласе должен выразить ту периодизацию истории, которая дана в замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова.

4. В своем содержании карта должна отобразить «важнейшие события и факты», учитывая при этом необходимость «закрепления в памяти учащихся важнейших хронологических дат».

5. От исторических карт требуется необходимая для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала.

Содержание карты

Попытаемся теперь, исходя из вышеуказанных принципиальных соображений, конкретно определить содержание учебной исторической карты, рассмотрев это содержание по отдельным элементам.

Бесспорно, к числу существенных элементов, которые должны найти свое отображение на исторической карте, следует прежде всего отнести географическую среду.

Значение географической среды отмечено еще Марксом, который говорил:

«Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов, составляет естественную основу общественного разделения труда и сменой тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности»¹.

Развитие общества совершается по одним и тем же законам, однако история различных стран весьма разнообразна. Влияние географической среды прежде всего индивидуализирует исторический процесс, но это влияние не является постоянным и неизменным на протяжении веков: оно изменяется в зависимости от степени общественного развития и от уровня техники. Иными словами, влияние географической среды нужно рассматривать диалектически. Эта географическая диалектика должна найти свое отражение на исторической карте.

Речная сеть справедливо всегда считалась неотъемлемой принадлежностью исторической карты. И действительно, великие реки играли большую

роль в истории цивилизации (хотя их значение в разные эпохи общественного развития изменялось). Главные реки должны наноситься на все исторические карты. Изображение же второстепенных рек находится в зависимости от исторической эпохи. Так, для карты размещения восточных славян потребуются не только все главные притоки Днепра, но и такой небольшой приток, как река Рось, служившая укрепленной границей Киевского государства начала XI века; даже небольшим речкам Альте с Трубежом полезно дать место на означенной карте; то же можно сказать и о мелких притоках Западной Двины или реки Великой, которыми варяжский путь соединялся с Днепром. Речная сеть, будучи, следовательно, вообще необходимым элементом на исторической карте, не является неизменным трафаретом, который был бы одинаково пригоден для всех исторических эпох.

Следует кроме того иметь в виду, что в течении некоторых рек и в конфигурации морских берегов придется отмечать те изменения в них, которые известны для данной исторической эпохи. Необходимо, например, обозначать на карте Европы XVI—XVII веков Гарлемское море, где в эти века происходили морские битвы между испанским и голландским флотами, но которое в настоящее время, как известно, осушено и обращено в поля с высоко развитыми культурами. Во времена Геродота Нил разделялся на два рукава у Мемфиса, а в настоящее время он раздваивается ниже Каира; таким образом, точка раздвоения (бифуркации) отодвинулась на 20 километров вниз по течению от того места, где она находилась 2400 лет назад. Скорость движения дельты Волги еще значительнее. За последние 100 лет дельта Волги продвинулась с севера на юг почти на 20 километров. Еще в исторические времена Аму-Дарья впадала в Каспийское море, в настоящее же время она впадает в Аральское море. Город Равенна, который был в V веке столицей остготских королей, стоял когда-то, как и Венеция, среди лагун. Адриатическое море омывало стены Равенны, а теперь этот город лежит далеко от за-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 427. Партиздат. 1936.

лива, на равнине, которую создала река По своими наносами.

Человеческий труд также изменяет географические условия. Так например Днепрогэс не только изменил конфигурацию берегов Днепра в районе порогов, но и превратил прежнее препятствие к судоходству в новый фактор крупнейшего хозяйственного значения для человеческого общества и создал непрерывный водный путь по Днепру.

Аналогичное действие оказал и Беломорско-Балтийский канал имени Сталина и т. д.

Что касается рельефа, то историческая карта может удовлетвориться изображением главных горных хребтов, нанесение которых следует признать необходимым для всех основных исторических карт. Изображение же второстепенных горных цепей или отдельных гор, ущелий и горных проходов потребуются в том случае, когда с ними связана локализация отдельных исторических фактов. Таковы, например, Фермопильское ущелье для античной эпохи или альпийские горные проходы и Рудные горы на карте средневековья и т. д. Рельеф является для исторических карт необходимым элементом.

Лес и степь, пустыня и песок также потребуют своего изображения на некоторых картах, например посвященных истории колонизации или истории кочевых народов. На исторической карте, посвященной Средней Азии или Аравии, невозможно обойтись без обозначения пустынь или песков. Без этого в сознании ученика не может сложиться правильного представления о физико-географических условиях, среди которых протекало историческое развитие данной страны или народа.

Изображение территории государств на старых картах являлось доминирующим. Неизбежной эта тема остается и теперь на любой карте, ибо изучение исторического факта требует, как сказано, определенной его локализации в пространстве. Территория служит фундаментом, на котором строится остальное содержание карты. При изображении территориальных границ следует, однако, от-

дать предпочтение не тому обозначению, которое фиксирует их в статическом, неподвижном состоянии, а тому, которое характеризует территориальные изменения на протяжении определенного промежутка времени, иначе говоря, дает изображение территориального роста, динамики.

Населенные пункты играют очень важную роль в содержании карты, но они не должны перегружать историческую карту, поэтому выбор их требует большого внимания, полной согласованности с учебным материалом, а также соответствия эпохе. Необходимо избегать таких ошибок, например, как нанесение на карту, посвященную раннему периоду, таких городов, которые возникли в более позднее время.

При размещении населенных пунктов не следует также забывать, что один и тот же город в разные эпохи существования занимал не одно и то же место. Случалось, что, восстанавливая иные города, ставили их на расстоянии нескольких десятков километров от прежнего места.

Обозначение количества населения в отдельных пунктах для большинства исторических эпох невозможно за неимением данных, да для учебной исторической карты обычно этого и не нужно. Однако в тех случаях, когда это важно и выполнение этого возможно, подобное обозначение необходимо сделать. Такого рода обозначения, например, полезно сделать на карте Англии во время промышленного переворота и на некоторых иных экономических картах.

Обозначение отдельных районов на карте необходимо. Наименование их следует выдерживать в соответствии с эпохой, но во избежание недоразумений для учащихся следует в необходимых случаях давать в скобках и современные названия.

Экономические показатели являются одним из существенных элементов, которые должны отличать историческую карту новейшего типа от прежних, старых. К этим данным относятся источники сырья, которые имели значение в отображаемый исторический период, затем важнейшие рынки, гавани, пути, районы и центры

промышленности и т. д. Известно, что с течением времени торговые пути перемещаются, одни рынки заменяются другими, центры промышленности передвигаются. Всю эту географическую динамику необходимо учесть при составлении карты и тщательно следить, чтобы экономические данные, помещаемые на карту, находились в соответствии с историческим периодом, которому посвящена карта. С другой стороны, из всех известных для изучаемого периода данных не всем можно дать место на учебной карте, а лишь тем из них, которые имеют для этого достаточное обоснование. Таким образом, например, на учебной карте Англии XIII века нет нужды показывать каменный уголь около Ньюкестля, хотя угольные копи и были заложены здесь за несколько столетий до промышленного переворота. Напротив, на исторической карте Англии второй половины XVIII в. показать каменный уголь в районе Ньюкестля совершенно необходимо.

В своем письме к тов. Павловичу по поводу издания учебного атласа В. И. Ленин в числе принципиальных указаний о том, как надо строить карты по империализму, отмечал, что на карте необходимо показать «главные источники того сырья, из-за которого идет борьба (нефть, руда) и т. п.». Из этого ценнейшего указания следует извлечь и тот вывод, что на карте, посвященной эпохе империализма, нет надобности в обозначении, например, алмазных копей в колониях, так как, по существу, не этими колониальными богатствами определяется борьба между империалистическими государствами. Наоборот, на карте времени расцвета колониального могущества Португалии и Испании вполне целесообразно показать в Бразилии алмазные россыпи, вокруг которых создавалась искусственная пустыня благодаря хищнической эксплуатации труда коренного населения в колониях.

Героическая борьба рабочего класса за пролетарскую диктатуру и социализм во всем мире — важнейшие элементы, которые должны отличать новейшую историческую карту от старых образцов. Классовая борьба находит свое картографическое изображение в обозначении районов и цент-

ров революционного движения, направлений, по которым оно распространялось, в указаниях динамики его распространения — все это, конечно, в том случае, когда состояние источников позволяет сделать это с необходимой научной точностью.

Заканчивая обзор содержания исторической карты, следует отметить, что целесообразно указывать на ней и важнейшие хронологические даты, освещающие отдельные территориальные изменения, этапы в развитии классовой борьбы и другие существенные моменты.

Методические требования

Определив в основных чертах содержание или нагрузку исторической карты, попытаемся наметить те общие методические требования, которые должны обеспечить «доступность, наглядность и конкретность» содержания учебной карты для средней школы.

1. На карте должно быть только необходимое и ничего лишнего. На учебную карту должен наноситься только тот материал, который соответствует программе или тексту учебника.

2. Учебная карта не допускает перегрузки, иначе она утратит доступность, т. е. легкость, для ее усвоения. Если необходимый для преподавания материал слишком обилен и «гружен» для нанесения на одну и ту же карту, его следует разделить и распределить на две карты. Методический эффект от этого будет значительно лучше.

3. Построение карты должно ясно выражать ее основную идею. Средством для этого служит правильное картографическое оформление. Перечислим кратко те основные требования, которые надо при этом иметь в виду.

Реки необходимо вычерчивать так, чтобы главные реки, притоки первого и второго порядка и т. д. легко можно было отличить друг от друга. Реки следует наносить черной краской, дающей наиболее отчетливый зрительный эффект, но никак не синей или какой-либо другой бледной краской, плохо различимой даже на близком расстоянии.

Шрифты должны быть отчетливы и притом дифференцированы. Выбирает-

ся свой особый шрифт для каждой однородной группы объектов на карте, а именно: для морей, рек, горных хребтов, географических районов, государств, провинций, народностей, населенных пунктов и т. д. Каждый шрифт должен обозначать строго определенную категорию объектов, чтобы исключалась возможность смешения одной категории с другой.

Условные обозначения выбираются простые, но в то же время настолько различные, чтобы при чтении карты невозможно было ошибиться и смешать одно обозначение с другим. Строго выдерживается единообразие условных знаков, т. е. для одного и того же объекта на всех картах выдерживается одинаковое условное обозначение.

Не меньшее, если не большее значение имеет иллюминировка карты красками. Известно, что краски неидентичны в смысле зрительного их восприятия. Различают цвета первичные, производные, нейтральные и дополнительные. Если представить цвета спектра расположенными по кругу, то, рассматривая их, мы видим, что красный, желтый и синий цвета являются первичными: их нельзя составить из других цветов. Напротив, прочие цвета можно составить из двух соседних: оранжевый = красный + желтый, зеленый = желтый + синий, фиолетовый = синий + красный.

Оранжевый, зеленый и фиолетовый цвета называются поэтому производными. Черный, белый и серый цвета называют нейтральными; они гармонируют с любой из красок или их сочетанием. Дополнительные цвета по отношению друг к другу представляют наиболее яркий контраст. Соответственные пары дополнительных цветов будут следующие: красный — зеленый, оранжевый — синий, желтый — фиолетовый.

Сила контраста, различие в цвете и яркости — все это принимается во внимание при картографическом оформлении. Дополнительные цвета, например, помещенные рядом, на соседних полях, «зажигают» друг друга и «угасают», если помещены рядом с другими цветами. Соседние территории закрашиваются так, чтобы они ясно различались между собой, но без

резких, грубых пятен. В подборе и распределении красок желательно стремиться к тому, чтобы, взятые в целом, они сливались на карте в то, что художники называют «аккордом» красок. Словом, оформление должно быть художественным. Искусство это трудное, и овладение им требует не только опыта, но и наличия художественного вкуса.

Следует иметь в виду, что если даже в интересах наглядности будут приняты все необходимые для этого меры, но масштаб, выбранный для стенной карты, будет слишком мал, то карта не станет наглядной.

Частые, мелкие надписи и прочая нагрузка до такой степени плотно «забывают» карту, что она станет «слепой» и, следовательно, малоприспособленной для школы. Масштаб учебной карты играет поэтому весьма важную роль. Практика и у нас и за границей показала, что, например, для карт Европы стенная карта не должна иметь масштаб мельче чем 1 : 3 000 000, т. е. 30 км в 1 см¹.

Исторические атласы

Из исторических атласов, наиболее употребительных в педагогической работе, следует назвать подробный, хотя

¹ Если необходимо увеличить выбранную из атласа маленькую карту до размеров стенной, это можно сделать следующим образом. На оригинал, который требуется увеличить, следует нанести карандашом квадратную линейную сетку наподобие линейки в ученической тетради; затем разлиновать таким же образом чистый ватманский лист (или большее количество листов, если нужен очень крупный размер карты), на котором размер клетки взять во столько раз крупнее, во сколько раз требуется увеличить оригинал. После этого остается скопировать карту с оригинала на ватманский лист, заполняя постепенно одну клетку за другой. Это самый примитивный способ. При некотором навыке, имея при этом готовую большую контурную карту, наносить клетки на оригинал и на контурный лист нет надобности, так как роль этих клеток с большим успехом заменит градусная сетка, пользуясь которой и можно скопировать таким же путем материал с оригинала на ватманский лист.

Есть гораздо более точные приемы подобной работы, но в случае крайней необходимости можно удовлетвориться описанными способами.

и устаревший, — «Учебный атлас по русской истории» Е. Замысловского. Последнее издание вышло в 1887 году.

Учебный атлас, составленный Н. Торнау, выходил в четырех выпусках: по русской, древней, средней и новой истории. По своему содержанию он предназначался только для средней школы. Последние издания были в 1916 году.

Русский исторический атлас, составленный К. Кудряшовым, издан в 1928 году. Атлас получил при выходе первую премию от Экспертной комиссии Цекубу и ЦБ СНР, но в настоящее время успел устареть и требует переработки.

Из иностранных изданий следует отметить общеизвестный немецкий атлас Пуцгера; он довольно полно охватывает разделы всемирной истории от государств Древнего Востока и до наших дней. Имеется в нем несколько историко-экономических карт.

Своеобразие его в том, что истории каждого крупного государства посвящена специальная серия карт, что облегчает наведение соответствующих справок по отдельным государствам.

Этот же принцип построения, но более строго, выдержан Ротертом в его атласе, который носит заглавие «Восемь великих держав».

Американский атлас Шеперда в основной своей части повторяет содержание атласа Пуцгера почти до полной тождественности как в географических основах, так и в нагрузке карт. Однако материал, заимствованный у Пуцгера, значительно дополнен другими картами, среди которых ценны и интересны карты по Испании и Франции, взятые из старого французского атласа Шрадера по исторической географии. Самостоятельно и подробно разработаны карты по истории Северной Америки. Из иностранных атласов это один из наиболее полных по содержанию.

Французский атлас, составленный Видаль ла Бланш, имеющий формат больших настольных атласов, разработан оригинально. Больше всего в нем отведено внимания истории Франции.

Из английских атласов на первом месте стоит «Philips

Historical Atlas», охватывающий средние и новые века. Подробнее всего разработана история Англии и история колониальной политики. И по содержанию и по выбору географических основ — это один из наиболее оригинальных иностранных атласов. Наличие историко-экономических карт выгодно отличает его от других подобных изданий.

Следует еще назвать подробный атлас по исторической географии США, изданный институтом Карнеджи и Американским географическим обществом в 1932 году.

Почти все перечисленные выше атласы значительно превышают требования средней школы и, очевидно, рассчитаны не на ее потребности, а имеют в виду запросы слушателей высшей школы. Конечно, с точки зрения марксистских установок, развитых и углубленных в замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников по истории, перечисленные атласы являются неудовлетворительными. В настоящее время стало очередной задачей составление и издание учебного исторического атласа, вполне отвечающего современным научным и педагогическим требованиям для начальных и средних школ нашего Союза.

Работа с картой в школе

Научно и методически правильно составленная карта, хорошо при этом оформленная, является прекрасным педагогическим орудием в руках знающего, опытного преподавателя. Педагогические приемы пользования ею разнообразны¹.

Чтобы добиться от учащихся твердого знания исторической карты, нужно прежде всего научить их уметь читать карту. Привить ученикам навыки чтения карты — это самая настоятельная задача, разрешение которой для педагогической работы в классе совершенно необходимо. Надо обратить внимание учащегося на то, что государственные и областные границы обозначаются неодинаково, что столицы обозначаются иначе чем крупные города, что названия государств

¹ Автор имеет в виду посвятить этому вопросу специальную статью.

пишутся иным шрифтом чем провинции или колонии. Следовательно, глядя на мировые карты колониальных разных эпох и сравнивая их между собой, можно определить и без рассказа преподавателя, какие государства раньше были независимы и когда они попали в сети хищнической эксплуатации империалистических держав. Раз'яснив школьнику на примере одной какой-либо части карты, что наименования государств пишутся иным шрифтом чем географические местности, можно требовать, чтобы в этом вопросе учащийся на остальной части карты разобрался самостоятельно. Если он хорошо понял преподавателя и если карта оформлена правильно, то учащийся после этого не ошибется и не сочтет Судан или Аравию за государство, и т. д.

Итак, научить искусству читать карту — это значит научить уметь понимать карту.

Чтобы добиться от учащихся твердого усвоения карты, следует в преподавании истории поставить на одно из первых мест работу с контурной картой. Работа эта достаточно себя оправдала. Прежде чем вывесить печатную стенную карту в классе, полезно, чтобы преподаватель во время своих объяснений перед классом на большой контурной карте последовательно наносил те объекты, о которых идет его рассказ. При этом полезно прибегать к черным силуэтным изображениям, которые хорошо закрепляются в памяти учащихся благодаря отчетливому зрительному впечатлению.

Еще удобнее воспользоваться готовым бланком схематической исторической карты, исполненной черной краской, где нанесены уже все необходимые территориальные границы, города и надписи. В этом случае преподавателю рекомендуется на определенную тему иметь несколько таких бланков, чтобы последовательно закрашивать на каждом из них только то, о чем будет рассказано на уроке. Например для темы «Московское государство XVII в.» на первом бланке можно закрасить то, что относится к крестьянской войне, а также московские территории, захваченные польскими и шведскими интервентами к 1611 г.;

на втором — закрасить территорию Украины, отошедшую от Польши к Москве; на третьем — закрасить то, что относится к движению Разина, и т. д.

Обозначения преподавателем должны быть просты, схематичны, наноситься постепенно, по мере хода объяснения. После этой предварительной работы внимание учащихся можно обратить уже на печатную карту, где все эти данные суммированы. Несмотря на большую нагрузку печатной карты учащиеся без особого труда найдут те данные, о которых им только что было рассказано. Последовательность в этом вопросе очень важна.

Существенным дополнением является домашняя работа учащихся над контурной картой. В целях экономии времени не следует заставлять школьников к каждому уроку вычерчивать на восковке контуры заданной карты. За недостатком времени школьник будет вынужден вычерчивать контуры наспех, неточно и неаккуратно, чего именно и следует избегать. Предпочтительнее на готовой печатной контурной карте обвести тушью все нужные реки, пунсоны городов, нанести горы, затем раскрасить и надписать, причем очень важно по указанию преподавателя провести различие в шрифтах соответственно различию в объектах, как это и делается на печатной карте.

Для обозначения завоеванных территорий не рекомендуется пользоваться флажками, которые обозначают в сущности только отдельные точки. Чтобы создать зрительное впечатление о целой территории, лучше всего залить тушью необходимое пространство на контурной карте, т. е. прибегнуть к силуэтному изображению, которое надолго врежется в память. Изготавливать карты для классного употребления иногда поручают учащимся под руководством преподавателя, но это допустимо только в том случае, если обеспечено хорошее исполнение карт. Плохо выполненная, искаженная карта не принесет пользы. Следует выполнение карты поручать опытному картографу или художнику с неуклонным соблюдением тех условий картографического оформления, о котором было уже сказано.

**ЗАПИСИ УЧАЩИХСЯ
ПО ИСТОРИИ
В НЕПОЛНОЙ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ**

1

Вследствие отсутствия учебников по истории учащимся в средней школе для закрепления в памяти излагаемого им на уроках материала приходится вести записи. Ясно поэтому, что вопрос о содержании, объеме и методике этих записей учащихся чрезвычайно важен.

В настоящее время в содержании и методике этих записей наблюдаются три основных недостатка. Первый из них основан на неверном мнении некоторых учителей истории, считающих, что учащийся якобы может закрепить в своей памяти лишь то, что он запишет. При такой установке учитель часто центром тяжести своего урока делает не повторение предыдущего материала и систематическое изложение нового, а записи. На рассказ учителя, который им рассматривается как некий принудительный ассортимент к записям (нельзя ведь начать урок прямо с записи!), отводится минут 10, все же остальное время идет на записи. При таких условиях рассказ, конечно, чрезмерно краток, отрывочен, схематичен.

Самая же запись в этих случаях проводится часто в форме диктовки, излагающей содержание какого-либо старого учебника — Никольского или Гуковского — с некоторыми сокращениями. При таком построении урока у учащихся в тетради получают объемистые записи по истории, превращающие эти тетради во «второе, ухудшенное издание» и без того плохого учебника. Примером подобных записей может служить точная выдержка из тетради одной ученицы 7-го класса по теме «Германия в XII — XV веках»:

«Священная Римская империя в XIII веке — феодальное государство с сильной раздробленностью владений, со слабо устроенной властью, наиболее крупные владения: Бранденбург, Саксония, Пфальц, Король Чехии и владения архиеп. в Майнде, Трире, Кельне. Кол. движение немцев на восток в XIII веке»¹.

Нетрудно видеть, что такого рода записи не только искажают содержание материала урока, но являются для учащихся упражнением в орфографических и пунктуационных ошибках.

Второй недостаток записей по истории заключается в том, что они делаются учениками сплошным текстом, без выделения основных моментов содержания урока. Такого рода запись не достигает своей основной цели — служить материалом для закрепления знаний учащихся, так как учащийся, пользуясь тетрадью, не знает, что нужно выделить как главное.

Третий недостаток — учителя или совсем не просматривают тетрадей учащихся по истории или просматривают их очень бегло, не исправляя ни ошибок по содержанию, ни орфографических и пунктуационных ошибок.

Вот пример безграмотности записей по истории, не исправленных учителем и искаживших знания учащихся. На испытаниях в 7-м классе в одной из школ Москвы ученица сообщила следующие сведения об Яне Гусе: «Ян Гус был архитектором (?) Пражского университета. Он (?) отказался от своих убеждений и за это был сожжен».

На вопрос присутствовавшего на испытаниях представителя Наркомпроса, откуда она почерпнула такие сведения, ученица сослалась на свои записи по истории, и действительно, по проверке оказалось, что на испытаниях она буквально передавала свои записи о Яне Гусе. Трудно предположить, чтобы ученица слышала такую чушь от преподавателя. Такое искажение получилось, вероятно, вследствие торпливой записи на уроке, не проверенной и не исправленной учителем.

¹ Газета «За коммунистическое просвещение» № 72 от 26 мая 1936 года.

Центром урока по истории должны быть не записи учащихся, а систематическое изложение учителем в занимательной форме исторического материала и подведение на его основе учащихся к марксистскому пониманию истории.

Записи должны играть на уроке подчиненную роль. На них надо отводить около 20—25% времени урока, т. е. примерно не более 10—12 мин. В связи с этим учитель должен тщательно подготовиться к изложению нового материала, помня, что при ярком и образном изложении его, с демонстрацией наглядных пособий, учащиеся и при минимальной записи закрепят в своей памяти основные моменты из его рассказа.

Из излагаемого материала учитель делает отбор того, что должно быть записано учащимися в тетради.

Например на первом уроке по истории Египта учитель рассказывает учащимся о географии Египта, его природных условиях (называет реку Нил, Средиземное море), говорит о климате, о водных сооружениях Египта и их значении. Географические названия учитель показывает на карте. Ясно, что нецелесообразно учащимся записывать в тетради эти названия, так как они всегда могут найти их в атласе или карте из учебника. Зато времена года в Египте и название водных сооружений должны быть записаны.

По уроку на тему «Природа и занятия населения древнего Египта» в тетради учащегося по истории может быть сделана примерно такая запись:

Природа и занятия населения древнего Египта

1. Географическое положение древнего Египта.
2. Значение Нила: Нил дает Египту влагу и удобрение (ил).
3. Времена года в древнем Египте: июль — октябрь — «пресное море», ноябрь — февраль — «цветущий ковер», март — июнь — «пыльное поле».
4. Водные сооружения египтян: каналы, плотины, насыпи, искусственные озера.

5. Возделывание египтянами пшеницы и льна.

В соответствии с директивными указаниями партии и правительства в тетрадях учащихся должны быть записаны наиболее важные исторические факты в их хронологической последовательности: имена, даты, отдельные географические названия, цитаты, а также короткие выводы по уроку.

Многие учителя стараются отразить все эти моменты в конспекте каждого урока, который под их диктовку записывают учащиеся.

Вот пример записи такого конспекта урока в 6-м классе на тему «Франкское королевство»:

«Франкское государство возникло в V веке. В VI веке благодаря завоеваниям короля Хлодвига и его преемников (из династии Меровингов) в состав королевства вошли Галлия и рейнские области Германии.

Во Франкском королевстве выросло крупное светское и духовное землевладение, свободные крестьяне превратились в крепостных.

Вся власть в королевстве сосредоточилась в руках крупных землевладельцев. Один из них — Пипин — в VIII веке сверг династию Меровингов и положил начало династии Каролингов. Большую помощь в этом ему оказал римский папа, которому он подарил Папскую область (754 год) и этим положил начало светской власти пап».

Такого рода запись также имеет целый ряд недостатков. Она отнимает довольно много времени. К тому же не выделены центральные вопросы. Учащиеся обычно такую запись зубрят, так как она не дает им никакого простора для самостоятельного продумывания материала.

В результате таких записей вместо конкретного, фактического материала в памяти учащихся закрепляются одни схемы.

Поэтому записи по истории целесообразнее делать не в форме конспекта, а в форме группировки записываемого материала вокруг нескольких центральных вопросов урока. Этим требованиям соответствует такая форма записи, при которой учащиеся за-

писывают план урока, кратко раскрывая отдельные его пункты.

Такая запись по истории проводится следующим образом. Приступая к изложению на уроке нового материала, учитель пишет на доске план. План этот состоит из нескольких (не больше 4—5) основных пунктов. По этому плану учитель ведет свой рассказ. По окончании его, закрепляя изложенный материал, учитель по каждому пункту ставит перед учащимися вопросы. Ученики дают на них ответы. И вопросы и ответы, в немногих словах раскрывающие содержание пунктов плана, учащиеся записывают в тетради.

Таким образом, записи целесообразнее делать после изложения нового материала, чтобы запись совпадала с устным закреплением материала. Однако в отдельных случаях, когда этим не нарушается цельность рассказа учителя, запись может быть сделана в процессе рассказа, после отдельных этапов его.

Для примера записи возьмем урок по истории в 5-м классе на тему «Общественный строй древнего Египта». Вот какая примерно запись делается в тетради учащихся в результате данного урока:

Общественный строй древнего Египта

1. Заселение долины Египта — за 5000 лет до нашей эры.
2. Номы — области древнего Египта; номархи — начальники номов.
3. Образование единого египетского царства — 3200 лет до нашей эры.
4. Классовый состав населения древнего Египта: рабовладельцы (фараон, сановники, жрецы, писцы), рабы, крестьяне и ремесленники.
5. Постройка великих пирамид (пирамида Хефрена) — 2800—2700 лет до нашей эры.

Сфинкс — изображение животного с головою человека.

В некоторых случаях достаточно ограничиться даже одним только планом, без детализации отдельных его пунктов. Так можно поступить, например, когда учитель рассказывает учащимся 5-го класса содержание Илиады и Одиссеи. Материал этот так интересует учащихся и настолько за-

крепляется в их памяти, что им достаточно записать только план, с тем чтобы к следующему уроку приготовить по нему рассказ. Вот почему запись на этом уроке представляется нам в следующем виде:

Поэмы Гомера

Илиада (24 песни)

Описание Троянской войны.

1. Причины войны.
2. Поход на Трою.
3. Осада Трои.
4. Взятие Трои.

Одиссея (24 песни)

Приключения Одиссея.

1. Пребывание его у циклопов.
2. Спасение от сирен.
3. Сцилла и Харибда.
4. Возвращение Одиссея на остров Итаку.

Этот план без дальнейшей детализации записывается на уроке после рассказа учителя. По этому же плану учащиеся должны к следующему уроку подготовить рассказ.

Вот пример записи по истории в 6-м классе по уроку на тему «Реформы Тиберия Гракха»:

1. Личность Тиберия Гракха: Тиберий Гракх был нобилем; он добивался наделения крестьян землей.
2. Избрание Тиберия в народные трибуны на 133 год до нашей эры.
3. Земельный закон Тиберия Гракха: излишки общественной земли сверх 125 га отбираются от нобилей и распределяются между обезземеленными крестьянами по 7½ га.
4. Борьба Тиберия Гракха за проведение в жизнь своего закона.
5. Гибель Тиберия Гракха: нобили составили против него заговор и убили его (133 год до нашей эры).

Возьмем еще один пример из курса 7-го класса. Тема урока: «Филипп IV Красивый». Вот что должно быть записано в тетради учащегося после этого урока:

Филипп IV Красивый (1285—1314 годы)

1. Расширение королевской вотчины: завоевание Шампани и части Фландрии.
2. Борьба с церковью: борьба с папой Бонифацием VIII из-за обложения налогами церковных земель.

Давая эту схему учащимся, учитель заполняет ее вместе с ними на уроке в процессе повторения. Можно дать учащимся такую схему и надом для самостоятельного ее заполнения.

Больше всего нужно избегать в записях шаблона.

Объем записей зависит прежде всего от того, имеются ли у учащихся старые учебники.

При отсутствии учебников записи могут быть несколько полнее, но отнюдь не разрастаясь в какой-то конспект. Такою же, только несколько более детальной, должна быть запись и в классах с более слабо подготовленными учащимися.

Индивидуализация записей по истории в неполной средней школе выражается прежде всего в их объеме. В пятых классах записи должны быть очень краткими по объему и наиболее выразительными; здесь нужно стараться применить побольше наглядности в записях, т. е. организовать эту запись в форме схематического рисунка, таблицы, наряду с текстовой записью. В шестых и седьмых классах объем записи может быть несколько больше.

Кроме того индивидуализация записей в рамках неполной средней шко-

лы применительно к 5—7-м классам выражается еще и в том, что в этих классах все записи учащихся в тетрадях делаются после воспроизведения этих записей на доске, т. е. учащиеся списывают все свои записи с доски.

Для учащихся 7-го класса можно ограничиться тем, что на доске записывается только план, а более детальная запись делается учащимися самостоятельно.

Тетради учащихся по истории должны просматриваться учителем не реже 2 раз в течение четверти.

Все ошибки в этих тетрадях должны быть исправлены (в том числе и орфографические и пунктуационные) и подчеркнуты. Должна быть дана также оценка работы учащегося.

Сложность вопроса о записях по истории требует от учителя тщательного продумывания как формы, так и содержания их по каждому уроку в отдельности, в противном случае получаются случайные, наспех составленные записи. Только тщательная подготовка их до урока обеспечит их краткость и в то же время охват ими наиболее важных моментов урока, которые могут ускользнуть из памяти учащихся без письменной их фиксации.

С. Кан

Жорж Лефевр «Аграрный вопрос в эпоху террора». Соцэкгиз. 1936. 203 стр. 5 р. 35 к.

1

Известно, какое большое значение придавали основоположники научного социализма участию народных масс не только города, но и деревни в буржуазных революциях. В предисловии к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс подчеркивает большую роль, которую сыграло западноевропейское крестьянство в трех великих буржуазных революциях: в реформации в Германии XVI века, в английской революции XVII века и французской революции XVIII века. Позднее Ленин также неоднократно указывал на выдающуюся роль французского крестьянства в революции XVIII века. В одной из своих работ В. И. Ленин писал: «Только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию»¹.

Однако несмотря на прямые указания классиков марксизма-ленинизма очень многие советские преподаватели-историки уделяют далеко не достаточное внимание проблемам аграрной истории французской революции XVIII века. Изучая в классах и аудиториях историю Франции конца XVIII века, они обычно лишь мимоходом останавливаются на развитии классовой борьбы в деревне и ограничиваются, как правило, анализом почти исключительно одних явлений городской и преимущественно парижской жизни.

Причиной этой односторонности являлось почти полное отсутствие как русской, так и иностранной литературы, посвященной аграрному вопросу в период французской революции, что и заставляло до самого последнего времени многих преподавателей-историков если не игнорировать совсем крестьянское движение 1789—1794 годов, то, во всяком случае, уделять ему слишком мало внимания.

Действительно, даже в работах представителей так называемой русской школы: Кареева, Ковалевского и Лучицкого,—специально занимавшихся экономической французской деревней XVIII века, собственно проблемы аграрной революции затрагивались лишь от случая к случаю и монографически не разрабатывались.

Невелики были в этом отношении и результаты трудов Кропоткина, особенно

интересовавшегося, как известно, народным и, в частности, крестьянским движением в эпоху французской революции 1789—1794 годов. В своем труде «Великая французская революция» Кропоткин не различает отдельных категорий крестьянства, противопоставляет привилегированным сословиям все крестьянство в целом и закрывает тем самым для себя дорогу к пониманию классовой борьбы во французской деревне конца XVIII века.

Из советских историков только один Н. М. Лукин дал серьезную научную работу, посвященную французской деревне и той борьбе классов, которая развернулась в ней в период действия 2-го и 3-го максимума².

Но и он, интересуясь главным образом результатами продовольственной политики Конвента, не мог, разумеется, осветить в своей содержательной статье все вопросы, связанные с аграрной историей французской революции.

До последнего времени совершенно недостаточно изученными оставались эти вопросы и в буржуазной исторической литературе. Несмотря на то что интерес к социально-экономическим проблемам значительно повысился со времени выхода в свет трудов Жореса и Матьеза, французская буржуазная историография мало интересовалась крестьянским движением 1789—1794 годов, и лишь совсем недавно в этом отношении наметился некоторый сдвиг. Работы двух страсбургских профессоров. М. Блоша³ и Ж. Лефевра—были, в сущности, первыми шагами на пути к серьезной научной разработке аграрной истории французской революции XVIII века. Это пробуждение интереса к истории крестьянского движения у отдельных историков из леворадикального лагеря французской буржуазии, повидимому, вызвано тем размахом антифашистского движения не только городских, но и деревенских масс, который наблюдается в последние годы во Франции.

2

Особенно интересны в этом отношении труды Ж. Лефевра. Начав с монографического исследования положения крестьян Северного департамента и их дви-

² Лукин «Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия 2-го и 3-го максимума». Статья в сборнике «Классовая борьба во Франции в эпоху великой революции». Соцэкгиз. 1931.

³ M. Bloch «Les caractères originaux de l'histoire rurale française» Oslo. 1931.

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 211.

ЖОРЖ ЛЕФЕВР

АГРАРНЫЙ ВОПРОС
в эпоху
ТЕРРОРА

Соцэкгиз — 1934

жения во время революции¹, Ж. Лефевр, ставший после смерти А. Матьеза редактором журнала «Исторические анналы французской революции», выпустил в 1932 году две книги по аграрной истории Франции: одну, посвященную крестьянскому движению осенью 1789 года, так называемому Великому страху², и другую—об «Аграрном вопросе в эпоху террора». Последняя недавно была выпущена в свет Соцэкгизом в русском переводе. Книга эта представляет большой интерес и для советского читателя, особенно читателя-историка.

Несмотря на ошибочность методологической концепции автора, она дает возможность судить о внутренней жизни французской деревни в период якобинской диктатуры, помогая вместе с тем до конца понять причины контрреволюционного термидорианского переворота.

Уже в одной из своих более ранних работ³ Лефевр выражал сомнение в правильности общераспространенных взглядов на развитие крестьянского движения во время революции. Движение это

обычно рассматривалось в исторической литературе как лишенное самостоятельного значения и всецело зависящее от развития классовой борьбы в французских городах и прежде всего в столице. На самом же деле, по мнению Лефевра, движение это имело вполне самостоятельное значение и вовсе не являлось простым отражением событий городской революции. «Необходимо сказать, что имела еще и крестьянская революция, независимая от городской, как по своему происхождению, так и по своим проявлениям, кризисам и тенденциям»⁴,—подчеркивал он позднее в другой статье.

По мнению Лефевра, нельзя утверждать, что революция вполне и до конца удовлетворила требования всех слоев населения французской деревни XVIII века. Значительная часть крестьянства обойдена законодательством не только Учредительного и Законодательного собраний, но и Коивента. Отсюда и выросло к весне 1794 года то определенное недовольство со стороны беднейших слоев деревни аграрной политикой якобинцев, которое вскоре привело к почти полной потере робеспьеристами своих связей с крестьянством. Резкое сужение социальной базы якобинской диктатуры не только в городе, но и в деревне—вот что обусловило неизбежность 9 термидора и торжество контрреволюции.

Уже в более ранних своих работах Лефевр подчеркивал свое несогласие с концепцией Лучицкого, автора ряда капитальных работ по аграрной истории Франции XVIII века⁵, утверждавшего, как известно, что французские крестьяне ко времени революции не только имели в своих руках большую часть земли (до $\frac{3}{4}$), но и сумели во второй половине XVIII века увеличить свои земельные участки путем покупок. По мнению Лефевра, нельзя оспаривать самый факт существования до революции многочисленных мелких земельных собственников, но отсюда нельзя делать вывод, что все крестьяне—или их огромное большинство—к моменту революции являлись такими собственниками. Во Франции XVIII века, так же как и в Англии, существовал уже «сельский пролетариат», говорит он, причем количество безземельных «хозяев» достигало по отдельным районам чудовищной цифры: во Фландрии, например, до 75% всех крестьян было совершенно безземельным, в округе Версаля, около Парижа,—до 70%, в нижней Нормандии—

¹ Lefebvre «Les paysans du Nord pendant la Révolution française». Lille. 1924.

² Lefebvre «La grande peur de 1789». Paris. 1932.

³ Lefebvre «La place de la Révolution dans l'histoire agraire de la France». Статья в журнале «Annales d'histoire économique et sociale». № 4 за 1929 г.

⁴ Lefebvre «La Révolution française et les paysans». Статья в журнале «Annales historiques de la Révolution française». № 56 за 1933 год, стр. 102.

⁵ «Крестьянское землевладение во Франции накануне революции, преимущественно в Лимузене». Киев. 1900. «Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 годов». 1912.

до 30—40%¹. Кроме того громадное большинство «собственников» владело совершенно недостаточным количеством земли: в Северном департаменте, специально изученном Лефевром, до 75% всех «собственников» владело меньше чем 1 гектаром земли. Ту же неприглядную картину можно было наблюдать накануне 1789 года и в ряде других округов Франции. Всюду налицо была исключительная земельная теснота и резкое аграрное перенаселение и, как неизбежное следствие этих явлений, широко распространенное нищенство.

Страдавшее от непомерной тяжести феодальных повинностей и налогового бремени крестьянство задыхалось от малоземелья. Наряду с богатыми крестьянами-кулаками (*cultivateurs aisés; grands fermiers* и т. п.), наряду с крестьянами-середняками (*cultivateurs, laboureurs* и т. д.), также зачастую арендовавшими землю, существовали многочисленные категории крестьян-бедняков и вовсе безземельных батраков (*journaliers*), вынужденных увеличивать свои карликовые наделы с помощью половничества и других форм кабальной, голодной аренды (*metayers*)².

В первой части рецензируемой книги Лефевр подвергает внимательному анализу аграрную политику якобинского Конвента; во второй части впервые опубликовывает больше ста интереснейших архивных документов. Документы эти, классифицированные по отдельным департаментам и расположенные в хронологическом порядке, представляют собой в большинстве случаев петиции, докладные записки и заявления различных групп крестьян, поданные в свое время в правительственные учреждения якобинской республики. Так же, как и другие, привлеченные автором материалы, документы позволяют ему осветить ряд малоизученных проблем аграрной истории Франции в период якобинской диктатуры и прежде всего вопрос об отношении деревенской бедноты к политике якобинцев в области отчуждения и продажи национальных имуществ (земель церкви и эмигрантов). Они освещают также ряд вопросов, связанных с борьбой наиболее обездоленных групп деревенского населения за расширение своего землепользования, за лучшие условия аренды, за сохранение старинной системы регламентации земледелия и, в частности, за сохранение старинного права выпаса.

Не имея здесь возможности изложить все богатое содержание книги Лефевра, мы остановимся лишь на одном из поставленных автором вопросов — именно на имеющем большой конкретно-исторический и методологический интерес вопросе об отчуждении национальных иму-

ществ и связанных с этим отчуждением мероприятиях якобинцев.

Известно, что незначительные, сделанные под давлением крестьянского движения 1789—1790 годов попытки Учредительного собрания утолить земельный голод деревни далеко не удовлетворили крестьянство. И декрет 14 мая 1790 года, предписывавший продавать национализированную церковную землю с торгов с рассрочкой платежа на 12 лет, и декрет 25 июня 1790 года, и инструкция 10 августа 1790 года, предписывавшие дробление больших земельных участков при продаже, фактически не применялись; уже 3 ноября того же, 1790 года в интересах казначейства рассрочка платежа была сокращена с 12 до 4 лет и введена была продажа земли крестьянам исключительно целыми, обычно крупными, угодьями.

Ни Законодательное собрание, ни позднее жирондистский Конвент не только не улучшили условий продажи национализированной земли, но и значительно ухудшили их: декретом 24 апреля 1793 года Конвент категорически запретил крестьянам коллективные покупки земли и, придав своему закону обратную силу, объявил недействительными все уже сделанные отдельными группами приобретения. «Этот декрет был исключительной мерой, направленной против бедняков»³ — правильно указывает по этому поводу Лефевр, отмечая в другом месте своей книги, что так же мало фактически давал беднейшим категориям крестьянства и предложенный 14 августа 1792 года агрономом Франсуа де Невшато декрет о передаче национализированных эмигрантских земель участками размером от 2 до 4 арпанов малоимущим крестьянам в вечную аренду. Декрет этот предписывал для установления размеров ренты пускать каждый участок с торгов; а это, разумеется, должно было неизбежно повести к тому, что всякое лицо, предложившее заплатить наличными, могло покупать, сколько ему вздумается»⁴.

Вскоре была оставлена и самая практика дробления эмигрантских земель, и эти земли, подобно церковным, стали распродаваться крупными угодьями, естественно, почти целиком переходя в руки деревенской и городской буржуазии.

Лефевр отмечает, далее, ту борьбу против попыток улучшить положение деревенской бедноты, которую вели в Конвенте жирондисты весной 1793 года. Ролан, поддержанный Клавьером, всеми силами настаивал на сохранении старых методов распродажи земли с торгов с десятилетней рассрочкой и одновременно протестовал против отдачи земли в аренду бедным крестьянам. При этом он указывал, что аренда не дает соответствующей выгоды казне и в то же время «не принесет тех выгод, которых ожида-

¹ Lefebvre «La place de la Révolution dans l'histoire agraire de la France», p. 510.

² Lefebvre «La Révolution française et les paysans», p. 104.

³ Лефевр «Аграрный вопрос», стр. 41.

⁴ Там же, стр. 44.

ли от увеличения числа собственников». И в области аграрного вопроса, таким образом, жирондисты руководствовались интересами лишь состоятельных, имущих кругов общества.

3

Только якобинская революция 31 мая—2 июня 1793 года, отстранившая от власти жирондистов, впервые поставила вопрос о наделении землей бедняков на практическую почву. Уже 3 июня, на следующий день после изгнания из Конвента жирондистов, Конвент постановил распродавать землю в рассрочку с ежегодным погашением долга мелкими суммами. В то же время для непосредственной раздачи беднейшему населению деревни земли Конвент опубликовал декрет, по которому каждый неимущий крестьянин, не имевший одного арпана земли, мог получить земельный участок при условии уплаты ежегодной ренты в 5% средней стоимости пашни и мог в дальнейшем выкупить полученный участок на льготных основаниях. 10 июня—через 7 дней после издания этого декрета—Конвент разрешил поголовный раздел общинных земель, а 17 июля ликвидировал все феодальные повинности.

Все эти мероприятия показывали, что нуждавшиеся в поддержке деревенских санкюлотов якобинцы не остались глухи к требованиям деревенских масс и на первых порах пошли навстречу голодному крестьянскому люду.

К сожалению, уже осенью того же, 1793 года правительство Робеспьера само фактически сорвало реализацию своих летних постановлений. 13 сентября раздача земли бедноте была приостановлена и право на получение арпана земли заменено правом на получение «неимущими» ссуды размером в 500 ливров для покупки земли на общих основаниях. «Сделанная уступка, — отмечает Лefевр, — была всего лишь кажущейся...»¹. На деле получение ссуд обставлено было рядом сложных формальностей и самое понятие «неимущий» на местах толковалось в самом узком смысле.

До весны 1794 года, т. е. до издания в марте 1794 года знаменитых вантозских декретов, якобинцы, следовательно, не сдвинули вопрос о наделении крестьян-бедняков землей с мертвой точки. Вантозские декреты, предложенные и проведенные в Конvente Сен-Жюстом в момент наивысшего обострения борьбы правящей робеспьеристской группы с эбертистами, были, безусловно, попыткой в интересах бедноты по-новому разрешить вопрос о национальном имуществе. Декреты эти предписывали немедленно приступить к конфискации имущества лиц, признанных врагами революции, и одновременно предлагали составить списки неимущих, в руки которых

безвозмездно должна была в дальнейшем перейти вся собственность подозрительных. Лefевр подробно анализирует эти важнейшие декреты и приходит к отличным от взглядов Матьеза и более правильным выводам.

Матьез, как известно, чрезвычайно переоценивал вантозские декреты, видя в них чуть ли не осуществление целой программы якобинского переустройства общества на новых началах, переустройства, которое должно было в конце концов привести к построению новой республики — «без бедных и богатых». «Дело шло уже не о временном насилии над враждебной партией, а о том, чтобы навсегда лишить ее собственности, уничтожить ее средства к существованию и на полученное от нее наследство поднять до социальной жизни всех вечно обездоленных»², — писал он по поводу этих декретов в III томе своей «Французской революции». Заслуга Лefевра состоит именно в том, что он, во-первых, еще раз убедительно доказал всю несостоятельность характерного для Матьеза подкрашивания мелкобуржуазных якобинцев под социалистов и, во-вторых, сумел связать вантозские декреты со всей предшествующей аграрной политикой якобинцев.

Лefевр прежде всего совершенно отбрасывает мысль о том, что вантозские декреты были лишь тактическим приемом — хитрым политическим маневром робеспьеристов, направленным против остатков «бешеных» и против эбертистов. «Обезоружить или ослабить противника, позаимствовав у него его же программу, всегда было недурным способом вести войну»³, — пишет он, указывая вместе с тем, что вантозские декреты были не только этим политическим маневром. Он не сомневается в том, что и Сен-Жюст и Робеспьер искренно желали улучшить положение деревенской бедноты и тем самым расширить и укрепить социальную базу якобинской диктатуры. Беда, по мнению Лefевра, заключалась в том, что смелое начинание якобинцев носило слишком неопределенный и расплывчатый характер и уже по одному этому «ни в коей мере не могло привести к исчезновению сельского пролетариата и положить конец аграрному кризису»⁴.

Лefевр подчеркивает, что Сен-Жюст, защищая интересы «неимущих», не дал в Конvente определения этого понятия и что в самом тексте вантозских декретов отсутствовало твердое указание именно на бесплатное наделение землей деревенской бедноты. В результате этой недоговоренности друзья «подозрительных» и враги бесплатного наделения крестьян землей — будущие термидорианцы — получили полную возможность саботиро-

² Матьез «Французская революция». Т. III, стр. 144.

³ Лefевр «Аграрный вопрос», стр. 59.

⁴ Там же, стр. 61.

¹ Лefевр «Аграрный вопрос», стр. 54.

вать в Конвенте реализацию вантозских декретов и свести смелый проект Сен-Жюста «к простому благотворительному мероприятию»¹.

Таким образом, и на этот раз якобинцы, несмотря на искренние намерения помочь деревенской бедноте, объективно, на деле, только поманили ее своими обещаниями, ничего не предприняв для того, чтобы наделить землей неимущих патриотов: Вантозскими декретами они восстановили против себя всех богатых собственников и одновременно оттолкнули от себя тех бедных деревенских хозяев, которые устали ждать и молить о помощи.

Такой же несостоятельной и не отвечающей пожеланиям крестьянства представляется Лефевру аграрная программа якобинцев и в других отношениях. Он пишет: «Сен-Жюст хотел создать известное количество совсем мелких землевладельцев; он применял более радикальные способы, нежели Учредительное собрание, но в сущности он лишь расширил его дело. Он ни словом не обмолвился относительно регламентирования эксплуатации земель, относительно крупных ферм, половничества различных форм земледельческой культуры, другими словами, фактически он солидаризировался с Учредительным собранием»².

Чем же объясняются, согласно Лефевру, все эти недостатки аграрной политики якобинцев?

Характерно, что Лефевр оказывается не в силах дать ясный, четкий ответ на этот важнейший вопрос — вопрос, являющийся ключом к правильному пониманию и объяснению причин 9-го термидора. В цитированной уже нами выше статье «Французская революция и крестьяне» он указывает, что робеспьеристы думали о том, чтобы возглавить движение низов деревни, но «что вопрос был столь сложный», их «знание» условий деревенской жизни столь недостаточны... «что они ограничились только одним жестом»³. В конце первой части рецензируемой книги автор объясняет недостатки аграрной политики якобинцев их социальным происхождением. Он указывает кроме того на то обстоятельство, что «монтаньяры не были крестьянами», что они «принадлежали к буржуазии, читали экономистов, а в деревнях им приходилось вступать в отношения главным образом с зажиточным крестьянством»⁴. Дальше он указывает еще на недостаточность давления на якобинское правительство со стороны неимущего крестьянства французской деревни и на боязнь якобинцев своим открытым выступлением в пользу деревенской бедноты «ускорить

распад партии санкюлотов, чье единство и так уже было поколеблено максимумом».

Нетрудно заметить, что именно полное непонимание классовых корней якобинизма неизбежно приводит Лефевра к безнадежной путанице при попытке объяснить причины половинчатости аграрной политики Сен-Жюста и Робеспьера.

Правильно ли, что якобинцы «принадлежали к буржуазии», а в деревне опирались на кулаков? Сам Лефевр на страницах своей книги указывает, что «идеалом якобинцев» была «демократия мелких самостоятельных собственников, независимых крестьян и ремесленников»⁵. Все социально-экономические мероприятия их, нашедшие свое теоретическое обоснование в речах Робеспьера и Сен-Жюста и в особенности в «Фрагментах республиканских учреждений» этого последнего, говорят о том, что диктатура якобинцев была не диктатурой буржуазии вообще, а, говоря словами Ленина, диктатурой «низших слоев тогдашней буржуазии»⁶, т. е. революционной демократии — городских ремесленников и мелких торговцев. В деревнях эта диктатура связана была не с зажиточной эксплуататорской верхушкой, а с середняками⁷, и до весны 1794 года она находила поддержку у всех вообще плебейских элементов города и деревни Франции.

Смешно было бы вместе с Лефевром полагать, что якобинцы не сумели разрешить аграрного вопроса и не смогли удовлетворить бедноту потому, что вопрос этот был для них «слишком «сложным» и «малопонятным». Ведь смогли же якобинцы блестяще разрешить такой «сложный» и «малопонятный» для них вопрос, как реорганизация армии. Лефевр не учитывает того простого факта, что мелкобуржуазные по самой своей социальной природе якобинцы неспособны были проводить благоприятную беднейшим слоям крестьянства политику в аграрном вопросе и отсюда их непоследовательность в разрешении этого вопроса.

В этом особенно ярко сказалось коренное, принципиальное отличие буржуазной революции XVIII века, наиболее активными борцами которой и были якобинцы, от нашей пролетарской революции. Не раз отмечавшаяся Лениным и Сталиным историческая ограниченность французской буржуазной революции XVIII века становится особенно понятной после ознакомления с полной противоречий и колебаний аграрной политикой робеспьеристов, о которой говорит Лефевр в своей книге.

Безусловно прав Н. М. Лукин, указавший в своей статье, что недостаток классового подхода к анализи-

¹ Лефевр «Аграрный вопрос», стр. 63.

² Там же, стр. 130.

³ Lefebvre «La Révolution française et les paysans», p. 126.

⁴ Лефевр «Аграрный вопрос», стр. 131.

⁵ Лефевр «Аграрный вопрос», стр. 131.

⁶ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 489.

⁷ Статья Н. М. Лукина о книге Лефевра. «Историк-марксист» № 6 за 1933 год, стр. 126.

руемым историческим явлениям — вообще основной порок Лефевра. Последний не является марксистом и считает себя учеником Ж. Жореса. Недостаток этот оказывается не только в неправильном и путаном ответе на основной вопрос книги: Лефевр, например, упорно отказывается считать Доливые — одного из первых теоретиков «аграрного закона», летом 1793 года выступившего с требованием полного раздробления крупных ферм, — выразителем настроений определенных кругов деревни. Основываясь на собранных им наказах и петициях крестьян, в которых последние действительно «ни о чем подобном и не просят»¹, он приходит к поспешному выводу, что идея «черного передела» вообще чужда была всем слоям французского крестьянства. При этом он забывает, конечно, что в наказах и петициях беднейшие крестьяне не могли вовсе говорить о своих истинных пожеланиях: документы эти направлялись в официальные правительственные учреждения Конвента, не отменившего и после революции 31 мая 1793 года декрета от 18 марта 1793 года, каравшего смертью за распространение идей «аграрного закона».

Не усматривает Лефевр и классового содержания в выступлении летом 1793 года правого монтаньяра Шарля Делакура, позднее ставшего термидорианцем. Делакура открыто высказывался против декрета 3 июня 1793 года о выделении части земли эмигрантов для раздачи ее в аренду беднякам. По мнению Делакура, превращение всех бедняков в мелких земельных собственников нанесло бы крупный ущерб республике, так как неизбежно сократило бы приток рабочей силы к фермерам и фабрикантам. «Неимущий должен находить источники существования не в сельском хозяйстве, — писал Делакура, — но в промышленности, в торговле, в ремеслах»².

Сказанного, мы думаем, достаточно, чтобы судить о положительных и отрицательных сторонах работы Лефевра. Несмотря на указанные недостатки — следствие порочного метода — и самое исследование Лефевра и собранные им документы представляют ценный вклад в литературу по этому вопросу. Нельзя не согласиться с покойным П. П. Щеголевым, автором предисловия к русскому изданию книги Лефевра «Аграрный вопрос», сопоставившим ее по значению для научной разработки истории французской революции XVIII века с работой Матьеа «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора».

В. Лосев

Ф. ПОПОВ. Хроника революционных событий в Самаре. 1902 — 1917 годы. Огиз. Куйбышевское издательство. 1936. 320 стр. 5 р. 60 к.

Книга Попова в основном составлена на основании архивных материалов губернского жандармского управления, канцелярии самарского губернатора, жандармского управления железных дорог и фабричной инспекции. Как необходимый и весьма существенный корректив к этим данным и как самостоятельный материал использованы также периодическая печать Самары, легальные и нелегальные революционные издания и целый ряд воспоминаний активных работников самарского большевистского подполья.

Хронику автор начинает с января 1902 года, так как именно с приездом в Самару в это время Г. М. Кржижановского и З. П. Невзоровой начинается искровский период Самарской партийной организации.

Но марксистские кружки существовали в Самаре и до 1902 года. В Самаре жил с 1889 до 1893 года Владимир Ильич Ленин. Здесь существовал кружок А. П. Скляренко, в котором принимал участие и Владимир Ильич. Здесь в эти годы происходят первые столкновения Ленина как марксиста с представителями народнической идеологии. Вокруг Ленина, Скляренко и Лалаянца стала группироваться революционная молодежь Самары. Этому, очень интересному периоду, так сказать, предыстории Самарской большевистской организации, автор посвятил краткий, толково составленный очерк, в котором показывает, как идеи марксизма, заложенные Владимиром Ильичем, стали завоевывать себе признание в рабочих кругах Самары и как стала налаживаться партийная социал-демократическая работа.

Как известно, партийная организация Самары сыграла большую организующую и руководящую роль в период искровства. Тов. Кржижановский в своих воспоминаниях совершенно правильно отмечает значение Самары: «Географическое положение Самары на Сибирской железнодорожной артерии и наличие здесь испытанного круга старых товарищей весьма благоприятствовали ходу работы. Сюда ехали окончившие ссылку и бегущие из ссылки и в известном, плановом порядке распределялись, далее, на работу самарским центром. Сравнительно быстро Самара сделалась по тому времени всероссийским центром по делам «Искры», и сюда стали все в большем и большем количестве приезжать товарищи»³.

В Самаре в январе 1902 года собрался съезд искровских работников, от ко-

¹ Лефевр «Аграрный вопрос», стр. 82.

² Там же, стр. 57.

³ Ф. Попов «Хроника революционных событий в Самаре», стр. 16.

тогого Ленин вел начало русской организации «Искры» и который Владимир Ильич приветствовал словами: «Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! Шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее—вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешнее!»¹.

Это выгодное положение Самары не только сделало ее одним из центров истрковского периода, но сыграло благоприятную роль и в дальнейшей истории большевистской организации Самары. Самара, как это устанавливает хроника, стала местом работы целого ряда видных партийных работников-профессионалов. Так, в Самаре в разное время работали, кроме Кржижановского, Свидерский А. И., Куйбышев В. В., Пятницкий, Бубнов А. С., Дубровинский, Зеленский И. А. и др. В Самаре была создана и работала типография ЦК. Кроме того партийными работниками иногда использовалась местная легальная печать, а с января 1914 года стал выходить большевистский еженедельник «Заря Поволжья», просуществовавший несмотря на драконовские преследования до начала войны.

Таким образом, самарские большевики давали немалую «работу» жандармским и охранным отделениям Самары.

Хроника, кропотливо и добросовестно составленная, с использованием широкого материала, дающего возможность проверки сообщаемых фактов по разным источникам, прежде всего позволяет установить совершенно точно, что большевистская организация Самары не прерывала своей работы даже в самые глухие годы реакции. Совершенно правильно утверждение составителя хроники тов. Попова, подкрепленное им соответствующими материалами, что Самарская организация была большевистской начиная с самого раскола партии на II съезде, влияние меньшевиков в Самарской организации было ничтожно и примиренческие течения или захват меньшевиками руководства в отдельных областях партийной работы носили случайный и кратковременный характер.

Хроника рассказывает о работе комитета, описывает случаи его провалов, провалов отдельных его членов, время, место и обстоятельства, при которых они происходили, и отмечает, что провалы не прекращали работы комитета, который вновь и вновь восстанавливался.

Самым тщательным образом показывает хроника такие важные моменты жизни и работы партийной организации, как выход и распространение комитетских листовок и прокламаций с указанием отдельных предприятий, на которых эта литература распространялась. Отмечаются не только общие собрания организации, но также и комитетские заседания, часто с указанием тех вопросов, которые обсуждались на них.

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 221.

Приведенные хроникой данные губернского жандармского управления о доходах и расходах организации (за 1903 год отмечают 1387 рублей 20 копеек всех поступлений в кассу комитета) дают возможность судить о размахе работы большевистского комитета.

По мысли составителя хроники, основной задачей ее было «собрать и свести в хронологическом порядке все имеющиеся в архивах фактические данные по истории Самарской организации РСДРП (большевиков) и революционных событий в Самаре под углом зрения руководящей роли РСДРП(б) в этих событиях» (стр. 3). Эта основная задача, как мы уже и отметили выше, выполнена. Исследователю, который захотел бы работать над историей Самарской организации нашей партии, хроника, действительно, дает ценный фактический материал, в основном проверенный и могущий служить основой для дальнейшей углубленной исследовательской работы.

Хроника показывает также, как под влиянием работы большевиков шел процесс роста классового самосознания рабочих Самары, их культурного и политического роста.

Хроника отмечает первую забастовку рабочих, состоявшуюся 27 марта 1903 года. Первая уличная революционная демонстрация произошла 19 ноября 1904 года. Политическая «раскачка» рабочих с этого времени шла усиленным темпом. Рабочие вовлекают в политическую жизнь и другие слои населения. Демонстрации рабочих входят в жизнь города как обычное явление в годы революционного подъема, а забастовки в Самаре происходили даже в самые глухие годы реакции—1908—1910. Хроника 1910 года занимает всего две странички, но составитель не забывает отметить забастовку рабочих механического завода Лебедева.

Хроника дает верную и полную картину роста профессионального движения рабочих Самары несмотря на жестокое преследования его со стороны властей; прекрасно рисует борьбу рабочих за свой рабочий орган «Зарю Поволжья».

Описанные в хронике денежные сборы рабочих на свой журнал напоминают поддержку рабочими своей «Правды».

Очень интересна хроника за 1914 год. 14 июля в Самаре с большим успехом прошли рабочие уличные демонстрации и однодневная всеобщая политическая забастовка протеста против расстрела питерских рабочих и в знак солидарности с забастовкой бакинских рабочих. На многих предприятиях эта политическая забастовка уже как экономическая продолжалась и в дальнейшие дни, нарушив нормальную жизнь города в самые последние дни перед объявлением войны. Работа большевиков за прежние годы особенно ярко сказалась именно в этот трудный для рабочего класса момент.

Самарские большевики выступили против империалистической войны. В последних двух номерах «Зари Поволжья», нащупывая правильную, большевистскую линию, они писали: «Долой войну!» — скажут и русские рабочие», «Сознательный пролетариат всего мира везде против войны». А в хронике за 29 октября губернское жандармское управление, констатируя выпуск Самарским комитетом антивоенных воззваний, пишет: «Предупредить выпуск воззвания не удалось в силу того обстоятельства, что более серьезная агентура ныне находится на театре военных действий» (стр. 267).

Само собой разумеется, что в таком большом, сложном и новом деле, как составление хроники революционных событий, жизни и работы партийной организации, без недостатков, неточностей и пропусков обойтись трудно. Из недостатков книги прежде всего отметим сравнительно слабое освещение связи Самарской организации с другими соседними организациями, а в особенности с партийными центрами. Исключительное положение Самары, позволявшее ей так широко пользоваться силами приезжих товарищей, и установленная хроникой непрерывная несмотря на провалы работа партийного комитета говорят как раз за то, что связи эти были разнообразнее и богаче, чем это выявлено хроникой. В частности, например, в хронике недостаточно показаны работа и состав членов Восточного бюро, работавшего в Самаре перед 1905 годом. Сведения о его деятельности можно было получить из статей В. Н. Соколова и В. Богомолова (см. «Техника большевистского подполья». Вып. 1-й, стр. 28—177 и 281—282).

Привлечение соответствующей литературы дало бы возможность найти немало нужных сведений и полностью показать связи Самарской организации с другими организациями и с нашими центрами.

Недостатком хроники является также отсутствие в предисловии к книге или, вернее, в очерке, где излагается предистория Самарской организации, хотя бы кратких сведений о промышленности города, о его предприятиях и количестве рабочих в них. То немногое, что есть об этом в очерке (стр. 6—7), совершенно недостаточно. Было бы вполне уместно, если бы в хронике кратко отмечался рост рабочих на старых и новых предприятиях города за те 15 лет, которые охватывает хроника, так как это не могло не сказаться на расширении партийной работы и на росте революционного рабочего движения.

Составителем хроники просмотрен, видимо, большой литературный материал (статьи, воспоминания и пр.), но, к сожалению, библиографического указателя в книге не имеется. Больше того, в тексте книги, где приводится та или иная выдержка, составитель ограничивается простой пометкой: «Из воспоминаний

такого-то». Когда, где напечатаны эти воспоминания, — об этом ни слова.

Это нужно признать очень серьезным упущением. Для книги, рассчитанной на научного работника и исследователя, указания на источники не менее, а, пожалуй, более важны чем, например, предметный или именной указатели.

Имеется в книге ряд сообщений, требующих пояснения. На стр. 179, в материалах охранного отделения, сообщается, что над партийным работником Абрамом Меркиным «назначен партийный суд по делу о выброшенных им явках, но он на суд не явился».

Далее в хронике упоминания о суде не имеется, но Меркин продолжал активно работать еще долгое время. Повидимому, это сообщение о суде было простой полицейской «уткой», и его надо было выбросить из хроники.

На стр. 166 сообщается, что на квартире у одного партийного работника во время обыска взят мимеограф с напечатанным на нем воззванием от имени «Самарского совета школьных старост ордена анархистов-масонов». Это сообщение дается от составителя, но пояснения, что это за орден «анархистов-масонов» и какое к нему могли иметь отношение партийцы-большевики механического района, нет никакого.

В донесениях секретной агентуры и в докладах жандармских и охранных отделений противоречий немало. Особенно это относится к годам реакции, что надо иметь в виду при пользовании этим материалом. Следовательно, составителю хроники надо было учесть это обстоятельство и сделать все возможное, чтобы проверкой по другим источникам или подтвердить данные охранных отделений или опровергнуть их. Это, к сожалению, в ряде случаев не сделано.

В общем книга тов. Попова — нужная и ценная книга. Инициативу Куйбышевского крайкома ВКП(б), предпринявшего и выполнившего сложную и кропотливую работу над книгой, надо всемерно приветствовать. Подбирать, систематизировать и проверять фактический материал о жизни и работе той или иной местной организации нашей партии — это значит делать нужную и ответственную работу по истории нашей партии, по истории большевизма. Свою, хорошо начатую работу тов. Попов и Истпарт Куйбышевского крайкома должны продолжать и далее, выполняя тем самым указания нашего вождя товарища Сталина о необходимости «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски»¹.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 477. 10-е изд.

«История древнего мира». Т. I, стр. 444.
Ц. 5 р. 25 к. Соцэкгиз. 1936.

Первая книга пятитомной «Истории древнего мира», издаваемой ГАИМК, посвящена истории древнего Востока. Кроме введения, написанного С. И. Ковалевым, и главы о доклассовом обществе древнего Востока, написанной И. Л. Снегиревым, все прочие главы книги составлены автором аннотации — академиком Струве. Книга подготавливалась как пособие для студентов наших исторических вузов, поэтому автор положил в основу ее свой курс истории древнего Востока, который он читал на историческом факультете Ленинградского Государственного Университета в 1934—1935 гг. Не перегружая изложения второстепенными деталями, я пытался дать самые существенные факты, имена и даты истории древнего Востока Средиземноморья. Я совсем не коснулся истории древней Аравии (ввиду невозможности решить здесь ряд важнейших проблем, как например хронологической проблемы. Та же причина заставила меня отказаться дать главы по истории древней Индии и Китая. Для лиц, желающих ознакомиться с историей этих стран можно рекомендовать теперь работы молодого ученого П. И. Осипова «О рабстве в древнем обществе Китая», «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 7—8 и его печатающийся в изданиях ГАИМК труд «Пути развития древнего общества Китая».

Вполне понятно, что в «Истории древнего Востока», предназначенной для высших учебных заведений, самой центральной проблемой является вопрос о характере эксплуатации в обществах древнего Востока. Я пытался доказать, что марксистско-ленинский тезис о наличии в истории классового общества самостоятельной эпохи рабства находит свое подтверждение и в том историческом материале, который оставили нам древние народы Ближнего Востока.

В первую очередь я стремился вскрыть корни ошибочного положения тех авторов, которые на страницах нашей советской печати утверждали, что способ производства в вавилонском и древнекитайском обществах был феодальным. Эта ошибка была обусловлена чрезвычайным упрощением столь сложной проблемы, как вопрос о возникновении феодализма. Действительно, по их мнению, процесс имущественного расслоения родовых общин приводил к тому, что родовая верхушка превращала земельные угодья и пастбища в свою собственность. Родовая верхушка, превратившаяся в землевладельцев, и создает государство как орудие угнетения бывших равноправных членов общины.

Столь упрощенное объяснение образования класса «землевладельцев» никак не может претендовать на разрешение

проблемы о возникновении класса «феодалных землевладельцев». Оно объясняет нам лишь возникновение той группы знатных землевладельцев, которую знало греческое общество эпохи Гомера или этрусское общество VII—VI веков до нашей эры. В данных обществах мы находим ту же зависимость народа от знатных землевладельцев, которую мы встречаем и в Сумире эпохи Урукагины и в Египте эпохи древнего царства.

Молодой советский историк Н. Н. Залесский в своей диссертации «Процесс образования классов в этрусском обществе» говорит о «примитивной зависимости» народа от знати, отличной и от рабства и от крепостничества при феодализме.

Основной ошибкой всех тех, которые отрицали рабовладельческий характер древневосточного общества, и было отождествление «примитивной зависимости» египетских или вавилонских народных масс от знати с крепостнической зависимостью при феодализме. Что же касается отношений между феодалом и крепостным, то здесь мы будем тщетно искать древней родовой зависимости. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (стр. 171, Партиздат. 1933) подчеркнул, говоря о племенной знати германцев и кельтов, что «эта древняя, так называемая племенная знать, в большинстве своем погибла при переселении народов или вскоре после него».

Не выделив специфического отличия между примитивной зависимостью народа от знати Египта и Вавилонии и крепостнической зависимостью крестьянина от феодала средних веков, вышеуказанные авторы делают ошибку, чреватую последствиями и в политическом отношении. Дело в том, что фашистские историки пытаются теперь возвести свою знать, наследие периода феодализма, к древней племенной знати, руководившей народом еще в доклассовую эпоху.

Другим, не менее важным звеном моей аргументации в пользу рабовладельческого характера древневосточного общества был сравнительно детальный разбор дошедших до нас судебных кодексов и, конечно, главным образом судебного кодекса вавилонского царя Хаммураби. В судебнике ярко отразился рабовладельческий характер вавилонского общества. Закон защищал рабовладельца от кражи и бегства раба. Смертная казнь угрожала укрывателю беглого раба. Раба клеймили как скот. Жестоко наказывали раба, ослушавшегося своего хозяина, и т. д.

Что же касается земельной аренды, о которой неоднократно говорит судебник Хаммураби, то она ничего общего не имеет с феодальной арендой. Арендные договоры были тогда в противоположность феодальной эпохе краткосрочными и не связанными с барщинными обязательствами. Кроме того арендаторы, согласно новейшей интерпретации судебного кодекса, принадлежали также к полноправным вавилонским гражданам. Прочие до-

шедшие до нас судебники (ассирийский и еврейский), подобно судебнику Хаммураби, столь же блестяще подтверждают тезис Ленина в его лекции о государстве, о том, что «рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы».

На основании сказанного я могу высказать надежду, что в этой моей книге в достаточной степени убедительно решен вопрос о рабовладельческом характере древневосточного общества. Конечно, для максимальной своей действительности книга требует уточнения целого ряда проблем и составления обстоятельного аппарата. Недочеты в этом отношении были обусловлены недостатком времени при составлении книги, которая должна была быть сдана в печать уже весной 1935 года. Во втором издании указанные недостатки будут устранены с тем, чтобы наша работа об «Истории древнего мира» могла бы быть максимально использована на советском историческом фронте.

И. Соколов

Б. А. ТУРАЕВ. «История древнего Востока». Под редакцией В. В. Струве и И. Л. Снегирева. Тт. I и II. Соцэкгиз. 1936. Стр. 337 и 341. Ц. 7 р. и 8 р.

Настоящий капитальный труд принадлежит покойному академику Б. А. Тураеву, одному из крупнейших русских ученых, автору многочисленных и весьма ценных трудов по истории, литературе, языку различных стран древнего Востока. Труд Б. А. Тураева является подробным курсом по истории древнего Востока и содержит материалы о древнейших обществах Египта, Вавилонии, Ассирии, Палестины, Сирии, Малой Азии и Ирана. «История древнего Востока» Б. А. Тураева снабжена большим количеством переводов с оригиналов различных литературных памятников и письменных документов социально-экономического характера, рисующих различные стороны жизни древневосточных обществ. Книга рассчитана на преподавателей, учащихся старших курсов вузов, а также на людей, занимающихся самообразованием.

В предисловии редакции вполне справедливо сказано, что «История древнего Востока» Б. А. Тураева является капитальным трудом, до сих пор не превзойденным по своему широкому охвату как в отношении пространства, так и времени. Работа Тураева обозревает всю территорию, простирающуюся от Кавказского хребта и Средней Азии, страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов. По времени «История древнего Востока» обнимает период образования первых обществ и дальнейшее их существование в течение пяти тысяч лет до нашей эры.

Труд русского ученого является более исчерпывающим чем аналогичная работа Г. Масперо «Древняя история народов классического Востока» и даже соответствующая часть большого труда немецкого ученого Эдуарда Мейера «История древнего мира», посвященная истории древних обществ. Таким образом, «История древнего Востока» акад. Б. А. Тураева остается пока единственным трудом, написанным одним автором, который довел историю Вавилонии, Сирии, Палестины, Ирана, Египта, Карфагена, Нубии, Аксума вплоть до так называемой эпохи эллинизма.

Надо отметить также, что акад. Б. А. Тураев, как историк, с одинаковым вниманием и интересом относится ко всем рассматриваемым им разнообразным обществам. Будучи по специальности египтологом, акад. Тураев, однако, с одинаковой объективностью изучал наравне с культурой Египта и культуру Вавилонии. При этом в отличие от немецкого ученого Эдуарда Мейера, который в своем пристрастии к Египту с ожесточением выступал против теории панвавилонизма, стремившейся всю культуру человечества выводить из одного центра — Вавилонии, — акад. Б. А. Тураев избежал этих перегибов Эдуарда Мейера, хотя и хорошо понимал все ошибки и заблуждения теории панвавилонизма. В противоположность Эдуарду Мейеру, который в своем труде на первом месте поставил египетское общество и лишь на второе место — вавилонское, акад. Тураев, отнюдь не настаивая на большей древности вавилонской культуры перед египетской, признавал большую действительность первой перед второй и поэтому начал изложение истории древнего Востока с истории Вавилонии. Такую позицию Б. А. Тураева надо признать вполне правильной, так как от Вавилонии дошли до нас и судебник царя Хаммураби и большое количество хозяйственных документов, рисующих характер общества, а от Египта же такого материала до нашего времени не сохранилось.

Труд Б. А. Тураева насыщен конкретным материалом из общественной жизни древневосточных народов, который сохраняет и сейчас всю полноту научной ценности и разносторонней исторической значимости. Это богатство материала отразилось как на фактической стороне изложения всего труда, так особенно в огромном количестве выдержек из первоисточников. Тексты первоисточников в целом представляют солидную хрестоматию по истории народов древнего Востока. Б. А. Тураев был энциклопедистом в своей специальности и прекрасно изучил древневосточные языки. Переводы из первоисточников были сделаны им самим. Читатель «Истории древнего Востока» в первую очередь должен ознакомиться с его переводами из первоисточников, как фундаментальной базой всего исследования.

Но в методологическом отношении труд Б. А. Тураева не может удовлетво-

рять советского читателя: автор никогда не был марксистом; его позиции оставались неизменно идеалистическими. Он совсем не касается истории Индии и Китая, мало говорит о социально-экономических закономерностях в истории древнего Востока, оставляет в стороне классовую борьбу между рабами и рабовладельцами, имевшую место в древних обществах, устанавливает для всего Востока феодальный строй; больше всего автор говорит о развитии духовной культуры на Востоке и о значении религии. Б. А. Тураев стоял на позициях, чуждых диалектико-материалистическому учению о языке, созданному впоследствии академиком Н. Я. Марром; он переоценивал роль географического фактора в истории. Эти недостатки труда Б. А. Тураева читатели обязательно должны иметь в виду при чтении его «Истории древнего Востока».

Что касается общего построения «Истории древнего Востока», то весь курс открывается введением, в котором речь

идет об источниках, истории науки, хронологии, географических условиях и этнографии древнего Востока (т. I, стр. 1—74).

В первом отделе обзревается сенаарско-египетская эпоха (стр. 75—199), во втором—египетское общество (стр. 260—337), в третьем—Ассирия (т. II, стр. 1—75), в четвертом—Мидо-халдейское царство (стр. 76—108), в пятом—Персия (стр. 109—201), наконец, в шестом отделе исследуются древневосточные культуры в эпоху эллинизма (стр. 202—291). Каждый том снабжен указателем имен.

Книга Б. А. Тураева имеет многочисленные и весьма ценные иллюстрации, а также карту древнего Востока. Издана книга на хорошей бумаге, в красивом переплете, но шрифт издания мелкий, затрудняющий возможность пользования этой ценной книгой.

«История древнего Востока» академика Б. А. Тураева—необходимое пособие для каждого преподавателя и студента-историка.

В. Аленсеев

ПАМЯТНИК ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Музей обороны Царицына, открытый 3 января 1937 г. в Сталинграде, ставит своей основной задачей осветить тот исключительный по своему значению момент гражданской войны, когда на берегах Волги и Дона решалось будущее нашей страны.

История обороны Царицына — это целая эпопея необыкновенных подвигов и героизма, это история великой борьбы, возглавляемой товарищем Сталиным, благодаря гениальной стратегии которого плохо защищенный и слабо обороняемый Царицын стал неприступной крепостью — красным Верденом. Под его руководством армия царицынского фронта, значительно уступавшая врагу как по численности, так и по вооружению, не только трижды отбросила от Царицына белые красновские банды, но и заставила убраться восвояси империалистических немецких оккупантов.

Товарищ Сталин, как известно, приехал в Царицын в качестве уполномоченного партии и правительства для руководства всем продовольственным делом на юге России, имея чрезвычайные права по налаживанию отправки продовольственных грузов на север.

Но с первых же шагов, с первых же дней своей деятельности в Царицыне товарищ Сталин столкнулся с необходимостью организовать военную работу — оборону Царицына, защиту Поволжья и всей Страны советов.

Эти исключительные по своему значению дни военной деятельности товарища Сталина, дни героической борьбы царицынского пролетариата, до сих пор освещенные только в отрывочных материалах, полно и последовательно отображены теперь в Музее обороны Царицына имени И. В. Сталина.

1

В Музее имеется всего восемь отделов, в которых расположены исторические материалы от начала Октябрьской революции до отдела «Социалистический Сталинград».

Центральными отделами являются те, которые показывают героическую оборону Царицына в 1918 году, с момента

приезда в Царицын товарища Сталина (6 июня 1918 года) до разгрома белых банд в период второго окружения города.

Отдел «Начало гражданской войны» открывается большой, исполненной под бронзу скульптурной группой «Сталин и Ворошилов» работы скульптора Лишева.

Схема расположения красных войск по линиям железных дорог, ведущих на Царицын и Воронеж, и концентрация на этих участках калединских банд показывают стремление белого казачества овладеть пролетарским Царицыном и, захватив Волгу, соединиться с уральскими контрреволюционными войсками и белыми бандами, оперировавшими под Астраханью. Первые сражения с калединскими бандами, против которых царицынские большевики могли выставить в то время лишь небольшие по численности отряды, начинаются еще в конце 1917 года.

Помимо документов в этой части отдела помещается ряд фотоснимков первых красногвардейских отрядов, направляющихся на фронт. Их еще мало, но подкрепления идут непрерывно. В январе—феврале 1918 года на помощь пролетарскому Царицыну пришли революционные казачьи полки, выступившие в ряде станиц (Великокняжеской, Усть-Медведицкой и др.) на защиту власти советов.

К марту 1918 года генерал Каледин был разгромлен. В Музее даны копии телеграммы В. И. Ленина руководителям фронта, в которой он приветствует беспощадную борьбу с калединщиной и дает директиву — во что бы то ни стало взять Ростов.

24 февраля Красная армия взяла Ростов. Но на этом борьба не окончилась. Все новые и новые контрреволюционные силы приходили на смену Каледину и всеми средствами стремились захватить Царицын. Защитникам Царицына и центру руководства борьбой с контрреволюцией, штабу обороны, приходилось сталкиваться с рядом величайших трудностей: нехваткой оружия, отсутствием опытных военных руководителей и т. д.

В описываемом отделе Музея показаны здание штаба (в котором сейчас помещается Музей), портрет председателя исполкома Я. Ермана, погибшего в июле 1918 года от руки белогвардейца, и портрет командующего в этот первый период революционными войсками царицынского фронта Тулака, также погибшего в одном из сражений. Дальше в витринах отдела представлены документы и фото, отражающие работу организованной при штабе обороны казачьей секции, которая вела работу среди казачества и помогла во многих станицах переходу на сторону революции его передовых слоев.

Вслед за разгромленной в феврале 1918 года калединщиной на Дону под-

нимает восстание генерал Краснов, организуемый при помощи немецких оккупантов новое наступление на Царицын. Борьба с Красновым, ставленником германского империализма, иллюстрируется в Музее документами о том, как хозяйничали на Дону немецкие оккупанты. Здесь есть копия письма Краснова к Вильгельму II, в котором генерал призывает на помощь немецкую армию; имеется также копия договора Краснова с германской армией о поставке ему оружия. В этих документах во всей наготе предстает гнусный облик палача трудящихся — Краснова, продавшегося германскому империализму.

Особое место в отделе Музея занимает показ борьбы и героической гибели подтелковской экспедиции, организовавшей на помощь революционным войскам казачьи полки. Герои ее — казаки Подтелков и «Кривошлыков» — были предательски захвачены и погибли так же героически, как и боролись с врагом. В отделе выставлены список расстрелянных белыми казаков, портреты Подтелкова, Кривошлыкова, а также ряд воззваний и постановлений Донревкома, подписанных Подтелковым.

В этом же зале Музея размещен отдел «Приезд товарища Сталина в Царицын». Этот отдел открывается редким портретом товарища Сталина (снимок 1918 года) и выдержкой из письма Ленина к питерским рабочим о борьбе с трудностями, которые встают перед революцией.

Весной 1918 года страна переживала тяжелые хозяйственные трудности — разруху на транспорте и в промышленности. Украина была оккупирована немцами. В Сибири хозяйничали чехословаки и белогвардейцы.

Царицын становится в этот момент узловым пунктом дальнейшей борьбы, где решается судьба страны — спасение от голода и оборона социалистической родины.

Но в Царицыне в это время господствовал полнейший беспорядок и разгул спекуляции. Поезда с хлебом неделями простаивали на железнодорожных станциях под Царицыном. Тов. Орджоникидзе, приехавший с юга в Царицын 25 мая, писал в Москву Ленину и Сталину:

«...Положение здесь неважное, нужны решительные меры, а местные товарищи слишком дряблы, всякое желание помочь рассматривается как вмешательство в местные дела...».

Царицын заплотняли офицеры, спекулянты, различные бывшие люди, чувствовавшие себя здесь очень свободно.

По городу шныряли бывшие фабриканты, мелкие лавочники, офицеры, проститутки, покупавшие и перепродававшие все, что только можно было и на что был спрос.

Станции от Тихорецкой, Лихой, Чирской, Калача и вплоть до Поворина и Борисоглебска были забиты мешочниками.

На царицынском вокзале тысячи людей

Скульптура товарища Сталина у главного входа Музея (работа скульптора Нерода).

с мешками, набитыми хлебом и крупой, ждали поездов на север, требовали этих поездов, хозяйничали на транспорте.

Царицынский совет неоднократно обсуждал вопрос о разгрузке города, но дело с места не двигалось, так как совет в большинстве случаев дальше бесхребетных резолюций не шел.

Между тем общее положение в стране к этому времени становилось с каждым днем тяжелее.

Не хватало хлеба и продовольствия. Многие районы, богатые хлебом, были захвачены белогвардейцами. Транспорт не справлялся с переброской продовольствия с юга и с востока, где с минуты на минуту его могли захватить враги.

Царицын, расположенный в чрезвычайно важном пункте хлебопроизводящей полосы, мог и обязан был дать достаточное количество хлеба стране, но местное руководство смотрело на продовольственную работу как на несостоящую внимания. Здесь не было введено ни хлебной монополии, ни твердых цен на хлеб, ни карточной системы, что содействовало пышному расцвету спекуляции и утечке хлеба. Продовольственное дело оставалось в руках дореволюционной продовольственной управы.

В Москве и Петрограде хлеб не выдавали по несколько дней. Сибирский хлеб уже в начале июня оказался в руках врагов, отрезавших при помощи штыков интервентов сибирскую магистраль.

В воззвании Совнаркома, опубликованном 31 мая, говорилось:

«Настали дни и недели величайших трудностей, тяжчайших испытаний. Если мы сокрушим сейчас сопротивление сельской буржуазии и с оружием в руках обеспечим себя хлебом до нового урожая, — мы будем непобедимы».

В своем письме к питерским рабочим Ленин со всей остротой подчеркивает надвинувшуюся опасность: «Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август»¹.

Нужны были героические усилия, чтобы дать стране хлеб, построить и вооружить армию и уничтожить врагов.

Гений Ленина учел, что главная задача заключалась в том, чтобы организовать снабжение голодающих районов, объявить «крестовый поход» за хлебом. Ленин призывал партию и всех трудящихся к борьбе за хлеб. Югосток нашей страны в это время был единственным местом, который мог дать хлеб голодающим пролетарским центрам, мог ослабить продовольственный кризис, помочь продержаться стране социализма до того, как будут разбиты враги.

Хлеба здесь было много, но каждый пуд хлеба надо было брать с бою и, продвигая его к пролетарским центрам, с оружием отстаивать от белогвардейцев.

Для выполнения этой архиважной и архиважнейшей задачи снабжения страны хлебом партия 7 мая 1918 года послала на юг товарища Сталина — лучшего и ближайшего соратника Ленина.

Подписанный В. И. Лениным мандат товарища Сталина гласил:

«Член Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар Иосиф Виссарионович Сталин, назначается Советом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары обязываются исполнять распоряжения тов. Сталина»².

Под барельефом Сталина работы скульптора Меркурова вделана в мрамор фотокопия этого мандата.

Далее материалы открывают нам исключительную по размаху и значению работу товарища Сталина по спасению страны от голода и по обороне социалистической родины от белых банд и немецких оккупантов.

Перед нами характерный документ — сводка Чокпрода об отправленном товарищем Сталиным из Царицына продовольствии в июне 1918 года. Только за

один месяц страна получила свыше 2300 вагонов хлеба и другого продовольствия, направленного товарищем Сталиным.

Но товарищ Сталин не ограничился организацией отправки продовольствия в промышленные центры: с первых же дней приезда в Царицын он берет в свои руки и руководство военным делом.

К июню 1918 года войска германских оккупантов подошла к границе Донской области, с ними вместе — белые банды, порывавшиеся захватить пункты и станицы, связывающие Царицын с югом. Царицын клином врезывался между силами южной и восточной контрреволюции.

В последних числах июня к Царицыну подошла армия тов. Ворошилова. Это было крупнейшее подкрепление для царицынского фронта. Особой схемой в отделе показывается героический поход ворошиловских частей от Луганска к Царицыну. Здесь мы видим ряд фотографий тов. Ворошилова (снимки того периода) и пришедших с его армией командиров и политических работников.

Приход украинских частей, прибытие Ворошилова, а с ним ряда руководящих военных работников с Украины и Донбасса (Щаденко, Пархоменко, Артема, Магидова, Н. Руднева, Вадима, Кулика, Алябьева и других) были тем более своевременными, что опасность, грозившая городу, значительно возросла.

Красновские банды, получив большое подкрепление оружием от немецкой оккупационной армии, провели ряд мобилизаций. Наметилась консолидация контрреволюционных сил.

Войска Ворошилова внесли бодрость в ряды защитников города; они помогли Сталину укрепить пролетарскую оборону, организовать военный аппарат так, как того требовала обстановка.

2

В следующем, третьем зале Музея размещен отдел «Период первого и второго окружения Царицына».

Застав невероятный хаос не только в советских, профессиональных и партийных организациях, но еще большую путаницу и неразбериху в органах военного командования, товарищ Сталин становится во главе Военного совета, проводит реорганизацию штаба Северокавказского военного округа, удалив оттуда военспецов — вредителей и шпионов, посаженных Троцким.

Благодаря преступной политике Троцкого штаб Северокавказского военного округа оказался заполненным предателями, которые стремились поставить красноармейские части под разгром.

Товарищ Сталин с первых же дней появления в Царицыне вникает во все детали, вносит всюду живую струю своего организаторского гения, заостряет бдительность царицынских пролетариев, зажигает энтузиазм рабочих.

Уже 17 июня рабочие заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады» принимают

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 28.

² Ленинский сборник XVIII, стр. 195.

Музей обороны Царицына. Общий вид отделов «Начало гражданской войны» и «Приезд товарища Сталина в Царицын».

решение идти на фронт всем, кто способен носить винтовку, для защиты советской власти. 19 июня чрезвычайное собрание членов Совета, штаба обороны, военно-казачьей секции, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, представителей воинских частей и т. д. выносит следующую резолюцию: «По имеющимся сведениям, в Царицыне обосновались целые штабы контрреволюционеров, которые готовят выступление против рабочих и крестьян. И в ответ на это мы заявляем, что примем все меры к тому, чтобы подавить малейшую попытку к свержению советской власти в нашем городе».

Царицынский пролетариат заговорил языком пролетарской диктатуры.

Город в это время был в тяжелом положении: на него наступали одновременно Донская армия, армия генерала Мамонтова и генерала Фицхелаурова. Это было так называемое первое окружение города.

Белые предвкушали уже быстрый захват Царицына, но они просчитались: орех оказался им не по зубам.

Воодушевленная Сталиным, организованная, подчиненная единому, созданному им стратегическому плану, Красная армия отбила врага.

В июле товарищ Сталин лично объезжает фронт, вникает во все подробности обстановки и телеграфирует Ленину:

«Военрук Снесарев по-моему очень умело саботирует дело очищения линии Котельниково—Тихорецкая. Ввиду этого я решил лично выехать на фронт и познакомиться с положением. Взял с собой Зедина, командующего Ворошилова, броневой поезд, технической отряд и поехал. Полдня перестрелки с казаками дали нам возможность прочистить дорогу, исправить путь в четырех местах на расстоянии 15 верст. Все это удалось нам сделать вопреки Снесареву, который против ожидания также поехал на фронт, но держался от поезда на рас-

стоянии двух станций и довольно деликатно старался расстроить дело. Таким образом от ст. Гашун нам удалось добраться до ст. Зимовники, южнее Котельниково. В результате двух-недельного пребывания на фронте убедился, что линию безусловно можно прочистить в короткий срок, если за броневым поездом двинуть двенадцатитысячную армию, стоящую под Гашуном, и связанную по рукам и ногам распоряжениями Снесарева. В виду этого я с Зединым и Ворошиловым решили предпринять некоторые шаги вразрез с распоряжениями Снесарева. Наше решение уже проводится в жизнь и дорога в скором времени будет очищена, ибо снаряды и патроны имеются, а войска хотят драться. Теперь две просьбы к вам тов. Ленин: убрать Снесарева, который не в силах, не может, не способен или не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками-казаками. Может быть он и хорош в войне с немцами, но в войне с контрреволюцией он—серьезный тормоз и если линия до сих пор не прочищена,—между прочим потому и даже главным образом потому, что Снесарев тормозил дело. Вторая просьба—дайте нам срочно штук восемь броневых автомобилей. Они могли бы возместить, компенсировать, повторяю—компенсировать численный недостаток и слабую организованность нашей пехоты»¹.

На этой телеграмме Сталина В. И. Ленин написал: «По моему согласиться со Сталиным». И хотя Троцкий всеми силами тормозил отзыв из Царицына военрук Снесарева, но, по прямому указанию Ленина, 19 июля был объявлен приказ из Москвы, в котором говорилось:

«Ввиду обнаруженных неудобств нынешней организации Северо-Кавказского округа, постановляется: руководство всеми военными организациями переходит из рук военного комиссариата в руки

¹ «Правда» от 3 января 1935 года.

Военного совета Северо-Кавказского округа».

Все части, прибывшие с Украины в Царицын под командованием К. Е. Ворошилова, объединяются в одну армию, руководство которой поручается Ворошилову, утвержденному одновременно членом созданного в июле 1918 года товарищем Сталиным Военного совета фронта.

Во главе Военсовета фронта становятся товарищи Сталин и Ворошилов.

В этом отделе Музея помещены портреты товарищей Сталина и Ворошилова этого периода, приводятся интересные высказывания предателя генерала Носовича, бывшего начальника штаба СКВО, «выдвиженца» Троцкого. Носович в белогвардейском журнале «Донская волна» констатирует исключительную энергию и прозорливость товарища Сталина, разгадавшего замыслы контрреволюционных генералов, посаженных Троцким в военных организациях СКВО.

Картина художника Грекова «Сталин в окопах» и телеграмма Сталина Ленину от 16 июля показывают, как товарищ Сталин, лично выезжая на фронт, организовывал победы Красной армии под Царицыном.

3

В следующем отделе показала исключительная роль товарища Сталина в деле ликвидации контрреволюционных заговоров в Царицыне. В отделе имеются приказы и бюллетени Военсовета, опубликованные в газете «Борьба», о заговоре инженера Алексева, о разгроме мятежа полковника Маркевича в Астрахани, о предательстве полков Грузолеса, спровоцированных меньшевиком Молдавским.

В витрине мы видим приказ Военного совета от 8 сентября о ликвидации восстания Грузолеса, подписанный Сталиным и Ворошиловым и выпущенный на следующее утро после восстания. В скупых, немногословных строках этого приказа вырисовываются контуры величайших героических дней царицынской обороны:

«Ночью с 7-го на 8-е сентября группа предателей русского народа, во главе с подкупленным Молдавским, обманым путем вывела на улицу часть грузолесовцев против Военного совета.

Группа эта, именуемая себя штабом «Грузолес», хотела свергнуть советскую власть в Царицыне и, напав на истекающий кровью фронт с тыла, помочь врагу русского народа Краснову привести в порядок расстроенные полки.

В 12 часов ночи открылось восстание выстрелами из орудий грузолесовцев по городу.

Военный совет, ограждая фронт и охраняя власть народа в Царицыне, принял срочные меры, мобилизовал революционные силы и к утру ликвидировал контрреволюционное выступление»¹.

¹ «Солдат революции» № 28 от 10 сентября 1918 года.

Краснов пытался нанести последний удар, выбить красные части из города, отбросить героические армии, стоявшие на флангах, и ворваться в Царицын.

Фронтные части так же, как и резервы в городе, с исключительной отвагой боролись за красный Царицын, с исключительным подъемом, решимостью и героизмом бросались на белых бандитов, сокрушая их ряды.

На всех участках царицынского фронта шла лихорадочная работа, собирались все резервы, мобилизовались ресурсы.

Руководимые Сталиным и Ворошиловым красные войска, все командиры и политработники армии понимали лежащую на них ответственность. Они на каждом шагу чувствовали твердую, организующую руку Сталина.

В горячую пору сражений Сталин перестраивает управление фронтом, реорганизует, укомплектовывает, отбрасывает старое и создает новое, отстраняет негодных руководителей и на их место ставит испытанных большевиков.

«В целях улучшения дела снабжения фронта Военный совет постановляет: 1) ликвидировать существующее артиллерийское управление; 2) заведующим всеми артиллерийскими складами города Царицына и всего Севкавказского округа назначается тов. Моисей Львович Рухимович. Товарищу Рухимовичу поручается немедленно организовать базу снабжения на основе указаний, данных Военным советом»².

Этим же приказом Сталин отстраняет от должности члена совета Ковалевского.

В Царицыне вместо штаба округа создается оперативный отдел при Военном совете. Этим мероприятием Сталин сразу изменяет всю прежнюю вредную систему военного руководства. Военный совет становится верховным и единственным центром всего военного дела на южном фронте.

В целях упорядочения дела формирования новых военных частей создается отдел формирования и обучения. Заведующим этим отделом приказом за подписью Сталина назначается Николай Руднев, один из храбрых и беззаветно преданных революции командиров армии Ворошилова, перенесших все невзгоды похода с Украины. Военный совет проводит большую работу и в рядах армии фронта. Кладется решительный предел всякому самоуправству и разгильдяйству. Конкретные виновники несут заслуженное наказание.

В приказе № 35 Военсовета говорится: «Бывший командир Жутковского боевого участка Базаров и бывший командир Южного фронта Волоцкий за небрежное отношение к своим обязанностям и самовольную отлучку с фронта по постано-

² «Борьба» № 180 от 9 августа 1918 года.

Музей обороны Царицына, отдел «Первого и второго окружения Царицына».

влению Военного совета заключены под арест».

В другом приказе постановлением Военного совета арестовывается и придается суду за преступно небрежное отношение к положению фронта, за оставление своей части без руководства в критический момент командир советского батальона Синюков¹.

Введением твердой дисциплины, укреплением военного аппарата, разгромом вредителей и контрреволюционеров наводится революционный порядок на царицынском фронте.

Приказы о мобилизации, о сдаче частями и отрядами излишков оружия, фотокопии письма товарища Сталина представителю Военсовета на царицынских заводах Марченко о приведении в готовность бронепоездов, фото которых выставлены в залах Музея, показывают, какую кипучую деятельность развернул товарищ Сталин, обороняя город, организуя массы для отпора врагу.

В начале сентября армия царицынского фронта под руководством Ворошилова, после ликвидации окружения, переходит в наступление и расширяет поле своих боевых операций. Все дальше откатываются белые, теснимые Красной армией, к Дону. Фронт Красной армии к этому времени проходил на юге от реки Сал, тянулся по левой стороне Дона, от Калача до Усть-Медведицкой с западной стороны, и до устья реки Иловли с северной стороны.

Красная армия делала буквально чудеса.

В сводке за 1 сентября указывалось, что «нашими войсками занята с боем железнодорожная станция Качалино. Дальнейшее передвижение наших войск на север продолжается. На нашу сторону перешла почти вся неприятельская дивизия, оперировавшая на северном участке, причем один из полков сдался целиком с оружием и пулеметами².

Военный совет фронта, проводя в жизнь план военных операций Сталина, полностью ликвидировал первое окружение.

Белые банды были отброшены от Царицына. Меры, принятые товарищем Сталиным к обороне, дали блестящие результаты. Противник потерпел под Царицыном полное поражение, хотя белые были так уверены во взятии Царицына, что «за войсками шли обозы с женщинами за мануфактурой и прочими товарами».

Большое значение в укреплении царицынского фронта имела агитационная работа, хорошо налаженная на фронте и в частях, формируемых в Царицыне. Особенно много сделала печатная агитация, в частности прекрасно поставленная газета Военного совета «Солдат революции», которая расходилась на фронте в количестве 13 тысяч, а по городу — в количестве 3 тысяч³. Кроме того широко распространялись (свыше 7 тысяч) «Вечерний бюллетень военсовета» и газета «Борьба» (10 тысяч).

¹ ЦАКА, д. № 22—682, л. 49.

² ЦАКА, д. № 221, л. 71.

³ ЦАОР, ф. 130, д. № 4, оп. 1 в., л. 19.

К десятым числам сентября многие участки фронта были подкреплены свежими пополнениями.

Весь сентябрь проходит в боях уже вдалеке от Царицына. Однако Красная армия, не имея достаточных резервов, плохо снабжаемая оружием, снарядами и другими военными припасами (главным виновником чего было командование южным фронтом во главе со ставленником Троцкого — Сытиным), не смогла долго задерживаться на занятых позициях.

Недостаток оружия, остро ощущавшийся в частях Красной армии, борющихся с белыми бандами генерала Краснова, ставил под угрозу успех обороны Царицына. Вопрос о вооружении, снабжении которым царицынского фронта преступно саботировал Троцкий, освещает ряд документов, в частности телеграмма товарища Сталина и Ворошилова Ленину и Свердлову. Здесь же даются подлинные документы, подписанные Сталиным: мандат начальнику снабжения фронта Дышловому, а также подлинный документ о Волго-Донском канале (был опубликован в «Правде» в октябре 1936 года).

Тут же дается за подписями Сталина и Ворошилова письмо к донской бедноте, опубликованное в газете «Солдат революции».

В эти дни разворачивается огромная партийная и политическая работа на фронте. В Музее представлены номера боевой, подлинно большевистской армейской газеты «Солдат революции», созданной товарищем Сталиным. Ее номера пестрят приказами Военсовета. Со страниц газеты несутся страстные призывы дать отпор белым бандам.

Отдел Музея заканчивается схемой, показывающей положение города в период второго окружения. В документах и материалах отдела мы видим, как было ликвидировано второе окружение, видим, как, осуществляя сталинский план, Красная армия разбила донских генералов, пытавшихся сдаться в железных тисках пролетарский город. Мы видим участников этих боев: вот Жлоба, пришедший со своей дивизией на помощь Царицыну сюда; вот портреты командира Морозовско-Донецкой дивизии, а затем и комиссара фронта товарища Шаденко, командира бронепоездов Алябьева, командующего артиллерией фронта Кулика и командира Коммунистической дивизии Худякова.

А вот знаменитый документ, в котором отражены великая любовь вождей нашей революции, их внимание и

забота о героях красного фронта, — это телеграмма Ленина и Сталина (находившегося в те дни в Москве) войскам царицынского фронта, в которой вожди народа поздравляют красноармейцев и командиров с первыми успехами и победами, одержанными на фронте. В этом приветствии, адресованном на имя тов. Ворошилова, Ленин и Сталин пишут:

«Передайте наш братский привет героической команде, всем революционным войскам царицынского фронта, самоотверженно борющимся за утверждение власти рабочих и крестьян. Передайте им, что Советская Россия с восхищением отмечает героические подвиги коммунистических и революционных полков Худякова, Харченко, Колпакова, кавалерии Думенко и Булаткина, броневых поездов Алябьева, Военно-Волжской флотилии. Держите красные знамена, несите их бесстрашно вперед, искореняйте помещичью и кулацкую контрреволюцию беспощадно и покажите всему миру, что Социалистическая Россия непобедима.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар и председатель Революционного совета Южного фронта

И. Сталин»¹.

Таково краткое содержание этих важнейших отделов Музея.

Проходя по залам Музея, мы видим героическую эпоху гражданской войны, видим ту огромную по своему значению военную деятельность, которую развернул здесь, под Царицыном, великий вождь и учитель трудящихся всего мира товарищ Сталин.

В сухих, лаконических сводках с фронта, приказах и телеграммах, в выцветших от времени листах газет отразилась замечательная страница истории революции, вписанная гениальным стратегом И. В. Сталиным. Эти страницы изучают с величайшим вниманием не только народы необъятного Советского союза, но и трудящиеся других зарубежных стран. С историей обороны Царицына стремятся ознакомиться сейчас героические войска революционной Испании, в их борьбе с фашистами они учатся сталинскому искусству побеждать врага.

Музей обороны Царицына — прекрасный памятник героической эпохи борьбы и побед под руководством любимого вождя народов, полководца и стратега социалистической революции товарища Сталина.

¹ «Борьба» № 217 от 24 сентября 1918 года.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Статьи, корреспонденции, документы Интернационала. 1864—1870. Т. XIII. Ч. 1-я. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 464 стр.

В первую часть XIII тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса вошли работы, написанные основоположниками научного социализма с 1864 по 1870 год, т. е. со времени основания I интернационала и до начала франко-прусской войны.

Среди работ, вошедших в настоящий том, следует прежде всего отметить большой доклад К. Маркса, прочитанный им на двух заседаниях Генерального совета в 1865 году и опубликованный уже после смерти Маркса под заглавием «Заработная плата, цена и прибыль». В этом же томе помещены девять рецензий Энгельса на «Капитал», а также документы Маркса и Энгельса, относящиеся к деятельности Маркса в Интернационале.

Значительный интерес представляют большая работа Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» и статья Маркса о Прудоне.

В письмах Маркса и Энгельса, относящихся к 1865 году, читатель найдет исчерпывающее освещение вопроса об отношении Маркса и Энгельса к лассальянскому Всеобщему германскому рабочему союзу и вождю его Швейцеру. Среди многочисленных документов, посвященных критике бакунизма, имеется очень ценная работа Маркса «Конфиденциальное сообщение», написанная им в 1870 году.

В приложениях к XIII тому дан ряд документов и статей, в составлении и редактировании которых Маркс принимал непосредственное участие.

Лондонская конференция Первого интернационала 17—23 сентября 1871 года. Протоколы под редакцией В. Адоратского. Партиздат. 1936. 346 стр. 3 р. 50 к.

Впервые публикуемые протоколы лондонской конференции I интернационала являются документами первостепенной исторической важности.

Несмотря на ряд недостатков в записях протоколов конференции (которые велись в основном бланкистом Мартеном и прудонистом Роша), в результате тщательной обработки и сверки различных вариантов записей в ИМЭЛ современный исследователь этого периода имеет теперь возможность ознакомиться с единственным в своем роде источником для изучения работ конференции. Об огромной ценности этих документов свидетельствует уже тот факт, что, судя по протоколам, Маркс выступал на конференции 97 раз, а Энгельс — 36 раз!

Кроме протоколов в настоящий том входит специальный раздел, где собраны записи, наброски и материалы Маркса и

Энгельса, связанные с лондонской конференцией 1871 года. В этот отдел вошли записи Энгельса на заседаниях конференции, план речи Энгельса о политической борьбе на заседании конференции 21 сентября и отдельные заметки Маркса и Энгельса, являющиеся ценным дополнением к протоколам. В приложении даны извлечения из неопубликованных протоколов Генсовета за июль—октябрь 1871 года, документы, посвященные борьбе Генерального совета Интернационала против бакунистского альянса с 1868 по 1871 год, а также письма Маркса и Энгельса, относящиеся к деятельности Генсовета в период лондонской конференции 1871 года.

«Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII века». Сборник документов. Ч. 2-я. Изд-во Академии наук СССР. 1936. 264 стр. 11 руб.

Вторая часть сборника документов «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII века» включает в себя документы, характеризующие хозяйство двух наиболее крупных вотчин боярина Б. И. Морозова — сел Мурашкина и Лыскова, Нижегородского уезда.

Настоящий сборник является дополнением к уже опубликованной первой части документов, относящихся к вотчинам Морозова в Арзамасском, Курмышском и Нижегородском уездах.

Вошедшие в настоящий том материалы отображают наиболее характерные явления жизни крепостных крестьян в крупных феодальных вотчинах XVII века, рост простого товарного хозяйства деревни и отрыв крестьян от земледелия, развитие торговли и ремесла в этих вотчинах.

Сборник является ценным первоисточником для исследователей, работающих по истории этого периода. Общий очерк хозяйства Б. И. Морозова написан В. Г. Гейман.

АППИАНА. Гражданские войны. Перевод с греческого. Соцэкгиз. 1935. 352 стр. 8 р. 85 к.

«Гражданские войны» Аппиана, впервые появляющиеся в русском переводе, являются ценным первоисточником в области изучения наиболее интересного этапа в истории античности. Общеизвестна та высокая оценка, которую дали в свое время трудам Аппиана основоположники научного социализма Маркс и Энгельс. Именно Аппиан давал Марксу основной материал для анализа истории Рима в эпоху гражданских войн. Маркс и Энгельс неоднократно отмечали, что основной причиной нелюбви к Аппиану со стороны буржуазной историографии являет-

ся то, что Аппиан «старается докопаться до материальной подкладки» гражданских войн. Наряду с этим положительным качеством в труде Аппиана советский читатель найдет богатый фактический материал, изложенный живым, образным языком. «Гражданские войны» Аппиана охватывают один из наиболее важных периодов в истории древнего Рима, начиная с Гракхов и кончая событиями 37 года до нашей эры.

Книга рассчитана на студентов исторических вузов и преподавателей истории в высших и средних школах.

В. В. СТРУВЕ. Хрестоматия по древней истории. Т. II. М. Учпедгиз. 1936. 244 стр. 2 р. 80 к.

Второй том хрестоматии по древней истории, предназначенный в качестве учебного пособия для средних школ, включает в себя письменные памятники, относящиеся к истории древнего Рима, начиная с образования римского государства и кончая падением Римской империи. Хрестоматия составлена на основе тщательной выборки наиболее ценных первоисточников произведений античных историков, в значительной своей части впервые переведенных на русский язык. Хрестоматия дает возможность учащимся познакомиться не только с политическим строем Рима и его гражданской историей, но также и с отдельными литературными произведениями того времени, с нравами и бытом древних римлян. Хрестоматия дает также характеристики отдельных римских политических деятелей и полководцев, что позволит педагогам в значительной мере оживить уроки по древней истории. Для облегчения пользования книгой в конце II тома имеются указатели античных авторов, географических названий, собственных имен, а также предметный указатель и указатель единиц измерений. Существенным недостатком хрестоматии является отсутствие карты древнего Рима.

«Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Сборник II. Под редакцией проф. С. Д. Асфендиарова. Казахстан. Краевое издательство. 1936. 295 стр. 4 р. 75 к.

Второй том «Прошлого Казахстана в источниках и материалах» охватывает период завоевания Казахстана и Средней Азии царизмом до 1870 года.

Отрывки из сочинений иностранных и русских авторов — царских военных деятелей, администраторов, миссионеров — разоблачают грабительскую, колонизаторскую политику царизма.

Работа является пособием при изучении истории Казахстана. Книга рассчитана на широкого, подготовленного читателя: партийный и комсомольский актив,

научных работников, студентов; может быть использована для самообразования*.

«Памятники истории Англии XI—XIII веков». Русский и латинский тексты Великой хартии вольностей и других документов. Перевод и введение акад. Д. М. Петрушевского. Соцэкгиз. М. 1936. 240 стр. 3 р. 30 к.

В настоящем сборнике акад. Д. М. Петрушевский собрал основные документы политической истории Англии XI—XIII веков, завершающейся Великой хартией вольностей и организацией английского парламента. Часть этих документов впервые издается на русском языке. Вводная статья акад. Д. М. Петрушевского, одного из лучших знатоков политической истории средневековой Англии, излагает внешние стороны этой истории, давая конкретные описания политических и административных учреждений эпохи. Однако эта статья отражает все слабые стороны буржуазной историографии: автор не раскрывает классовых взаимоотношений феодальной формации, классового содержания рассказанной им политической борьбы, поэтому анализ исторических фактов и документов, даваемый Д. М. Петрушевским в его вводной статье, должен быть воспринят критически*.

Б. БОШКОВИЧ. Балканы и международный империализм. М. Соцэкгиз. 1936. 150 стр. 1 р. 55 к.

В брошюре Б. Бошковица приводятся краткие сведения о довоенной истории балканских стран и государственнотерриториальных изменениях, которые произошли в Юговосточной Европе в результате войны 1914—1918 годов, прослеживается обострение классовых отношений внутри этих стран на современном этапе и взаимная борьба крупнейших империалистических держав за господство на Балканах и в Дунайском бассейне. Особое место при этом в брошюре отведено освещению экспансии Германии и Италии в этой части Европы, а также роли и значения Малой и Балканской Антант на международной арене*.

Н. РОСТОВ. Крестьянские волнения в 1861 году. Соцэкгиз. 1936. 45 стр. 25 коп.

Брошюра Н. Ростова «Крестьянские волнения в 1861 году» дает краткую характеристику крепостного строя и реформы 1861 года. На этой основе автор дает историю двух наиболее ярких восстаний, которыми крестьянство ответило на царскую реформу: восстаний в Бездне и в Черногай-Кандиевке.

Книга рассчитана на массового читателя*.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ — Подлая троцкистско-фашистская банда	1
К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ СССР	
Б. ВОЛИН — Партия большевиков в феврале—марте 1917 года	13
З. КАСТЕЛЬСКАЯ — Национальная политика Временного правительства в Узбекистане	30
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ А. С. ПУШКИНА	
П. СОФИНОВ — А. С. Пушкин — исследователь пугачевского движения	38
ИСТОРИЯ СССР	
Е. ЗВЯГИНЦЕВ — Чума в Москве в XVII и XVIII вв.	52
А. ПРЕСНОВ — Царская Россия и французская буржуазная революция 1789 г.	60
СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ	
И. АРСКИЙ — Восстание английских крестьян в 1549 г.	71
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ	
В. СЕРГЕЕВ — Заговор Катилины	86
ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ	
Об изучении Конституции Союза ССР в школах	97
А. ФОХТ — О методических и педагогических ошибках М. Н. Покровского	101
К. КУДРЯШОВ — Историческая карта	111
И. МЕРЗОН — Записи учащихся по истории в неполной средней школе	118
БИБЛИОГРАФИЯ	
С. КАН — Жорж Лефевр „Аграрный вопрос в эпоху террора“	123
В. ЛОСЕВ — Ф. Попов „Хроника революционных событий в Самаре в 1902—1917 годах“	128
В. СТРУВЕ — „История древнего мира“	131
И. СОКОЛОВ — Б. А. Тураев „История древнего Востока“	132
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ	
В. АЛЕКСЕЕВ — Памятник героической эпохи	134
КНИЖНАЯ ПОЛКА	

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**

Ответственный секретарь — **О. С. Вейланд**

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. Тел. Д-3-30-48. Прием в редакции от 10 до 3 дня

Уполномоченный Главлита № Б—10906

Изд. № 182

Заказ 313

Тираж 52 000

Материал сдан в набор 5/II 1937г. Подписан к печати 19/II 1937 г. 9½ печ. л. 70 000 п. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА**

НА 1937 ГОД

НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

**ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

ВЫХОДИТ 1 РАЗ В МЕСЯЦ

XIX год издания

Журнал «Коммунистический интернационал» — руководящий орган ИККИ — освещает **тактические и организационные вопросы секций Коминтерна.**

Журнал «Коммунистический интернационал» освещает **вопросы международного революционного движения, борьбу за единый пролетарский и единый народный фронт, борьбу против фашизма и войны, экономическую борьбу рабочих, борьбу угнетенных масс колониальных и полуколониальных стран.**

В журнале «Коммунистический интернационал» имеются постоянные отделы: «Международное рабочее движение», «Люди Коминтерна», «Политические заметки», «Отдел критики и библиографии».

Журнал «Коммунистический интернационал» помещает статьи руководящих товарищей ИККИ и секций Коминтерна.

В журнале «Коммунистический интернационал» публикуются **постановления Исполкома Коминтерна, Интернациональной контрольной комиссии и руководящих органов секций Коминтерна.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: «Союзпечатью», почтой, отделениями Издательства газеты «Правда», письмоносками, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и издательствами политотдельских газет на транспорте. Розничная продажа журнала производится во всех киосках «Союзпечати».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

**ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
НА 1937 ГОД:**

на 1 мес. — 1 р.

на 3 мес. — 3 р.

на 6 мес. — 6 р.

на 12 мес. — 12 р.